

МОЛОДАЯ ПРОЗА КУБАНИ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Краснодарское отделение Союза писателей России

**МОЛОДАЯ
ПРОЗА
КУБАНИ**

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СОДЕРЖАНИЕ

С.Н.Макарова-Гриценко

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ! 5

Ирина Иваськова

ВРЕМЯ КРАСНЫХ ПТИЦ 6

УХОДЯ, ГАСИТЕ СВЕТ 10

НЕВИДИМКИ 13

Элина Савченко

СОБАКА 17

Алина Хомич

СКАМЕЙКА 20

МОНЕТКА 23

ШОКОЛАДКА 24

Павел Девольд

ПЯТНИЦА, ЧЕТЫРНАДЦАТОГО 25

Мария Грачёва

СЕМЬ ЖЕЛАНИЙ ДЛЯ ЗОИ (Повесть) 29

Елена Соколова

ОСЛЕПШИЙ ДОЖДЬ 63

Николай Сукманюк

ОЧЕВИДНО, ЧТО ОЧЕВИДНОЕ НЕ ОЧЕВИДНО

(Иронический детектив) 66

Дарья Лакиза

СКАЗКА ДЛЯ ПАПЫ 75

Иван Леер

ПРИТЧА 79

Зражевская Полина

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА (Эссе) 80

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед тобой книга повестей и рассказов, которую смело можно назвать уникальной. И потому, что авторы этой книги – талантливые молодые прозаики Кубани, возраст которых от школьных одиннадцати лет до вполне себе взрослых, в ранге молодых и перспективных, тридцати восьми, и потому, что подобного издания не было очень и очень давно. Возможно, ещё во времена Советского Союза произведения прозаиков-дебютантов могли выпустить отдельным изданием, чего я не берусь утверждать, хотя припоминаю, что встречала такую книгу. В самом начале двухтысячных краевой писательской организацией был подготовлен и вышел в свет небольшой сборник начинающих поэтов «Вдохновение» под редакцией В.А. Архипова. Одна из авторов Мария Петелина впоследствии стала членом Союза писателей России.

Лишь через двадцать лет, в юбилейный Пушкинский год, мы нашли, наконец, возможность поддержать и молодых прозаиков. Большинство из них — члены литературных объединений, участники семинаров начинающих литераторов, постигающие ремесло в сотрудничестве с ведущими писателями Кубани. У признанных мастеров слова есть заслуженное чувство причастности к раскрытию их талантов, профессиональному росту.

Об Ирине Иваськовой и Эллине Савченко, открывающих нашу книгу, знают не только в крае. Они лауреаты всероссийских и международных литературных фестивалей-конкурсов, члены Союза писателей России, авторы краевых и российских престижных литературных изданий. Одна из книг Ирины Иваськовой «Здравствуй, понедельник!», изданная в Санкт-Петербурге и адресованная дошколятам, переведена на английский язык. Эллина Савченко пишет стихи и рассказы, выступает с публицистическими статьями, занимается большой общественной работой, она руководитель Совета молодых литераторов Кубани, созданного при Краснодарском отделении Союза писателей России.

Уже несколько лет активно работает с молодыми авторами Анапы и Алина Хомич, участница Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках-2018. С творчеством Маши Грачёвой, Павла Девольда и Даши Лакизы мы познакомились во время краевых и выездных семинаров, их произведения вызвали интерес и руководителей, и участников. Уроки мастерства, полученные ребятами, не прошли даром, отношение к написанному – стилистике, композиции, характерам героев – стало более серьёзным и профессиональным.

Школьники Елена Соколова, Полина Зражевская и Николай Сукманюк, несмотря на свой совсем юный возраст, активные участники литературных конкурсов, их потенциал отмечен дипломами и почётными грамотами победителей. Ребята всерьёз занимаются литературой и уже дебютировали на страницах краевых изданий, как и самый юный наш автор анапчанин Ваня Леер.

Я не знаю, как сложатся судьбы молодых кубанских прозаиков, напишут ли они многие тома или останутся авторами всего лишь одного-двух произведений, но созданное ими сегодня уже достойно внимания самых строгих читателей. Предлагаемые повести и рассказы продолжают гуманистические традиции великой русской литературы, всегда обращённой к душе человека, к его чувствам, уму, вере и памяти.

Наша книга выходит в год 220-летия А.С. Пушкина. Пусть публикация в сборнике, выпущенном под логотипом Союза писателей России, не только поможет авторам ощутить значимость своего дарования, но и добавит понимание ответственности за написанное, поможет осознать, как важна и значима работа над каждым словом. Пусть эта книга станет для молодых ступенью на подъёме, памятно знаковым этапом в реализации их литературных талантов.

*С.Н.Макарова-Гриценко,
председатель КРО Союза писателей России,
главный редактор газеты «Кубанский писатель»,
заслуженный деятель искусств Кубани.*

*ИРИНА ИВАСЬКОВА,
38 лет, Анапа*

ВРЕМЯ КРАСНЫХ ПТИЦ

— А ребенка-то знаешь, как зовут? Сядь, если стоишь. Мирон! Вот и я говорю, идиотизм какой-то. Так я не поленилась, поискала, что имечко это значит. Ну-ну... Да ты что? А она?

Неведомый собеседник перебивает Марью Ивановну своей историей — из трубки доносится поквакивание и дребезжание. А вдруг Марья Ивановна и вправду говорит с большой лягушкой? А ну как лягушка прискачет сюда? Усядется рядом с кроватью, сама холодная, как зеленый лед, и вся блестит. Мироша терпеть не может лягушек и змей. Вот птицы — другое дело. Они в пушистых перьях и умеют летать, ловко подобрыв остренькие лапки.

— Кошмар... Кошмар! — возмущается Марья Ивановна чем-то услышанным и гнет свое: — Так я ж тебе говорю, я не поленилась и узнала, что этот самый Мирон означает. Ляг, если сидишь. Бла-го-у-хан-ный! Представляешь?! Ну-ну... А ты что?

Мироше не спится. День на дворе в самом разгаре, но ровно в три часа Марья Ивановна задергивает плотные занавески и велит уснуть. Мироша знает, что ей просто очень хочется поговорить, а в ее толстеньком кнопочном телефоне прячутся самые разные голоса. Кто квакает, кто присвистывает. Голоса все знают про Мирошу: и про имя, и про маму, и про высокую температуру.

— Да какой там отец, я тебя умоляю, бросил ее давно, — говорит Марья Ивановна в трубку. — Я соседка, вроде чужой человек, так и то чаще ребенка вижу. Жалею мальчишку: простыл, теперь дома сидит. А матери на работу надо, не дают ей больничный, уволить грозятся. Ну да, я тут не бесплатно, не бесплатно. Пенсии нынче, сама знаешь, какие.

Марья Ивановна принимается рассказывать, что видела сегодня в магазине, и куда ездила позавчера, и куда поедет завтра.

— Куры свежие, а вот сметану разбавляют! — твердит она квакающему голосу и слушает в ответ далекие бульканья и переливы.

Мироше становится так скучно, что он и в самом деле засыпает — легко, на самой верхуш-

ке сна и, кажется, всего на несколько минут. А когда просыпается, занавески уже раздвинуты, окно из солнечного стало серым и ни следа Марьи Ивановны в комнате не осталось.

Он отбрасывает душное одеяло — вот так тебе, ногами тебя в комок! — несется по скользкому полу на кухню, втыкается лохматой головой прямо в мамин живот и хохочет: нет никаких лягушек, и скуки нет, потому что мама дома!

— Мирошкин, ну не плачь, — утешает его мама полчаса спустя. — Всего два дня осталось! Сегодня Марью Ивановну вытерпел? Вытерпел. Завтра тетя Марина придет. А послезавтра... — мама подмигивает, — сюрприз будет! А потом выходные, и я буду дома, с тобой, никуда вообще не уйду ни на минутку! Ну, Мирошкин, ну два дня же! Потерпишь?

От мамы пахнет горьковатой прохладой: этот дождевой, свежий запах каким-то чудом втиснут в пузатый флакон, стоящий в коридоре у зеркала. Мироша думает, что, если станет совсем неспособен, можно будет этот флакон понюхать. А тетя Марина куда лучше Марьи Ивановны. А потом вообще — сюрприз.

— Ладно, — говорит он, — я потерплю.

* * *

Тетя Марина хоть и хорошая, но играть совсем не умеет, и Мироше уже в третий раз приходится объяснять, почему никак нельзя, чтобы красную птицу поколотила синяя.

— Красная — самая сильная, понимаешь? А синяя — слабенькая, она птенец еще. И вообще они дружат. У них домик вот здесь, под картонкой.

Тетя Марина берет красную птицу и делает вид, будто та идет по дивану, переваливаясь с лапы на лапу.

— Я самая сильная и красная! — сердито басит она, и Мироша смеется, потому что красная птица никогда не злится и уж тем более не ходит как пингвин.

— Не так! Дай покажу!

Он тянется за игрушкой, но тут у тети Марины звенит телефон.

— Да! Алло! — кричит она, вскакивает и опять садится. — Ты где?

Телефон у тети Марины широкий и плоский, как тоненькая книжка. Лягушек, похоже, в нем не водится, а сидит кто-то суровый, не говорящий, а гудящий в тетя-Маринино ухо. Мама говорила, что у тети Марины есть муж и он странный. Наверное, это он и гудит на тетю Марину так, что даже Мироше не по себе.

Тетя Марина долго слушает, закрыв глаза и поджав губы, а потом начинает стрекотать быстро, как заводная машинка.

— Нельзя так, ты понимаешь, нельзя так со мной! Я ни в чем перед тобой не виновата, зачем ты меня мучаешь? Я звонила-звонила, а ты два дня недоступен, вдруг с тобой что-нибудь случилось? Я ведь спать не могла, волновалась! Да не слежу я за тобой, не слежу! Я же люблю тебя!

Голос гудит в ответ — что-то обидное, потому что тетя Марина плачет. Мироша удивляется: как можно так плакать, когда глаза закрыты, а лицо совсем спокойное, будто она и не расстроилась? Если Мироша ревет — то всем телом и рот открывает пошире, ведь так же куда удобнее.

Тетя Марина снова вскакивает и убегает в соседнюю комнату, плечом прижимая телефон к щеке. Через стенку Мироша слышит, как она говорит, но не слышит что — и это похоже на жалобную песню без слов.

Красная птица лежит на диване, а синяя так и прячется под картонкой. Мироша вздыхает и принимается за дело один: птицам нужно слетать за добычей, пообедать, а после навести порядок в своем домике. К маминому возвращению нужно все успеть. А завтра будет сюрприз.

* * *

— Так полынью и поливаешься? Зачем тебе эта горечь? Женщина должна пахнуть сладким, съедобным чем-нибудь, а не тоской зеленой.

Мама смотрела на говорившего недоверчиво и как-то обреченно, но тут возмутилась:

— Без тебя разберусь, понял?

— Тогда я пошел?

Улыбаясь, мужчина сделал шаг назад.

— Да стой. Хоть перед собственным сыном не придуривайся, ладно? Решил исправляться, так исправляйся. А я, вообще, опаздываю. Температура у него небольшая, хотя горло еще побаливает. Лекарства на столе, если что — сразу звони.

Мужчина ничего не ответил, потому что увидел Мирошу: тот стоял в дверном проеме и смотрел на маму сонно и вопросительно.

— Мирошкин, доброе утро! — как-то слишком обрадовалась мама. — А вот и сюрприз! Папа твой приехал. Помнишь, я говорила тебе, что он отправился далеко-далеко в чужую страну, никто оттуда не может ни доплыть, ни долететь? А он смог — и доплыл, и долетел! И вам пора познакомиться и подружиться.

— Здорово, парень!

Мужчина шагнул к Мироше, подхватил его под мышки и закружил так быстро, что все перед глазами смешалось: и мама, и зеркало, и вешалка, и розовый утренний свет, падающий из открытой кухонной двери...

— Ну, брат, рассказывай!

Мама уже ушла, а папа уселся в кресло, вытянув ноги почти до середины комнаты.

— Как живешь? Чем занят?

Мироше очень хочется побежать вслед за мамой: может быть, она разрешит пойти с ней на работу? Или позвать Марью Ивановну. Или пусть плакучая тетя Марина придет.

Откуда он взялся — папа? И что, теперь прямо сразу его так можно называть? Мироша пробует произнести новое слово про себя. Папы всегда были у других, а чтобы вот так, собственный появился — это еще привыкнуть надо... Однако мужчина глядит на него так весело и открыто синими-пресиними глазами, что от этого взгляда, и улыбки, и особенного, никогда не виданного Мирошей сочетания яркой черной бороды и белого свитера внутри становится светло и счастливо и хочется рассказать сразу все: и про красную птицу, и про царапающие горло коготки простуды, и про кудрявую девочку Олю из старшей группы, и про то, что на самом деле пахнет от мамы замечательно — чистой холодной водой.

— Я... — начинает Мироша, но папа вдруг перестает улыбаться и хлопает себя по карманам брюк.

— Черт, — сквозь зубы бормочет он, — телефон опять потерял. Черт! Так, парень, быстренько собирайся, смотаемся в одно место и вернемся. Где там твоя одежда, показывай.

Он очень торопится, и Мироша не успевает ничего объяснить: ни того, что куртку обычно не надевают на пижаму, ни что желтая шапка куда теплее синей и что перчатки прячутся в нижнем ящике комода под мохнатым маминым шарфом.

* * *

В просторном зале тихо, холодно и темно. Мягкие кресла поджали сиденья, словно боясь пустоты вокруг. Свет горит лишь на высокой сцене, а в самой ее середине, прямо на досках си-

дит лысый старичок и крутит в руках длинные железные палки.

— Опа, — говорит он, увидев Мирошу, — и кто это у нас такой?

Папа легонько подталкивает Мирошу к ведущим наверх ступенькам.

— А это у нас сын. Мирон называется.

— Ух ты! — удивляется старичок. — Ну, здравствуй, здравствуй. Слушай, а стойки-то менять придется.

Папа пожимает плечами — наверное, ему все равно — бродит по сцене туда-сюда и бормочет что-то ругательное, но не злое, а потом с ликованием хватается блестящий телефонный прямоугольник, валяющийся у складчатого занавеса.

— Нашел! — кричит он. — Фу-у-ух... Вечно из кармана все валится. Вот, брат, погляди, где у тебя родитель работает. Это тебе не просто так, а театр! — На этом слове папа поднимает вверх брови и указательный палец.

— Храм искусства, — серьезно кивает старичок. — Ты к завхозу, кстати, зайди, он тебя еще вчера искал.

Папа опять чертыхается, берет Мирошу на руки, выбегает из полутьмы зала в узкий, ярко освещенный коридор — не прямой, как в детском саду или у мамы на работе, а похожий на лабиринт, ведущий то в стороны, то вниз.

Добравшись до центра лабиринта и толкнув толстую дверь, папа, так и не отпуская Мирошу с рук, долго кричит усатому дядьке что-то непонятное, тот кричит на него в ответ, потом они хохочут и спешат в соседнюю комнатку, где пахнет пылью, а в разноцветных ворохах ткани возьмется три женщины с огромными ножницами. Мирошу усаживают в угол на толстый рулон марли, суют печенье, шоколадку и сморщенное старое яблоко.

Он грызет угощение не глядя — так много всего интересного кругом, только вот холодно очень. Высоко по стенам на длинных крюках развешаны чьи-то наряды: самые обыкновенные рубашки и пиджаки покачиваются рядом с бархатными плащами, стальными кольчугами, ковбойскими шляпами, звериными масками и пышно взбитыми, облачными платьями. В комнатку заходят и заходят люди, и непонятно, как это они помещаются на крохотном, заставленном тряпичными колоннами пятачке. И каждый, кто заходит, видит Мирошу и спрашивает, кто это у нас такой, а после удивляется и здоровается.

Затем включают музыку, и она то льется, то прыгает между полом и потолком, не оставляя ни единого пустого местечка в этом чудном и донельзя переполненном мирке. У Мироши кружится и немножко болит голова, но отвлекаться никак нельзя, нужно во все глаза смотреть, как папа смеется, и слушать, как он говорит. Если бы еще мама была здесь, если бы она пришла... И то душное одеяло с собой прихватила...

— Родитель, а родитель, — спохватывается одна из женщин с ножницами, — ребенок-то у тебя не хворает? Гляди, кукутся как.

Папа хлопает себя по лбу, снова хватается Мирошу на руки и бежит куда-то, но Мироша уже не видит куда, только чувствует движение воздуха вокруг себя на лабиринтовых поворотах коридора — то ли падение, то ли полет. Он пытается устроиться поудобнее, свернуться в калачик и согреться, и вскоре ему кажется, что на макушке у него сидит красная птица с перьями легкими и пушистыми, обнимает его, своего слабенького птенца, закрывает ему лицо мягкими крыльями, шепчет, что все будет хорошо, и пахнет дождем — тем самым, что прячется в пузатом флаконе у зеркала.

УХОДЯ, ГАСИТЕ СВЕТ

Пеструхин появляется вечером, ближе к восьми. Наверное, ужинает после работы, а потом сразу ко мне. Замок я не закрываю – зачем? На Нюрку никто не позарится, а больше ничего у меня нет.

Пеструхин стучится – тук-тук-тук, а потом открывает дверь так, чтобы только голова пролезла. Заглядывает внутрь и кричит весело:

– Можно, сосед?

Я всегда разрешаю.

Делать мне нечего. Нюрка спит. Рано темнеет, и время тянется бесконечно. А Пеструхин говорит много и становится для меня чем-то вроде телевизора.

– Слыхали, что наши удумали? – начинает он, усевшись на самый краешек стула.

Я мотаю головой. Он оживляется и светлеет лицом. Улыбка ему не идёт, и живость его мне неприятна. Но сидеть в тишине рядом со спящей Нюркой ещё хуже. И я издаю неопределённый звук, изображающий интерес.

И тогда Пеструхин пересказывает мне все новости. Что там случилось в далёких-далёких странах, и что у нас. Рассказ свой он сопровождает размашистыми жестами. Наверное, если даже заткнуть уши, можно понять, о чём идёт речь. Если кого-то застрелили, Пеструхин вытягивает указательный палец, прицеливается и делает губами вот так: «Пуухх!». А если закопали, то он машет двумя руками, как будто держит лопату. А потом вытирает лоб, словно бы сам копал, устал и вспотел.

Когда новости кончаются, он с минуту помалкивает. Приходит в себя.

– Во дают, да? – спрашивает он у меня.

Я киваю.

Пеструхин работает в магазине. Продаёт люстры, торшеры, лампочки, розетки и что там ещё нужно, чтобы было светло. Директор магазина учит его всяким полезным ухваткам, и если кто-то хочет купить люстру, Пеструхин обязательно должен сказать, что точно такая же висит у него в гостиной, даже не думает ломаться и светит как солнце. Или что точно такую же вчера купила его тёща, а она ох какая привереда, абы что не возьмёт.

Если бы всё, что твердит Пеструхин покупателям, оказалось правдой, его жилище было бы похоже на пристанище безумного осветителя, опутанное проводами, уставленное прожекторами и садовыми фонарями на толстых ногах. Но на самом деле у него нет ни тёщи, ни сада, ни коллекции люстр, а есть только маленький жёлтый светильник под потолком одной единственной комнаты. Заходить туда я не люблю, там пахнет холодной овсянкой и старым чаем.

Впрочем, у меня запахи не лучше – Нюрка воздуха не освежает. Если бы не она, я бы давно уехал. Дела мои здесь окончены, а впереди только хорошее – новые встречи, дружба, может быть, любовь. Мне представляются большие города, наполненные огнями, и какие-то большие люди – высокие, длинноногие, смеющиеся. И чувства у них крупные, широкие, такие, чтобы на весь мир хватило, и ждут они только меня, чтобы говорить о чудесах, силе и красоте.

Когда я думаю о том, что будет со мной совсем скоро, мне становится жаль Пеструхина. Даже хочется обнять его и сказать, мол, не печалься, брат. Судьба у тебя такая.

Моё лицо в эти минуты, наверное, становится чуть приветливей. И Пеструхин снова принимается за разговор – рассказывает что-то о своём детстве, купании в мелкой речушке, плотных зарослях крапивы и тысячеградусных морозах. Говоря о холоде, он обнимает себя за плечи и ёжится, а плавание изображает стремительным лягушачьим брассом. Я смотрю на часы. Уже одиннадцать. Нюрка опять сегодня не умерла, и я беру её на руки – пора гулять. Она открывает глаза и виляет хвостом. Ветеринар сказал, недели две, не больше. На четыре дня уже ошибся.

Мы идём на улицу – я, Нюрка и Пеструхин. За домом пустырь, заросший мусором и жирными сорняками – однажды я видел там зайца, а Пеструхин – змею. Нюрка кое-как ковыляет по мокрой после дождя тропке, а я поднимаю голову к небу – чистому, чёрному, с веснушками звёзд. Пеструхин переносит Нюрку на плоскую проплешину в траве, торопливо курит и спешит закончить какую-то бесконечную историю о своём знакомом, победившем в городском конкурсе художественного свиста и получившем за победу диплом и жестяной кубок.

Мы прощаемся до завтра. Сквозь тонкую стену я слышу, как Пеструхин открывает, а потом закрывает шкаф, разбивает что-то стеклянное, подметает хрустящие осколки и, наконец, укладывается спать.

Утром мне звонит Марина. У неё короткая стрижка, длинные ноги, и я помню её всю, от макушки до пяток.

– Эй, – кричит она в трубку, – ты где потерялся? Как там Нюра? Мы соскучились!

«Мы?» – думаю я. А вслух отвечаю бодро и свежо, словно не валяюсь сейчас на кровати, а мчусь куда-то по срочным, важным и прямо таки захватывающим дух делам.

– Маринка! Как хорошо, что позвонила! И я соскучился! Нюрка прекрасно, носится как чёрт! Ой, извини, такси ждёт, я тебе как-нибудь перезвоню! Всем привет!

Я нажимаю на красную кнопку, и её голос захлёбывается в тишине. Говорить с ней мне больше не хочется. Лучше буду помнить, как она голышом поливала цветы на подоконнике, а я говорил со смехом, что под нашими окнами скоро будут собираться толпы зевак. Теперь мне тоже жаль Маринку – почти как Пеструхина. Наверняка ведь нашла себе кого-нибудь крепконового, с принципами. Уж он-то не будет терпеть стайку её вертлявых приятелей с их ночными звонками и внезапными вечеринками.

Я зарываюсь лицом в подушку и размышляю о том, куда пропадает любовь. Вот была же мне Маринка дороже целого мира, дышать не мог, когда на неё смотрел. И Нюрку когда-то хватал за лапы, чесал ей живот и сюсюкал собачьи глупости. Таскал за собой по городам, везде, где работал, и она послушно ждала меня на съёмных квартирах, а по вечерам выбегала на улицу и лаяла на голубей.

Словно откликнувшись на мои мысли, Нюрка хрипит и кашляет в своём углу. Я с надеждой поднимаю голову, но она просто потягивается и смотрит на меня вопросительно. И тогда я понимаю, что сегодня она тоже не умрёт, не умрёт и завтра, а усыпить её я не смогу, потому что боюсь убивать даже чужими руками и, значит, ещё очень долго не буду свободен. Мне становится душно и страшно, и я думаю, что могу умереть здесь сам – вместо Нюрки, от скуки и тоски. Я начинаю задыхаться, как она во время приступов кашля, и вдруг вспоминаю, что сегодня суббота, и Пеструхин должен быть дома.

Я вбегаю к нему без стука. Он сидит у стола и ест бутерброд. Рядом – развёрнутая газета. Готовится, наверное, запоминает, чтобы вечером мне всё в подробностях рассказать.

– Пеструхин, миленький, – кричу я. – Выручай! Только что любимая звонила, и я обещал ей приехать! Я только на неделю отлучусь, а Нюрку в самолёт нельзя! Приглядишь?

Я говорю всё это быстро, а потом сразу вспоминаю, что между нашими комнатами очень тонкая стена, и Пеструхин наверняка слышал всё, что я говорил Маринке, и теперь понял, что я вру. Но замолчать я уже не могу и только смотрю на него умоляюще, продолжая лепетать что-то о выдуманных сложностях выдуманной подруги.

– Конечно, – перебивает он меня и краснеет, – конечно! Я пригляжу! – и добавляет:

– Всякое бывает.

Я тащу его к себе, показываю, где лежит Нюркин корм, записываю прямо на обоях телефон ветеринара – на всякий случай. Мечусь по комнате, хватаю вещи, смеюсь и представляю, как

выпью дрянного, но горячего кофе в аэропорту, а потом взлечу высоко-высоко, туда, где нет никаких больных собак и не продают уродливых люстр.

Собравшись, я спешу к двери, но потом всё же оглядываюсь. Пеструхин сидит на полу рядом со спящей Нюркой и машет мне на прощание, вскинув обе руки над головой.

НЕВИДИМКИ

Звёзд с неба Ильин не хватал. Ему вообще ни разу не удалось ухватить чего-нибудь особенного, кроме, разве что, Катцыной. Острая фамилия, носик острый, тонкая какая-то вся, неуловимая. А поди ж ты, Ильину в руки далась.

Он всё переживал, что досталась она ему по ошибке, и утешал себя, рассуждая так: если долго было очень-очень плохо, по закону равновесия когда-то должно случиться что-то замечательное. Верил Ильин во вселенскую справедливость, но всё же пугался внезапной щедрости небес к нему, средней руки человеку, тихо сидящему в кабинете с двумя сослуживицами. Но за Катцыну высшие силы только благодарить. Цветные ноготки, сетчатые колготки, дивное диво, составленное из флакончиков, сумочек, помад, пудры, кисточек, щёточек и корбушек. Если у Ильина оставалась на ночь, то вечером, перед сном, раскладывала свои вещички ровными рядами, похожими на длинный патронташ. Щёлкала застёжками, вжикала замками, а потом замолкала у зеркала, гипнотизируя сама себя внимательным взглядом и растирая колдовские зелья от середины лба к вискам.

Наведя ночной, а после утренний морок, Катцына скручивала боезапас и уезжала – чуть раньше, чем Ильин. Работали они на одном этаже – Катцына в кадрах, а Ильин в бухгалтерии. Роман свой водили тайно, кивали друг другу, встречаясь в коридоре, и расходились в разные стороны, как чужие. Ильину от такой секретности в солнечном сплетении становилось щекотно и сладко, а что творилось внутри у Катцыной, никому не было ведомо.

А когда Ильину дана была отставка, а Катцына стала здороваться с начальником отдела планирования, мир окутала тоска. Вселенская справедливость торжествовала, и ясно было одно – вот это появившееся и ушедшее счастье звездой будет сиять на одной чашке весов, а всё, что осталось, и что будет после, пыльным комком осядет на другой.

Пока вселенная приводила свои дела в порядок, Ильин шёл по улице совсем один. Потеплело. Прохожие расстёгивали куртки и распускали удавки шарфов, отдуваясь и краснея. Ильин тоже распахнулся, подставляя грудь весеннему ветру – пусть выдует всё горькое и лежалое. Но ветер справлялся плохо, Ильин уселся на скамейку и спрятал лицо в ладони, стесняясь чужих взглядов, но не в силах открыть дрожащее, обнажённое, обиженное лицо.

– А за городом сейчас хорошо.

Женский голос – самый обычный, ровный и спокойный, зазвучал у левого плеча Ильина так неожиданно, что он поперхнулся непролитыми слезами и поднял голову.

Девушка сидела рядом, смотрела на него без всякого сочувствия, но с любопытством. Она была удивительно непохожа на Катцыну – ни ярко выкрашенных ногтей, ни разглаженной до блеска чёлки, ни обведённых чёрной дымкою глаз.

– Мне одной как-то скучно по лесу бродить. Может, вы со мной погуляете? – спросила незнакомка.

Сначала Ильин подумал, что это мошенница, мечтающая заманить его в укромное место и ограбить, и даже представил, как выскакивают перед его лицом угрюмые твердолицые крепыши с ножиками в руках. А после полицейские вывезут у дежурной части, на той самой, страшной доске с непоиманными преступниками и ненайденными мертвецами нечёткую копию и его фотографии, а Катцына пойдёт мимо и даже не признает. Потом Ильин решил, что прячутся где-то за спиной девушки весёлые операторы, с ног до головы вооружённые камерами и микрофонами, и скоро его покажут по телевизору с вытаращенными от изумления, глупыми глазами. А Катцына увидит и скажет начальнику отдела планирования: «Всегда знала, что он придурочный». И размажет по щекам зеленоватый вечерний крем. Прищурившись, Ильин огляделся по сторонам.

Ни крепьшей, ни микрофонов поблизости не было видно. «Ну и пусть!» - подумал он про себя, а вслух сказал:

– Почему бы и нет.

***

Неповоротливый, тяжёлый автобус, пыхтя, взбирался в гору. Ильин, смущаясь, смотрел в окно. Ему было стыдно – и от собственного молчания, и от невозможности вымолвить хоть что-нибудь. Его неожиданная спутница тоже ничего не говорила, но никакой неловкости не испытывала и поглядывала на окружающих с каким-то странным, тёплым интересом, словно все находящиеся рядом люди были собраны здесь нарочно, для её развлечения.

Выйдя из автобуса на конечной остановке, Ильин поёжился – за городом было куда прохладнее. Шагая за незнакомкой по узкой тропинке, он смотрел на её скромное клетчатое пальто и вспоминал катцынские шубки – коротенькую, из выкрашенного в сиреневый цвет кролика, и длинную, из нежного белого бобра. Катцына так хотела заполучить третью – что-нибудь из соболя... К соболям уже готовы и замшевые высокие сапожки, и толстые браслеты, и звонкие кольца. И сама Катцына уже давно готова нести переливчатый меховой кокон, небрежно брошенный на плечи. Но что-то не складывалось в её жизни, и никак не получалось у неё попасть, куда хочется, нарядившись, во что мечтается.

– Меня Аля зовут, - не оборачиваясь, сказала девушка, и Катцына, сверкнув драгоценным холодным огоньком, на время унеслась из мыслей Ильина. - Я раньше частенько тут бывала, - Аля замедлила шаг, поравнялась с Ильиным и взяла его под руку. – У меня был колчан со стрелами и накладные уши.

– Уши? – переспросил Ильин.

– Ну да. Треугольные такие, эльфийские. И зелёный плащ.

Она остановилась, сошла с тропинки на ржавую прошлогоднюю хвою и потянула за собой Ильина. Ещё не отошедшие от недавних холодов сосны тянулись к бледному небу настороженно и безучастно. Ильину стало неуютно, захотелось вернуться в город, к автомобильному шуму и толпе, тонким асфальтовым трещинам и светлым квадратам окон.

У поваленного дерева с тёмной, отсыревшей, мёртвой корой Аля остановилась.

– Далеко не пойдём. Вам и так не по себе. Давайте здесь посидим и обратно. Мне просто поговорить очень хотелось, и в лес. Садитесь. – И она хлопнула черной вязаной перчаткой по погибшему стволу.

– Только представьте, - продолжила она, - какая я была потешная ещё лет пять назад! Отправлялась сюда совсем одна, носилась между деревьями так, чтобы плащ непременно развевался. Однажды целую семью напугала. Мама, папа и ребёнок – девочка лет десяти. Идут себе, гуляют, а тут я выпрыгиваю с луком. Взрослые меня обругали, а девочка заплакала и кричит: «Это же эльф! Эльф! Только почему такой некрасивый!». Тут уж мне плакать захотелось.

Ильину захотелось сказать что-нибудь утешительное, но он промолчал. Катцына таких, как Аля, обзывала грызунами и очень смешно передразнивала, дёргая носиком и складывая руки в блестящих кольцах на манер хомячиных лапок.

Как ни мало был одарен красотой Ильин, женское очарование он считал само собой разумеющимся и обязательным условием для счастья. И теперь сочувственно разглядывал Алино лицо – маленький подбородок, высокий, слишком обнажённый лоб, слабые, мягкие щёки. Даже волосы её были убраны без всяких ухищрений – заколками, похожими на тонкие чёрные палочки. Ильин помнил, что в его детстве девочки звали такие невидимками.

– Как хорошо, что вы сейчас ничего не сказали, - улыбнулась ему Аля. – А то обычно люди сразу жалеть меня принимаются, и ляпают что-нибудь чудовищное, вроде того, что я зато человек хороший. Или причёску сменить советуют, платье купить новое.

Она вздохнула.

– А мне совсем не об этом поговорить с ними хочется. Ну, какое платье, скажите на милость, если столько всего кругом. Вот, например, отчего мне всегда так жалко мальчиков лет девяти-десяти? Они в школу идут или из школы, совсем одни, худенькие, с этими своими огромными рюкзаками, а лица прямо ангельские – бледные, серьёзные, даже испуганные немного. А ещё – видели когда-нибудь, как женщины посуду моют-моют или что-то там по хозяйству хлопчут, а потом улыбнутся легонько, застынут, задумаются, смотрят в одну точку и глаза у них такие становятся странные, словно они сквозь мир смотрят. Или вот – замечали? – если домой вернёшься не вовремя, не вечером, как должна была, а, допустим, в обед, то все вещи – и мебель, и посуда - с недоумением тебя встречают, и такое чувство, словно бы и не домой вернулась, а куда-то в чужое, незнакомое место. Или – знаете? – бывают летом такие дни, когда тучи толстые, серые, как тёплое одеяло, всё небо укутают, а дождя пока нет. А ты шагаешь где-нибудь по аллее, голову поднимешь, а листья на деревьях до того зелёными кажутся – по сравнению с этим серым небом, что даже глазам больно. А ещё такое случается – целый год ходишь мимо человека каждый рабочий день, кроме субботы и воскресенья; и каждый раз, когда его встречаешь в коридоре, или на лестнице, или у лифта, улыбаешься и хочешь поздороваться, а он тебя словно бы не видит, и от этого ты чувствуешь себя так странно, что хочется к зеркалу подбежать и убедиться, что существуешь. И фамилию его услышишь - Ильин, и имя - Андрей, и даже в столовой рядом посидишь, узнаешь, что он кашу любит, а макароны терпеть не может. А потом идёшь с работы, а он сидит на скамейке и чуть не плачет. И, представляете, мне не жалко его стало, а очень любопытно – что же такое произошло, что он может страдать вот так, прямо на улице; если даже я сама всегда дотягиваю до дома – всю дорогу держусь, и только перед подъездом горло перехватывает и давит, а глазам горячо, но слёзы будут, только когда зайду в тёмный коридор и двери за собой закрою. Тут можно и поплакать, и даже свет не включать, чтобы себя саму ненароком не увидеть...

Ильин слушал Алю сначала с недоумением, потом с теплотой, а потом с испугом. Совершенно невыносимой показалась ему эта мысль – оказывается, рядом с ним всё это время жил и дышал кто-то искренний, настоящий. И Алино лицо – такое открытое, не пытающееся казаться, а существующее просто так, без маски, тут же показалось ему знакомым и родным.

Он понял каждое слово, сказанное ею – и про мальчишек, и про яркую зелень в пасмурный день, и про домашние вещи, живущие в отсутствие хозяев своей собственной, загадочной жизнью. И вспомнил, вспомнил её клетчатое пальтишко, мелькающее рядом в толпе, обречённо втягивающейся в длинную свечку многоэтажного офиса по утрам и радостно льющейся на волю вечером.

Вдруг Ильин почувствовал облегчение: вот же, прямо здесь и сейчас судьба предложила ему раз и навсегда избавиться от боли и тоски – стоит только взять за руку этого тёплого мышонка и слушать, слушать, слушать, а потом говорить, говорить, говорить. И тогда мир упростится и сузится - из огромной вселенной, капризничающей с раздачей радости, превратится в чистое, честное место, и не нужно будет больше ничего бояться, потому что бояться будет нечего.

Ильин закрыл глаза, потом открыл их и улыбнулся Але.

–Давай обратно? – спросил он у неё, - в городе и поговорим.

***

Подниматься к нему на четвёртый этаж Аля не захотела – сказала, что у неё кружится голова, и хочется побыть на воздухе. Ильин уже придумал, что будет вечером: сначала нагуляться всласть, а потом перекусить где-нибудь или в кино сходить. Времени было навалом – пятница, и завтра никуда не нужно спешить, и можно всё-всё Але рассказать, а она обязательно найдёт, что ответить.

Он поглядывал на неё сверху вниз и размышлял, отчего это она так хмурится – ведь ещё пару часов назад, в автобусе, улыбалась всему вокруг.

Усадив Алё на скамейку у подъезда, он взлетел по лестнице – нужно было оставить дома портфель и сменить пальто на куртку потеплее.

Катцына стояла у двери его квартиры и смотрела с укоризной, храня на лице то самое выражение, что всегда вводило его в трепет: неподвижное, словно замороженное. Она как-то объясняла Ильину, что минимум мимики в будущем гарантирует ей отсутствие морщин, но ему казалось, что она и родилась такой – мучительно, притягательно бесстрашной.

При одном лишь взгляде на нежданную гостью обжигающая надежда затопила Ильина от макушки до пяток. Вернулась! Соскучилась! Поняла, что никак без него! Одна лишь секунда, сверкающая как звёзды той самой, справедливой вселенной, готовой прямо сейчас возратить Ильину его счастье и не отбирать больше никогда, пронеслась и пропала – от произнесённых Катцыной слов.

– Где ты шарешься, а? Я у тебя на прошлой неделе помаду забыла. Верни, пожалуйста, и побыстрее, меня ждут.

Катцына и вправду потеряла один патрон из своего боевого запаса – блестящий цилиндр Ильин нашёл под ванной в прошлое воскресенье и так сильно сжал в кулаке, что пластмасса треснула, а красная, ароматная, густая помадная жижа окрасила его ладонь как кровь.

Он смотрел на Катцыну и вспоминал то упоительное чувство вседозволенности, покорения целого мира – при сближении с ней. Райская птица в цветном оперении, чудо тела, волос и глаз, отточенность, безупречность красоты – ошеломляющая, только что недоступная и вдруг покорная. Говорящая – с ним, спящая – рядом, целующая – его!

– Ну? – холодно спросила Катцына, - что стоишь, открывай и ищи.

– Я её выбросил, - прошептал Ильин, - слушай, а ты прямо точно решила, что всё?

– Дурак, - отрезала Катцына, - она такая дорогая! Всё, я пошла. Всё.

Ильин открыл дверь и вошёл в душноватый полумрак пустой квартиры. Не снимая ботинок, прошёл на кухню и налил в стакан воды, пил большими глотками, стараясь избавиться от твёрдого, болезненного спазма в глубине гортани. Кто-то говорил ему недавно о сжимающемся горле... Кто? А... Аля... Не зажигая света, он выглянул в окно.

Катцына, уверенно вгоняя острые каблуки в асфальт, бежала к длинному чёрному автомобилю, отражающему в своём полированном туловище зажжённые фонари. Скамейка у подъезда была пуста.

*ЭЛЛИНА САВЧЕНКО,
37 лет, Горячий Ключ*

СОБАКА

На город из тяжелых, скверных туч лилась холодная вода. Ветер, летевший с севера, запевал тоскливую песню, слова которой невозможно было разобрать. Антрацитовые лужи растекались большими кляксами по широким тротуарам, заполняли собою все вокруг и не позволяли прохожим аккуратно обойти их. В это утро светало долго, тягуче и лениво. Машины на шумной дороге мигали своими большими глазами и двигались, двигались плотным потоком, словно на демонстрации.

Под козырьком придомового продуктового магазина, в котором всё стоило втридорога, жалась к стене промокшая дворняга. Её мокрая грязная шерсть торчала по бокам и ходила ходуном при каждом сильном вздрагивании озябшего собачьего тела.

Собака чуть поскуливала от голода и холода, и еще от обиды на свою собачью жизнь. По соседству с ней, облокотившись о перила с облезшей голубой краской, стоял старик. Он держал в зубах папиросу, давно потухшую, но ещё наполовину недокуренную, и о чём-то думал. Щетинистое смуглое лицо его морщилось, выцветшие маленькие глаза улыбались сами собой, даже широкий приплюснутый нос тоже, казалось, шмыгал от радости, только ему одному понятной. Неожиданно собака чихнула, и задумавшийся старик вздрогнул.

– Каналья! Черт тебя дери! – воскликнул он.

Собака подняла на старика свою треугольную острую рыжую морду и устало посмотрела рыжими глазами. Она моргнула пару раз и поёжилась. Хвост её произвольно задвигался робко, аккуратно, будто боясь спугнуть ещё не наступившую удачу.

– Экая каналья! – повторил старик, не сводя глаз с соседки по крыльцу. – Ты посмотри на себя, кляча! Угораздило тебя так промокнуть...

Овальные рыжие брови её чуть приподнялись, она наклонила мокрую голову, словно прислушиваясь.

– Ой, черт тебя дери! Смотришь так, словно баба, на жалость давишь! Что я с тобой делать буду, собака? – воспитательным тоном спросил старик, – жрать, поди, хочешь?

Рыжая продрогшая соседка одобрительно завияляла хвостом и облизнула шершавым языком нос.

– А звать-то тебя как, горемычная? Имя-то у тебя есть?

Дворняга виновато опустила голову. Казалось, она хотела сказать ему, что если и было у нее когда-то раньше имя, то она его уже давно забыла.

– Рыжая ты какая... Будешь – Рыжуха! Согласна?

Он наклонился к ней и протянул руку. Собака сжалась, прижав уши. В глазах промелькнул испуг.

– Ну, что ты, Рыжуха, не бойся, я тебя не обижу... Рыжуха, – растяжно повторял он, нежно теребя собачью холку. – А меня Виктором Егорычем зовут. Вот мы с тобой и познакомились.

В уставших глазах её появился блеск и заиграла собачья радость. Старик задумался и снова закурил.

– Положим, приведу я тебя в квартиру, да и не в квартиру даже, а в квартирку свою в 35 квадратов, где я тебя размещу? Видела бы ты, каналья, чем у меня квартира заставлена.

Собака внимательно слушала. Недавняя дрожь её утихла. Иногда в нетерпении псина вскакивала, но тут же степенно, как по команде, садилась на место. Передние лапы изредка переминали невидимую подушку, а хвост всё оживленнее, словно маятник, двигался из стороны в сторону.

Старик рассказывал собаке, как год назад похоронил свою Алевтину Федоровну, с которой они прожили 42 года, и какая она была смиренная, тихая, без злобы сносившая его недовольства, которые случались в силу его противного характера. Он поведал, что все эти годы не было и дня, кроме тех, когда он был в командировках, чтобы жена ласково не потрепала ладонью по его щеке и не справилась о его делах.

– Ну что ты теперь заглядываешь мне в глаза, как она? Не травми мне душу, Рыжуха... – сетовал Егорыч.

Собака встала, отряхнулась, заискивающе и преданно заскулила, потом торопливо принялась то садиться, то снова подниматься, вставать на задние лапы и, вытягивая неуклюже худые передние лапы, выпрашивала еду, теплого угла и человеческой ласки.

– А если я помру вдруг, что ты делать-то будешь? – поинтересовался старик, – со мной рядом ляжешь?

Собака залаяла. Она поставила передние лапы на одну ступеньку ниже, и всем своим видом показала, что уже готова идти за хозяином. «Гав!» подала бодрый призывный голос соседка по крыльцу...

– Гав, гав... – повторил он, – а есть-то ты что будешь? Кашу гречневую будешь с бульоном и хлебом? Я сегодня на завтрак ел – ничего так, съедобно, – улыбнулся Егорыч.

– Гав! – одобрительно отозвалась собака.

Она заскочила на крыльцо, потом спустилась на ступеньку ниже, и так несколько раз. Её призыв был вполне понятен старику.

– Идем, каналья, вдвоём веселее время коротать. Главное, ты слушать умеешь, как моя...

Старик замолчал, ткнув себе в глаза оказавшийся под рукой мятый носовой платок и громко всхлипнул.

– Я теперь такой же одинокий пёс, как и ты.

Больше он не сказал ни слова. Вместе спустились они с крыльца и побрели неспешно. Старик шёл впереди, не обращая внимания на дождь, который немного уже поутих, и мысленно спрашивал у неба: «А душа человека может переселиться в собаку? А что если в этой каналье

душа Алевтины Федоровны моей?» Он оборачивался назад, боясь, что собака отстанет от него, но тут же успокаивался, видя, что она покорно плетется следом... И тихой радостью наполнялись его маленькие выцветшие глаза...

У подъездной двери он замешкался.

– Каналья! Куда же я ключи-то задевал!? – старик хлопывал себя по карманам, – что за напасть такая? Так и домой не попадёшь...

Вдоль дома, в метрах тридцати, под большим чёрным зонтом шёл высокий крепкий мужчина в дорогом пальто. Шёл не спеша, обходя старательно лужи. В руке его было несколько набитых провизией пакетов. И в одном из них находилось то, что заставило дворнягу сглотнуть слюну. Среди миллиона прибитых дождем запахов собачий нос безошибочно определил запах свежего мяса. Он был сильный, волнующий. И что может быть более будоражащим для голодной псины, чем аромат недавно разделанной говядины? Собачье брюхо сжалось.

Запахи съестного дурманили голову. Дорогая копченая колбаса, в которую кроме сои, рогов и копыт ещё по-прежнему добавляют мясо. Цыпленок, обмотанный полиэтиленовой пленкой, правда, он не первой свежести и несколько дней уже пролежал на прилавке, но какое это сейчас имеет значение?! Сладкая выпечка, терпкая бесполезная зелень, едва уловимый запах сметаны, нашпигованной какими-то несъедобными добавками... Но ничего не могло заглушить манящего запаха только что разделанной туши...

Собака мотнула головой в сторону сутулой, копошащейся у подъездной двери спины, пахнувшей табаком и дешёвыми пельменями. Ключи нашлись в заднем кармане брюк. Замок щёлкнул, дверь открылась.

– Ну, пойдём, моя хорошая, я тебя кашкой с бульончиком угощу... – сказал он, оборачиваясь. Но собаки уже не было рядом.

Старик растерянно осмотрел двор. Поджав хвост, дворняга семенила за вкусно пахнущими пакетами, вытягивая шею и часто вдыхая, чтобы не пропустить ни одной частички своего собачьего счастья.

– Рыжуха, Рыжуха... – тихо проговорил Егорыч.

Собака замерла, выгнулась, сделав стойку, и обернулась. Затем вновь бросила взгляд на уходящие пакеты. Резко сорвавшись с места, прямо по лужам большими прыжками устремила к старику. Радостно поскуливая, выписав несколько молниеносных кругов вокруг него, псина юркнула в подъезд. Через несколько мгновений из глубины донесся звонкий призывный собачий лай.

Егорыч улыбнулся. Вошел вслед за Рыжухой и медленно закрыл за собой стальную дверь.

*АЛИНА ХОМИЧ,
31 год, Анапа*

СКАМЕЙКА

На палубе пахло водорослями и машинным маслом. Полчища чаек кружились над паромом. Когда трёхъярусная машина тронулась, казалось, чайки завопили ещё сильнее и надрывнее, стрелами пронесаясь мимо. Саша вышла из дверей тёплой крытой палубы, и весь шквал запахов, звуков и неожиданных ощущений обрушился на неё. Дикость, отречённость от комфорта сквозили здесь и пробирали до костей. В размеренном движении парома была какая-то хаотичность, его словно лихорадило, покачивая на волнах. Мышцы свело холодом, но огни побережья, напротив, заставляли улыбнуться уголками рта. Впереди был Крым.

На поездку Саша решила внезапно. «Достали, все достали!» – с такими словами она хлопнула дверью, с трудом перетаскивая чемодан через порог, оставив свою трёхлетнюю дочь на няню, а мужа на самого себя.

Ей всегда хотелось поехать куда-нибудь на Гоа, но супруг не желал отпускать её далеко от дома, отвечая на все её просьбы:

– Сашка, очумела, что ли? Совсем все мозги, блин, пропила! Какая, мать её, заграница?

Но в этот раз она, окончательно психанув, ответила:

– Раз так, тогда в Ялту! Там хоть дворцы есть! Будут шикарные фоточки.

Фотографироваться Саша любила самозабвенно. Ни часа без нового поста с её ухоженным лицом, ногтями и прочими частями обожаемого тела. Муж, давно поняв, что общих интересов у них нет, совсем не возражал её маниакальному стремлению запечатлеть себя везде и всюду. Ему это было даже на руку: «Мать меня хоть по поводу женитьбы не трогает. Есть и есть. А эта – меньше лезет в мою жизнь. Хоть не спрашивает, откуда бабло», – усталым голосом говорил он друзьям по пути на очередную сделку. К дочке Саша охладела сразу, только забеременев. Лишь угрозы родни не позволили ей сделать аборт. Большую часть жизни Ксюшенька проводила с няней.

Стоя на палубе и держась за ледяные перила, Саша кое-как дрожащей рукой сделала селфи.

Она точно знала, куда ей надо ехать, причалив к берегу. И, хоть не бронировала отель заранее, направилась напрямик туда, где отдыхала с родителями, когда была подростком. Небогатая семья из душастого холодом края долгие годы копила деньги на приличный отдых. И, наконец, в семнадцать лет Саша впервые увидела море, искрами врезающееся в память.

В отеле ей сообщили, что свободный номер будет только после полудня. Согласившись подождать и оставив здесь чемодан, Саша побрела по набережной. Ялта встретила её совсем не так, как в семнадцать лет. Мокрый гранит набережной охлаждал. Море серое и неприветливое, а над горами зловеще нависали сизые тучи. До полудня нужно было чем-то себя занять, да и перекусить бы не помешало. Саша наткнулась на милый ресторан, который, по счастью, уже был открыт. Растаяв в глубоком кресле, она сделала заказ и, навалившись на подлокотник с бокалом мартини в руке, принялась фотографировать себя на фоне окна с видом на набережную.

Саша никогда не считала себя одной из этих пустышек, которые только и думают что о «бусиках-трюсиках». Хотя сама и любила щеголять в новых шубках и в босоножках при плюс пятнадцати. «Ой, ну пока здесь холодов дождётся, уже пора новую шубу покупать, старая из моды выйдет», – с таким аргументом она выходила на улицу своего южного города, ничуть не смущаясь озадаченных взглядов прохожих в плащах и ветровках. Вторым увлечением, кроме селфирования себя, у Саши было написание постов к этим фото. Она их считала не столько просто комментариями, а сколько мини-рассказами, без которых, как Саше казалось, тоска сожрёт её заживо... «Лекси, ну ты прям этот, как его, писатель!» – надувая губы, протягивали подружки, распивая очередную бутылку мартини. Часто процесс написания захватывал Сашу с головой, и она не замечала, как вдоль стены растёт батарея стеклянной тары. «Вдохновение, зая, надо питать!» – подняв бровь, она заявляла мужу, с трудом шевеля языком, когда тот находил её пьяной на полу спальни.

В кругу её общения было не принято «прокачивать мозг», тем более, если ты девушка. Однажды на открытии распиаренной литературной кофейни Саше случайно попала в руки книжка Чехова. Ей стала любопытна бумажная экзотика. И она, сев за дальний столик, незаметно для себя погрузилась в чеховский мир простых людей, их судеб и переживаний, да так, что презентация прошла без неё. И теперь Саша с восторженным энтузиазмом принялась ещё тщательней продумывать посты, вплетать в них не только шаблонные фразы из всемирной Сети, но и собственные мысли, которые вдруг неведь откуда взялись и были вполне привлекательны и не лишены смысла. Теперь в глазах проходящих мимо людей Саша начала подмечать что-то особенное, присущее только этому человеку. Грустная улыбка продавца в ювелирном уже не вызывала саркастических мыслей, а напротив, побуждала задуматься, что не у всех жизнь мягкая, как норковая шуба, и что вообще бывают другие люди и другие жизни.

До освобождения номера оставалось ещё три часа. Надо было провести их с пользой. Пройдя по немногочисленным бутикам набережной и заскучав от знакомых дизайнерских шмоток, Саша вспомнила, что в ресторане администратор на её вопрос, куда можно сходить, посоветовал посмотреть «Белую дачу» Чехова – маршрут не настолько затоптанный туристами, как ялтинские дворцы.

«Блин, он крутой. Над ним родственнички не смеялись», – подумала она, вспомнив свой недавний разговор с мужем о том, что она бесполезная, не способная ни на что в этой жизни курица. Так было решено идти к Чехову. Навигатор показывал, что идти до музея только час. И Саша, желая посмотреть город, отправилась пешком, попутно фотографируя себя у каждой клумбы. Элегантная Пушкинская улица сменилась узкой асфальтированной тропинкой вдоль практически пересохшей, заваленной мусором речки, а затем и вовсе её путь закружил по тесным улочкам, на которых и тротуара не было. Запах канализации, маленькие старые домики. Саша морщи-

ла нос, но шла вперёд, всё в гору и в гору, петляя и путаясь в улицах. Дорога оказался значительно длиннее, чем один километр. Трижды на каждом переулке Саша сокрушалась, что не взяла такси или не надела кроссовки, но гнев на мужа и свою жизнь придавал ей силы. На терпко пахнущих улицах ей, к счастью, встретились две улыбающиеся дамы с отчётливым перегаром. И, указав на дорогу под углом не меньше сорока градусов, сказали: «Это тяжело, но вам понравится».

«Как они здесь живут вообще?» – с трудом поднимаясь по крутому склону, причитала Саша. Подводка для глаз потекла, аккуратно уложенный боб растрепался.

* * *

Наконец, взобравшись на гору и войдя в калитку «Белой дачи», Саша почувствовала себя ни больше ни меньше, как победителем.

В музее, просмотрев академичный фильм про жизнь Антона Павловича, туристы вместе с экскурсоводом спустились в сад. Маленькие дорожки, бегущие галечными ручейками по склону дачи, заботливо высаженные растения, стройные заборчики из бамбука. Это место будто отделено от внешней суетливой жизни. Всё здесь наполнилось любовью и заботой. Экскурсовод с явным наслаждением рассказывала о розах, кипарисах, кактусе с широкими листьями, который назывался агава, и о скамье в дальнем углу дачи. О «горьковской скамье». Здесь Чехов и Горький подолгу беседовали, скрывшись за густой листвой сада.

«Надо же... такие люди, такие люди, – вздыхала про себя Саша, внимая каждому слову экскурсовода. – Надо будет обязательно на неё сесть и сфоткаться! Чехов, Горький, а теперь я!»

Дальше экскурсия продолжилась по дому писателя. Каждый из посетителей стремился как можно дальше перегнуться через натянутую в комнатах верёвку, чтобы охватить снимком как можно больше пространства. Столовая, спальня для гостей. На втором этаже спальни семьи и священное место – кабинет. Поднимаясь по деревянной столетней лестнице, Саша дрожащей от нахлынувшего благоговения рукой провела по перилам, к которым прикасался писатель, на кого в минуты своих истерик о «никчёмной жизни» она хотела стать похожей. Она вдыхала аромат комнат и ощущала, что становится частью чего-то поистине важного. Обязательное фото на фоне кабинета, и девушка вместе с остальными спустилась обратно в сад.

Быстро посеменив по галечным тропинкам каблуками на изрядно натоптанных ногах, она с целеустремлённым видом направилась к «горьковской скамейке». Зелёная, грубо сделанная скамья из себя ничего особенного не представляла, но у Саши перехватило дыхание, только она присела. Множество раз перекрашенная, для неё эта скамейка неожиданно стала местом силы, света и надежды. Каждая жилка в её теле застыла, мышцы сковало, а в суставах пальцев появился зуд. Саша представляла, как Максим Горький и Антон Павлович беседовали о литературе, и, возможно, именно здесь решалось что-то значительное и большое. Большое, как целый свет, но лёгкое и невидимое, как ветер, но и так же, как ветер, способное изменить жизни. У Саши защемило сердце, запекло, стало горячо в горле, ей очень захотелось, чтобы сейчас все эти необыкновенные ощущения с ней разделила Ксюшенька. Захотелось обнять её, посадить рядом и читать, читать сказки, чего раньше никогда не делала. Гладить её по светлым тонким волосам и целовать в макушку.

Саша тихо поднялась со скамейки, забыв сделать снимок, и побрела к выходу.

МОНЕТКА

«Когда так похолодать-то успело? Вчера только бегала в туфлях на голую ногу, а сегодня уже и подстреленные джинсы не одену – шиколоткам холодно», – пока я шла по улице к магазину, в голове только и было мыслей, что о холоде, пронизывающем ветре и о том, что стоило надеть джемпер потеплее под куртку. В правом кармане лежал медный червонец, полученный на сдачу с какой-то недавней покупки. Я перебирала его пальцами – не просто же так ему лежать. Подходя к магазину, расположенному на первом этаже высотки, увидела на его ступенях пожилую женщину в старом плаще советских времён и тонком платке. Она стояла с протянутой рукой, и ветер, беснующийся между домами, обдувал женщину со всех сторон.

С мыслью: «Надо будет обязательно дать денежку», – я зашла за покупками, не собираясь брать ничего особенного. С трудом удалось отыскать в ящике хорошие болгарские перцы, большинство из которых уже начали портиться от длительного лежания в тепле. Оставшиеся перцы работники соберут и просто выкинут, не отдав нуждающимся. Огурцы так же придирчиво выбраны мной и ещё пара овощей. Оплатив свой «урожай», я открыла кошелёк, чтобы набрать монеток для той женщины: «Блин, одни рубли. Ну, хоть червонец в кармане есть», – копалась я, но отыскала десятку и ещё несколько крупных по размеру монет, даже не разглядев их номинал, предполагая, что он должен быть выше двух рублей. Передо мной из магазина вышел парень и положил деньги женщине в руку, она, как водится, ему что-то сказала, неразборчивое для меня. Подошла и я. В её протянутой руке лежал целлофановый пакетик с несколькими монетками, я тоже положила свои.

Неловко улыбаясь, она произнесла тихим голосом:

– Спасибо тебе. Храни тебя Господь, деточка. Счастья тебе.

Так искренне мне, наверное, почти никогда ничего не желали. Удивительно. Для меня это всё было странно и удивительно. Внутри появилось ощущение благодарности. Как будто это не я что-то сделала, а что-то сделали для меня. Что-то доброе и от сердца.

– Спасибо, – ответила я, поспешив в сторону остановки, чтобы быстрее сесть в автобус.

По дороге я засунула руку в карман и нащупала... червонец. «Сколько же тогда я положила? Этого, наверное, на буханку хлеба даже не хватит», – ощущение благодати сменилось неловкостью и стыдом. Я не дала много, но дала даже меньше, чем хотела. Меньше, чем могла. Но добрых слов, сказанной той женщиной, меньше не стало. Двадцать, тридцать, сто рублей, а благодарность всё равно искренняя, слова тёплые; несмотря на то, что холодный ветер отчаянно пытался их остудить, они грели.

По дороге к остановке я всё думала, что, если встречу кого-то с протянутой рукой, обязательно положу в неё этот червонец.

На пути мне никто не встретился. Я прождала свой автобус почти час. И замёрзшей рукой со спадающими кольцами перебирала в кармане монетку.

ШОКОЛАДКА

Небольшая квартира. Старый диван. По невероятной удаче свежкупленный цветной телевизор. Как обязательный элемент советского и постсоветского интерьера – ковёр, стену за которым в целях экономии никогда не оклеивали обоями. Так он и обрекался весь свой век висеть на одном и том же месте, пока не придёт новая эра обстановки дома. Чтобы хоть как-то облагородить большой настенный прямоугольник, мама развешивала на нём гирлянду с лампочками в виде снежинок. И он становился не просто узорчатым нечто, а ещё одним маленьким элементом в моих детских воспоминаниях. Искренних, самых настоящих, без натужных восторгов и излишнего лоска. Воспоминаниях о тихом счастье, о котором не говорят, а только представляют, задержав дыхание. Таких моментов за всю жизнь наберётся от силы, что пальцев на руке.

На улице минус сорок. Батареи по-зимнему еле теплятся. Но от предвкушения Нового года внутри у меня, шестилетней девочки, загорался огонёк, который было не заглушить холоду. Мне не терпелось вручить подарок своей подруге – соседке по лестничной площадке. Всего-то шоколадку. Но в такое сложное время, когда даже в гости лишний раз не ходили, чтобы не объедать семью, это был очень большой знак искренней дружбы. Мы с мамой выбрали шоколадку с кокосовой стружкой. Чтобы это действительно выглядело как подарок, перевязали её золотистой ленточкой. Наконец, вечером пришла Кристина. Мне было очень любопытно, что же она подарит. У Кристины в руках тоже была шоколадка. Мы поздравили друг друга, обменялись подарками и, счастливые, разошлись.

Попробовать ужасно не терпелось. В комнате на диване спал папа, и ни в коем случае нельзя было его разбудить, ведь он очень уставал, помногу работая на заводе. Я, как могла, тихо раскрыла предательски шуршащую упаковку. По телевизору показывали мультики, и как раз начался «Мороз Иванович», совершенно не новогодний, но теперь именно он у меня ассоциируется с этим праздником.

Звук был выкручен почти до ноля, но переливчатую мелодию и добрый, такой домашний голос Вячеслава Невинного можно было хорошо расслышать, если придвинуться ближе. Сидя на краешке дивана, мы с мамой по одной плиточке стали отламывать шоколад. Молочный, с орехами и изюмом. Я никогда не любила и не люблю в шоколаде изюм. Мне всё время кажется, что так меня хотят обмануть и испортить впечатление от угощения. Но настолько вкусного шоколада я никогда не пробовала. Я и сейчас, спустя почти четверть века, ощущаю этот шёлковый по своей текстуре вкус. И это не просто какая-то сладость, а подарок, преподнесённый от чистого сердца. Именно в этот самый момент наступило ощущение невоспитанной радости. Настолько огромной и в то же время самой потаённой, что её и спрятать никуда не получится, и показать никому нельзя.

Полумрак в комнате, синтетическая ёлка переливается редкими огнями, ковёр тоже сияет, вторя ёлке. Рядом родители. Папа спит, а мама пробует вместе со мной шоколад, самый вкусный на свете. И по телевизору – сказка о добре и справедливости. Тяжёлое, но моё самое счастливое время.

*ПАВЕЛ ДЕВОЛЬД,
18 лет, Анапа*

ПЯТНИЦА, ЧЕТЫРНАДЦАТОГО

– Молодой человек, не подскажете, какое сейчас число и день? – спросила милая старушка в красном платке, когда я проходил мимо.

– Да, конечно, сейчас, – я заглянул в телефон, чтобы сказать точно. – Сегодня понедельник, шестое число.

– Спасибо большое! – искренне поблагодарила она.

– Не за что, – ответил я и пошёл дальше домой, неся на спине школьный портфель.

От небольшого доброго поступка было бы куда приятнее, если бы я не знал, что, как только мимо будет проходить другой человек, Серафима Петровна непременно задаст ему тот же вопрос.

«Интересно, почему она каждый день вот так сидит рядом со своей калиткой и спрашивает про число и день? И почему она спрашивает это у всех? Может, у неё очень плохая память или она просто слегка спятила на старости лет? Не думаю, что когда-нибудь узнаю об этом».

Прошла ещё одна неделя в школе: скучные уроки один за другим, полное непонимание тригонометрии и тот бред, который нам зачем-то рассказывал учитель по обществу, помогли стать и без того скучным дням ещё унылее.

Наконец пятница. Немного постояв на остановке, я дождался автобуса и в терпимой тесноте доехал до своего посёлка. Уже подходя к дому, увидел на обыкновенном месте возле калитки Серафиму Петровну.

– Молодой человек, не подскажете, какое сейчас число и день? – спросила она тем же добрым, слегка дрожащим голосом, что и всегда.

– Сегодня пятница... – начал я уверенно, но число вспомнить никак не мог и полез за телефоном. Пока я доставал его, увидел, что лицо Серафимы Петровны странно изменилось, и она смотрела на меня с... надеждой?

– Сегодня пятница, десятое, – уже уверенно сказал я.

– Спасибо большое! – искренне сказала бабушка, но надежда, с которой она на меня смотрела, как-то поблекла.

Это заставило меня задуматься. «Почему она так обрадовалась, услышав, что сегодня пятница? Может, она ждёт какую-нибудь особую пятницу? Например, пятницу тринадцатое», – немело пошутил я мысленно, но получилось совсем не смешно.

Назавтра я об этом и думать забыл, предаваясь обыкновенному безделью, как и каждые выходные.

* * *

Всю следующую неделю я не видел Серафимы Петровны. Но сегодня, несмотря на сильный ветер, она вновь сидела у своей маленькой калитки на лавочке.

– Молодой человек, вы не подскажете, какое сейчас число и день? – как всегда спросила она, но теперь вид у неё стал нездоровый, да и голос отдавал хрипотой, будто она болела.

– Сегодня пятница, семнадцатое, – ответил я и добавил. – С вами всё хорошо?

– Да-да, всё хорошо, – безучастно ответила Серафима Петровна.

– Точно? – спросил я, но она уже высматривала следующего прохожего, не обращая на меня внимания. Пожав плечами, я пошёл домой, слыша, как Серафима Петровна расспрашивает кого-то за моей спиной.

Затем последовала такая же обычная неделя, как и все, и её скрашивали только музыка да фильмы, которых в Интернете, к счастью, предостаточно.

В следующую пятницу я увидел карету скорой помощи у калитки Серафимы Петровны, но не придал этому значения. Мне даже в голову не пришло, что это приехали к ней.

В эту же ночь мне приснился необычный сон.

Солнечным утром я сидел на облупившейся голубой лавочке, вокруг всё зеленело и цвело, а на орешнике рядом распевали птицы во главе с соловьем, в воздухе витал приятный цветочный аромат – словом, эталон хорошей погоды.

И вот посреди этой весенней красоты мой взгляд устремился через дорогу, где на своём обыкновенном месте сидела Серафима Петровна, только моложе лет на двадцать и улыбающаяся. Видно было, что ждёт кого-то.

Вдруг в границах сна появилась девочка с длиной косой, подвязанной большим белым бантом, она весело бежала вприпрыжку.

– Нурочка, – обратилась к ней женщина, отойдя от мечтательного оцепенения, – не подскажешь, какое сегодня число и день?

– Конечно, тётя Серафима! – задорно отозвалась та, – Сегодня пятница, четырнадцатое сентября!

«1996-го года», – про себя почему-то добавил я. Тётя Серафима, улыбаясь ещё ярче, кивнула, будто получила подтверждение, что день, который она считает хорошим, действительно очень хорош. Девочка поскакала дальше, пока не исчезла из виду, а мы с Серафимой Петровной остались на своих местах.

Сидели долго. Уже и солнце приближалось к полудню.

Погода начала портиться. Тучи медленно ползли по небосводу и окружали ещё яркое и дарящее тепло солнце. Заморосил дождик, но Серафима Петровна осталась сидеть, я тоже никуда не спешил, а прохожие, казалось, даже не замечали непогоды.

Тут мне в глаза бросился почтальон. Он, единственный из окружающих, не разделял общее праздничное настроение, а, увидев женщину на скамейке, вдруг нахмурился. Ударил гром.

Мужчина подошел к Серафиме Петровне, вздрогнул и, приняв сочувствующий вид, что-то тихо ей сказал. Потом протянул конверт. Хлынул ливень. Почтальон ещё секунду колебался и что-то хотел сказать, но потом просто поспешно удалился, теребя пальцами усы. Лицо его сделалось мокрым не то от дождя, не то от слёз. Серафима Петровна осталась сидеть. Лицо её побледнело. Нерешительно, дрожащими руками она развернула конверт. Поднесла поближе к близоруким глазам. И застыла. Внезапный порыв вырвал листок из рук. Серафима Петровна ахнула, упала, распластавшись на скамейке.

Опять возникла девочка с белым бантом. Казалось, дождь совсем не мешал её веселью. Увидев бедную женщину, она с испуганными глазами подбежала к ней.

– Тётя Серафима, вам плохо?! – не дожидаясь ответа, Нура стала осматривать ся по сторонам, но все люди как назло пропали с улицы. – Тётя Серафима, я сейчас!

Подождите немного! Я сбегая за мамой в поликлинику, она вам поможет!

И девочка со всех ног понеслась в сторону местной поликлиники, а Серафима Петровна осталась лежать, тяжело дыша. Я уже не мог просто наблюдать за происходящим, но, едва попытался встать, почувствовал, будто приклеен к скамейке. Оставалось смотреть дальше.

Я и не заметил, как Нура вернулась, да не одна, а с машиной скорой помощи. Она закрыла от меня Серафиму Петровну. Вышли женщина-врач и два санитары с носилками и скрылись за машиной. Послышался торопливый говор врача и ответы Нуры, из которых я не мог разобрать ни слова. Спустя минуту санитары погрузили женщину в машину, следом в неё запрыгнула мама Нуры, и они все торопливо уехали. Осталась только испуганная девочка.

Тут сон поплыл, и картина изменилась.

Гроза прошла, но и от весенней благодати не осталось следа, теперь над головой повисла серая осень со своими тучами.

Ранним утром, когда дети ещё не торопились в школу, Серафима Петровна решила выйти на улицу подышать свежим воздухом. Вид у неё был слегка болезненный для Серафимы Петровны из начала сна, но абсолютно нормальный для хорошо знакомой мне старушки.

Опять появилась Нура, но на этот раз она торопилась, неся портфель на спине. На её голове болтался завязанный на скорую руку бант.

– Нурочка, – обратилась к ней женщина с хорошо знакомой мне интонацией. – Не подскажешь, какое сейчас число и день?

– Сейчас, тётя Серафима, сегодня пятница... – девочка поморщилась, копаясь в памяти, а в глазах женщины что-то вспыхнуло, лицо переменялось.

– Семнадцатое октября! – выпалила Нура.

– Спасибо большое! – поблагодарила старушка девочку, которая уже убежала.

Теперь я видел напротив себя ту самую, хорошо знакомую мне Серафиму Петровну. Тот самый пронзающий насквозь взгляд и то самое немного потерянное выражение лица. Единственное, что её отличало от настоящей, возраст.

Только я об этом подумал, как солнце будто сошло с ума и понеслось, как бешеная карусель. Но... только на моей стороне, а Серафима Петровна всё продолжала спрашивать у внезапно появляющихся людей, среди которых спустя время возник и я, какое сейчас число и день. Хмурая осень уступала место весне, но почти сразу все краски смывались тяжёлым дождем, топя мир в сером цвете.

Наконец, солнце стало постепенно замедлять ход, возвращаясь к обычной скорости.

Стояла приятная утренняя погода, совсем как та, с которой начался сон. И, несмотря на то, что у нас с Серафимой Петровной, по-видимому, светили разные солнца, погода с обеих сторон стояла одинаково хорошая.

– Молодой человек, не подскажите, какое сейчас число и день? – спросила женщина прохо-

дящего мимо белобрысого парня. В ответ услышала, что сегодня пятница, четырнадцатое. Радостно запели соловьи. Ещё много раз женщина спрашивала: «Какое сейчас число и день?» – и столько же раз радостно благодарила, слыша, что сегодня пятница, четырнадцатое.

Солнце засветило веселее и ярче. В какой-то момент я заметил, что люди больше не проходили мимо, и стало прохладней, подул лёгкий ветерок. Только сейчас я увидел, насколько бледна Серафима Петровна.

В поле сна появилась необычная фигура – солдат на костылях, он был хромой... Нет, одноногий. На оливковой шинели ярко блестел орден. Солдат уверенно, будто отсутствие ноги ему совсем не мешало, подошёл к женщине.

– Ну, здравствуй, мама, – тихо сказал он, улыбаясь. – Вот я и пришёл.

Серафима Петровна вскочила и обняла сына.

– Вот и ты, сынок, – прошептала женщина сквозь слёзы.

– Прости, мама, – парень говорил тоном, каким оправдываются провинившиеся дети. – Понимаешь, просто я не мог Витьке не помочь, а мина старая была, заржавела вся, вот ребята из саперов и не успели.

Тут Серафима Петровна вздрогнула.

– Мишенька... – голос женщины задрожал. – Мишенька, сынок, пойдём домой.

– Нет, мама, сегодня мы домой не пойдём. Да ты не бойся, там хорошо и там не нужно ждать, там мы будем вместе.

В ответ мать только робко кивнула сыну.

Солдат бодро развернулся на одной ноге, награда на его груди перевернулась, показав надпись «мужество» на серебряном кресте. Парень взял маму за руку, второй оперся на костыль, и они ушли туда, откуда пришёл солдат, далеко за границу сна.

«Пора и мне идти, а то так всю жизнь просплю», – неожиданно спокойно подумал я, встал со скамейки и тут же проснулся в холодном поту, как после кошмара, хотя точно помнил, что сон был вовсе не страшный. Но самое главное, я помнил его до мельчайших подробностей, чего со мной ещё никогда не бывало.

* * *

Вечером, гуляя с собакой, я случайно услышал, как седой усатый старичок говорил о Серафиме Петровне. Оказалось, она умерла в эту ночь в больнице.

– Бедная Серафима, – говорил дедушка. – Таким хорошим человеком она была.

– Да ведь она сумасшедшая, – сказал кто-то из собеседников помоложе. – Всё время приставала ко всем со своим числом и днём недели.

– Эх ты! – отмахнулся старик. – Много ли ты понимаешь?! Она сына потеряла... Да не просто потеряла – он ей успел написать, когда приедет, много радости тогда было у неё, да-а... А потом за пару дней до приезда на старой мине подорвался. Я Серафиме повестку об этом приносил. Её завернуть, как следует, забыли, вот я и прочёл случайно, – дедушка достал платок и утёр слезу. – Её удар хватил, а потом она его все ждала – не выдержал разум... без поддержки. Вот так вот. А ты говоришь, сумасшедшая.

– Да ведь не знал я, – пристыженно промямлил молодой.

– Эх ты! – ещё раз отмахнулся старичок и ушёл, теребя пальцами усы.

«Неужели это не сон вовсе был, – ошарашенно думал я, смотря старику вслед. – Выходит, Серафима Петровна не несчастна, ведь она с сыном там, где царит счастье и где ей больше не нужно ждать».

*МАРИЯ ГРАЧЁВА,
27 лет, Тбилисский район,
с. Шереметьевское*

СЕМЬ ЖЕЛАНИЙ ДЛЯ ЗОИ (Повесть)

В детстве, накрывшись одеялом с головой, я придумала сказку, где каждый человек при рождении получал особенный дар: храброе сердце, золотые руки или целебное слово, несущее добрый свет...

С годами, в повседневных заботах люди теряли этот дар и забывали о нём. Не помню, чем в сказке наградила себя, но о том, что потеряла — помню.

Мою страну называют по-разному. В старину называли Тридевятым царством. Слышали, наверное? Дураков у нас хватает — это правда. Мы не обижаемся. Но зато именно у нас до сих пор живут герои. Я расскажу вам историю о том, как сказка тихо вернулась в мою жизнь.

Ранним утром, в самой середине осени, я решила уйти из дома.

Завтра наступит мой день рождения, и мне совершенно не хотелось здесь оставаться. И нет никакого повода для радости. Я провалилась, не поступила! Художник по костюмам. Ха! Как бы не так. Ничтожный червяк. Чувствую, что жизнь моя кончена. А тут этот день. Что празднуем?

Где уж родителям понять. Мама лишь улыбнется и скажет: «Зоя, доченька, попробуешь еще раз!» А папа... Мой папа до сих пор дуется. Он пребывает в заблуждении с тех самых пор, как дал мне в руки ту мерзость.

Мне было семь или шесть лет, и он взял меня с собой. И вот чудо, мы садимся в трамвай, и я вижу огромную водную гладь. Трамвай гладко идет по рельсам моста через реку, а там внизу, впереди виден город. Нет, он не особенно красив. Ясное небо и тогда затмевала мутная кисея, выдыхаемая больными промышленными легкими.

Папа привел меня туда, где в стеклянных прямоугольниках извивались гады, ползучие и мерзкие. Змеи: серые, жёлто-бурые, с причудливыми рисунками на головах и желтыми пятнами на ушах. Лягушки. Мне тогда «посчастливилось» подержать маленькую квакушку. Я старалась не показать, как мне противно. Ведь отец надеялся увидеть в моих глазах тот же интерес, что живет в нём.

Когда недавно я приехала домой, оплакивая свои мечты, папа, конечно, утешил меня. Но

смог ли он оставить в прошлом свой грандиозный план: сделать дочь Зою своим преемником? Не думаю. И вот сейчас я собираю вещи с твердым намерением переночевать у подруги.

— Скажешь моей маме, что я у тебя, если спросит, — в трубке слышится фырканье. Лилька считает, что мои ночевки у нее лишь способ избежать неприятных разговоров с отцом. Не на этот раз.

Громко шаркая ногами в домашних тапках, прихватив маленькую сумку с одеждой, бреду в принарядившуюся к торжеству кухню. У меня трагедия, а мама застелила стол нарядной скатертью, начистила металлические ручки полочек до блеска.

«Будут гости. Кошмар! А ведь могли бы вечером съесть «утешительный» тортик и забыть обо всем», — мимоходом думаю, корябая черным маркером послание: «Ушла к Лильке. До завтра не жди. В экстренных ситуациях звони ей».

Позорно сбегаю? Да. Мама не спросила, нужен ли мне этот праздник. Хочет поднять настроение. Поискав в ящиках магнит, прикрепляю обрывок из записной книжки к холодильнику.

Настроение такое, словно я ухожу и никогда не вернусь. Тряхнув головой, рывком распахиваю черную металлическую дверь и выбегаю на лестничную клетку, оставив позади сырость дома на Жасминовой улице, который выделяется из сплошной застройки разве что облезлым фасадом. Чем дальше я иду, тем легче мне становится.

Уже подходя к автобусной остановке, замечаю, что маршрутное такси с нужным мне номером вот-вот отойдет — приходится бежать, прижимая сумку к боку, чтобы та не била по коленке. Я последняя, и, протиснувшись в проход, с трудом закрываю дверь. В преддверии праздника Осени всему населению срочно понадобились жизненно важные покупки. Глупые подарки, которые окажутся на дальней полке в шкафу сразу после распаковки. Выдыхаю и клещом цепляюсь за поручень. Маршрутка трогается — поначалу кажется, что она оставит металлическое брюхо вместе с пассажирами и покатит порожней, но в который раз удивительное свойство родного транспорта передвигаться в самых nepотpeбных условиях работает как надо. Не знаю, превышал ли водитель допустимую скорость, но на поворотах все мы гнемся, как гибкие березки. И задняя дверь мелодично дребезжит, сопровождая ветру снаружи.

В былые дни, помнящие курсирующие по верхнему уровню Северного моста трамваи, мне нравилось смотреть из панорамного окна на мелькающий в его раме Город. Сейчас за пыльной занавесью не видно почти ничего. Лишь гудящие вереницы машин. И так до самого въезда на мост.

Я люблю свой город. Но как-то отдельно от людей. И иногда представляю, каким он был. Если пройтись по юным проспектам, можно лицезреть монументальные здания с колоннами, барельефами, отделанные искусственным мрамором, помпезные и пышные. Их строили так, чтобы каждый, смотря на них, думал о подавляющем величии. Строили, думая, что и спустя века люди будут помнить о достигших вершины первооткрывателях. А Город говорит: «И это прошло». Я думаю об этом, пытаюсь не заострять внимание на медленно продвигающемся потоке, вглядываюсь в очертания левого берега, расшитого желтыми и красно-коричневыми красками осенних одежд.

Так уж вышло, что натура моих соотечественников испокон веков тяготела к помощи униженным и оскорбленным. У нас в Тридевятом, если уж посчитает человек, что свершается несправедливость — берегись! Вершили справедливость, вершили и дров наломали, да так, что до сих пор икается. «Дураки», что поделаешь! И за душой ничего не имеем, но спокойно можем искать новое счастье, оставляя за спиной руины старого. Мы не стали жить лучше, умнее не стали. Последнюю рубаху отдать? Легко. Найти то, чего нет? Раз плюнуть. Живем, как хотим, пусть даже и не как надо. Поневоле поверишь, что у нас возможно все.

Схожу я на ближайшей к парку Морской остановке. Похолодало, и, несмотря на заводские дымы, воздух кажется прозрачным. Опустевшие улицы, притихшие дома. Парк должен был стать центром отдыха и культурного развития, но его предали забвению десять лет назад — половина зданий снесены, аттракционы демонтированы, остался парк, который, благодаря усилиям не безразличных людей, удалось сохранить. Но, вымостив тропинки новой плиткой и установив фонари, администрация района посчитала свой труд выполненным. Некогда живущий уголок был оставлен, но здесь царит незамутненное спокойствие. Сосны и уводящая куда-то тропинка. Погуляю, успокоюсь и поеду в дедушкину деревню.

Я иду вперед, не смотря по сторонам, пока дорогу мне не перебегают зверек с пушистым рыжеватым хвостом. Белка? Но их здесь давно нет. Как и этих фигур. Деревянные персонажи сказок. Вот этого помню — Зайка на пеньке. Вот царевна с прялкой. Герой с булавой и Медведь с туском меда. Но я же помню — их не было. Или были? Становится страшно.

Обернувшись, замечаю пожилую женщину, сидящую на облесшей скамье. Она подслеповато щурится и сжимает высушенными пальцами авоську. Вдруг перехотелось идти. Кто там прячется среди сосен? Медленно подхожу к пустующей скамейке напротив и сажусь на самый край. Хорошо, что джинсы теплые. Опустив голову, тайком осматриваю старушку. Старость ее согнула, но женщина старается сидеть прямо, она сквозит интеллигентностью, которая немного успокаивает. Ну что она может мне сделать? В этой безобразной, как не заметила раньше, сероватой телогрее, черной юбке и вязаной синей кофте с костяными пуговицами. А еще эти войлочные сапоги на резиновой подошве! Острое желтоватое лицо с четкими линиями морщин, тонкие редкие брови и под ними глаза, такие же острые, но неизвестного цвета. Аккуратно убранные под фиалковый берет седые волосы. Нельзя сказать, какой она была в молодости: красавица или уродина. Время милосердно стирает границы. Так! Зачем я обращаю на кого-то внимание. Я хочу побыть одна. Смотрю на тропинку и остовы фонарей, покоящихся в тени сосен. Смелости, чтобы подняться и идти, у меня не находится, поэтому я устраиваюсь удобнее и запрокидываю голову. Против воли вспоминаю о доме. Мне хочется уехать за город, в деревню деда Федота. Все что угодно, лишь бы не видеть ни праздничного торта, ни наигранной радости на мамином лице. В конце концов, пусть хотя бы раз она будет на моей волне. Из года в год люди с какой-то маниакальной надеждой желают в этот день счастья, успехов и здоровья. Отчего же дарят одну чепуху? И заставляют верить, что мечты сбываются. С самого начала утратившие веру взрослые будут пичкать небылицами, потому что считают — каждому малышу нужно верить в чудо — пусть хотя бы их жизненный рассвет будет наполнен самым искренним и светлым чувством приходящего праздника. И не добрые волшебники лишили детей их веры, а взрослые. Это они их обманули. Такая маленькая ложь, что ребенок и не вспомнит, но с годами все чаще будет задумываться, верить или не верить. Верить или нет? Чудес не бывает, ведь тех, кто их приносит, не существует. Это такая глупость — желать счастья и любви, когда в вас нет и грамма настоящей веры. — Чудесная погода, не правда ли? — прерывает мои размышления тихий голос моей единственной собеседницы.

— Очень освежающая, — вспыхивают мои щеки.

Заметила ли она мои подглядывания? Говорю и только тогда понимаю, как резко дует ветер, и набегающие на горизонт тучи зачерняют небо у воды. Зачем она спросила о погоде?

«Чудес не бывает, говоришь, — комментирует мое второе «Я». Не бывает, — убежденно решаю, — иначе все было бы другим. А так мне остается каждый год втайне надеяться, что люди станут приносить истинные дары. И, как в детстве, это будет Настоящая сказка, а не пожалованная кем-то вера, облегчающая дальнейший путь и скрывающая правду».

— В стародавние времена праздновали день Богини плодородия. Благодарили за урожай и

просили исполнить желания. Иногда богиня и правда исполняла их просьбы. — Голос говорящей обретает объем и заполняет уши. Звучит прямо у меня в голове.

«Ага, держи карман шире, — думается мне, — так я и поверила! Исполнение желаний. Вы-то откуда знаете?»

Поднимаю глаза и в упор смотрю на эту сказочницу. Старушка по-прежнему находится там, где и была. Тогда отчего кажется, что глаза ее, темно-зеленые с коричневыми и золотыми крапинками, так близко, словно мы столкнулись нос к носу?

Холодно, одежда мешает, трудно дышать. Когда наступает темнота, я понимаю, что попала. Именно так обычно описывают истории, которые случаются по глупости.

Холодно, так холодно, словно кожа перестает греть. И темно, точнее я не вижу, но чувствую резкий шлепок обо что-то твердое и сохранившее тепло. Хорошо! Хочется зарыться в этот островок тепла и заснуть. Мгновение уходит на то, чтобы понять — мир наполнен звуками: они везде и всюду — шелестит ветер в кронах, палый лист стелится по тротуару, жметя к серому бордюру, кто-то живой и опасный примостился на ветке сосны, неподалеку что-то утробно и визгливо жужжит и вибрирует, доносится пугающий шум автомобильных колес. И резкий шум приближающейся угрозы — дыхание с присвистом, неуклюжие и медлительные шаги, оглушающее шарканье стоп. Близко-близко!

«Спасите!» — все вопит внутри, заставляя замереть. Что-то дергается и вырастает перед моими ослепшими глазами. Чернота вспыхивает красным, помогая увидеть огромный силуэт и большие цветочные пятна: буро-черные, серые и не слишком вмятые. Что происходит? Силуэт постепенно складывается в узнаваемую старушку. Это она такая большая или... Ужас! Мамочки, спасите! Что она со мной сделала? А то, что это она, я чуяла нутром! Ведьма, ведьма! Она стала пропадать, размываться. Но звук, рождаемый ее телом, никуда не делся. Ко мне медленно приближается пахнущий горечью теплый отросток. Бежать! На поверку оказалось, что передвигаюсь я не очень быстро, шевелить ногами непривычно трудно, и рук я не вижу, но знаю — чего-то не хватает. А когда отросток наконец касается кожи — это пальцы, сухие и теплые. Пробую вывернуться, отчего во вражеских руках становится тесно, будто я чуть подросла, в нос ударяет невыносимая вонь. Запах, который (вот странно) меня в нынешнем состоянии не удивляет, вскоре исчезает. Звуки подсказывают, что ведьма меня несет куда-то.

— Так, хорошо. Не бойся, — говорит голос. Поразительно красивый и переливчатый, успокоительный. — Ничего, скоро освоишься и спасибо скажешь.

«Сомневаюсь».

Мое перемещение завершается. Я не вижу, но мой экстраординарный слух отмечает покачанные бока и высокие стенки. Какая-то емкость, пахнущая землей и травой, перегнившим деревом. Влажно и тепло.

«Хорошо. Тепло», — блаженствует организм, но разум явно не солидарно прокликает окающую старуху.

Мы движемся, не знаю, как долго передвигаемся и где я точно нахожусь, но внезапный толчок оповещает, что мы стоим на месте. Невнятные шорохи, свистящее дыхание, дополнившиеся ровным и глубоким, едва уловимым отзвуком проходящего через ноздри воздуха.

— Чудесная погода, не правда ли?

«Она что, издевается? Или решила собрать коллекцию проклятых существ неизвестной наружности?»

— Вполне, — говорят совсем рядом хрипловатым мужским голосом. Не отталкивающе, но смущенно, — Долго, конечно, посидеть не удастся. Но свежо.

«О, нет! Молчи! Не говори с ней!»

Надо его остановить.

— Молчи! — кричу, но вместо привычных слов появляется треск. Что это? Моя глотка раздувается. Да, да, так и есть!

Надо ощупать себя, раз я ничего не вижу. Подняв руку, провожу по груди, точнее, по тому, что еще недавно ею было. У меня нет рёбер. Мягкий живот покрывает пупырчатая кожа, чуть влажная. Кладу руку на руку. И не руки это вовсе. Это четырехпалые лапы. Перепугавшись, раздуваю глотку, наполнившуюся воздухом, что исходит тихим треском.

«Беги, дурак! — громко думаю, — Нет, стой, не беги! Спаси меня!»

— Знаете, в эти дни поклонялись Богине Плодородия, — меж тем разговор продолжается. Ведьма явно больше симпатизирует новому собеседнику. Закончив говорить, она ударяет рукой сверху, заставив меня встать на все мои четыре конечности, оказавшиеся примерно равной длины.

— Думаю, Богиня в гневе. Во что превратили мы ее дом, — Мужчина говорит совсем как она. Доброжелательно и приторно.

— Есть еще люди, которые заслуживают ее даров или помощи. Или вы так не считаете?

Так и представляю, как в предвкушении загораются ее ведьмовские глаза.

— Да нет, — произносит голос с сожалением, — добрые и заботливые люди еще остались. Но их не так много, и те, кого действительно заботит природа, не просят награды. А другие приносят только вред.

— Вы из добрых людей?

«Ну да! Злыдней окаянных, как я, превращают в монстров. Мало ли неудачных дней и причин злиться, что, теперь всех за это наказывать?»

— Нет, ну что вы, — резко обрывает мужчину, — я — так...

— Так, говорите? — ласково пожурив, намерное, машет своим костлявым пальцем.

Беседа затихла, и стал слышен вой ветра и плеск далеких волн.

— Хм, — ведьма задумывается на мгновение, — пожалуй, я пойду. Было приятно пообщаться.

— Мне тоже, — доносится в ответ.

Бабка с трудом поднимается и, кряхтя, направляется куда-то в сторону водохранилища. Оставила меня на месте.

«Эй, стой! — трещу я, — кто теперь меня расколдует?» Подпрыгнуть на своих лапах наверх не получается. Попробую разведать окружающую обстановку. Передвигая неуклюжими конечностями, добираюсь до преграды и трогаю — стекло.

— Бабушка! — опомнившись, сидящий на лавке незнакомец резко подскакивает, — вы забыли... коробку.

«Значит, я в коробке. Уже что-то».

Коробку подхватывают и несут. Быстро-быстро. Раздаются звонкие удары подошв, размашистый шаг, стало быть, мой извозчик довольно высок.— Стойте, да стойте же! — задыхаясь, кричит бегун, — бабушка!

Мы — моя темница и я — сильно трясемся, стеклянная емкость кренится, и я кувыркаюсь и падаю на спину. Никак не встать.

«Да чтоб тебя, бабка, перекосило».

Незнакомец переходит на шаг и останавливается.

— Чертовщина, — жалуется он, — сначала не мог догнать, а потом она как сквозь землю провалилась.

Коробку ставят на землю, слабое трение передается и мне.— Что тут такое? — отдышавшись, спрашивает мужской голос. Шуршит сверху и становится немного светлее.— Ничего себе!

Ты домашняя?

«Если бы я могла ответить. Что бы я сказала? Расколдуй меня, добрый молодец, хороший дам откуп, так, что ли?»

— Ладно, возьму тебя домой, там посмотрим, — бодро рапортует уже почти знакомый. Мы идем пешком. И вот громоподобные автомобили носятся совсем близко, появляется неблагозвучие людских разговоров, переросшее в неразборчивый гомон, что ранит мои чувствительные уши и вынуждает сжиматься, задерживать дыхание. Вот притормозил длинный автобус, и мы протискиваемся вперед.

Ту поездку я запомню надолго: толкаются, кричат, а этот добряк лишь у всех прощения просит. Эх, маленьких норовят все обидеть!

Вот и начинается, чувствую, моя новая жизнь, впрочем, поразмышлять над всеми жизненными перипетиями мне не удастся. Я засыпаю и обнаруживаю, что в таком состоянии не могу полностью закрыть глаза.

Мое вместилище извлекают на свет божий. Аккуратно сжимая бока (мой временный хозяин явно имел опыт обращения с подобными мне существами), перекладывает меня на гладкую поверхность. Включает ультрафиолетовую лампу. Надо бежать! Пробую прыгнуть, результат повторится. Прискорбно. Снова — тот отвратительный запах. Знаю — я скунс-мутант.

— Тихо, тихо, — успокаивает меня голос, — я ничего не собираюсь тебе делать.

Передвигает меня обратно и чем-то шумит.

— Передо мной самка Vifo-Vifo — лекционным тоном декламирует хозяин. — Длина около двенадцати сантиметров, окрас сероватый с более темными пятнами, кожа с округлыми бугорками. По предварительным данным, не одомашнена, и по размерам уступает самкам того же вида.

Раздается знакомый щелчок. Кажется, у него привычка записывать реплики на диктофон.

— Жаль, Прокопа Федотыча сейчас в городе нет, — сетует, — он бы точно пояснил, как особь этого вида, если, конечно, она дикая, не впала в спячку. Конец октября, в наших широтах уже холодно.

Слушая его монолог, мое сознание цепляет имя. Как он сказал? Прокоп Федотыч? Я знаю только одного человека с таким именем. Сабуров Прокоп Федотович — профессор кафедры биологии, герпентолог, но сам он называет себя батрахологом. Изучает лягушек.

Сейчас моего папы действительно нет. Он в Синдхане, на Конгрессе обсуждает редчайший вид — пурпурную лягушку. Уж это я запомнила надолго — у жаб, в отличие от лягушек, бородавчатая кожа. Почему-то эту новость я воспринимаю спокойно. Неважно, во что ты обращен, поверьте, сам факт такой метаморфозы даже в Тридевятом редкое явление.

— Сейчас посадим тебя в аквариум, а вечером я тебя покормлю, — завершает монолог, половину из которого я прослушала.

Теплая хозяйская рука опускает меня в аквариум и осторожно прикрывает крышкой. Мой новый дом. Пахнет землей и перегноем, похожим на тот, что мама берет в деревню деда, сажать рассаду. Еще присутствует аромат влажного камня и дерева. Сбоку — растения.

Сфокусировав взгляд, могу разглядеть жаболюбителя.

«Да он и сам та еще тварь, природы, в смысле».

Долговязый, худой, сутулый. Ой, длинный! Настоящий балда. Наверное, такой же наивный и простодушный. Нестриженные каштановые патлы торчат хохолком на темечке, серое лицо, на подбородке крапчатое, точно бриться не умеет, и наконец, апофеозом всему, зеленая майка с эмблемой университета и дырками от какого-то химического реагента, домашние треники и полосатые тапки. Единственное достоинство — молодость. Пожалуй, еще добрый голос. Он, хохо-

тнув, поворачивает банку, в которой меня принес. Вижу надпись, красовавшуюся поперек листа, крупными золочеными буквами: «Акция!» — а внизу меньшими буквами: «Семь желаний Бесплатно!»

«Ну, ведьма-то с юмором, — решаю, в голове остается одна мысль, — чем кормят жаб?» Устраиваюсь спать, примостившись задом под корягой, все остальное не влезает. Будит меня назойливый шум. Приглядываюсь. Да, мне везет! Еще одна. Милая старушка — невысокая, с крашеными рыжими волосами, забранными черными гребнями, в пестром халате и голубом фартуке с вышивкой. Нос курносый, губы щедро намазаны помадой цвета «вялая роза». И главная деталь — огромные черные наушники. Переставляя ноги в вязаных носках, бабушка самозабвенно пылесосит.

— Ба, ну я же просил, — донесся возмущенный крик, — они же спят днем! Там твой сериал идет.

«Она ничего не слышит, — хочу сказать, — балда».

Парень возникает на пороге, подлетает к родственнице и, стаскивая наушники, кричит прямо в ухо:

— Там дон Педро убивает спящую Хуаниту.

Бабушка смешно закатывает глаза и, постукивая алым ногтем по корпусу устройства в руках внука, важно произносит:

— Слышу. Вот только вчера привезли. Можно слушать телевизор и музыку на расстоянии. Иди, Степка, не мешай!

— Ба, будь человеком, а! — Ба включает пылесос. Хозяин, оказавшийся Степаном, нагнувшись, нажимает кнопку и воинственно разгибается. Поборница чистоты тут же бодренько усмеивается, и техника разрывает тишину будто возросшим звуком.

— Ничего не знаю, Степочка! — Бабуся отбирает наушники. Надевает.

Внук ретируется ни с чем.

Уборка продолжается. Мне вспомнились мои родные. Стало жаль и себя, и их. Вспомнились споры с отцом. И как я, затихая от злости, объясняла ему, что противные твари вызывают рвоту, а не интерес. Как показала первые эскизы. Закрыв папку, отец вышел, а я осталась, созерцая наброски. Помню его упрекающий взгляд, словно я вдребезги разбила какую-то его мечту. А как же я, которая желала стать костюмером с десяти лет? Прежних непринужденных разговоров у нас больше не было.

Я засыпаю внезапно, а когда просыпаюсь — хозяин ходит по комнате с контейнером, полным кишасих тварей. Они живые.

Степан отходит в сторону. Я не одна тут? Вряд ли пойму настоящих лягушек, а еще лягушачьи гастрономические вкусы. Прозрачная крышка надо мной открывается, и жаболюб подносит руку ближе, мою кожу орошает вода. «Хорошо! И вот тут еще!»

Жабьи инстинкты явно возобладали над остатками человеческого разума, я подставляю свою спину импровизированному дождю и расслабляюсь.

Через некоторое время что-то шмякается рядом и, извиваясь на подстилке, старается уползти. Тут-то все прелести нового восприятия показываются во всей красе. Глаза прикрываются. Мой язык молниеносно выстреливает вперед, хватает липкой поверхностью добычу и тянет в рот, я не успеваю подумать над произошедшим, как лапка помогает засовывать червяка в рот. Не так плохо, как казалось. Зубов нет, вкуса не чувствую. У нас как бы разные сознания. Понимаю: тело не мое. И глотаю еще живую активно извивающуюся жертву — не я. Переживу как-нибудь, надеюсь!

Наступает вечер, а затем и ночь. Степан укладывается спать, а я могу спокойно осмотреть

комнату. Конечно, в полной мере понять, как она выглядит, мне не дано, но хоть узнаю, чем живет этот парень. Комната длинная, у окна стол с компьютером, судя по слабо светящимся кнопкам монитора, и какое-то оборудование, стул. Окно закрывают плотные шторы, в дневное время свет косо падает лишь на рабочее место. Наверное, всю стену с моей стороны занимают лягушачьи жилища. Подползаю к самому стеклу и могу разглядеть узкую аккуратно застеленную кровать, обзору мешает открытая дверь, находящаяся рядом.

Степан засыпает почти сразу, не меняя позы, закинув руку над головой. Счастливый! Жабы, кажется, ночью бодрствуют и сны не видят. А жаль, мне бы так хотелось забыть обо всем. Но, с другой стороны, не надо корить себя за провал. Подумаешь, не поступила! Я навсегда останусь в этой шкуре. Ничто, единица в пищевой цепи. Остались только воспоминания, как-то вписанные в книгу памяти, поблекшие, но не утратившие важности с годами.

Спектакль. На сцене женщина без возраста — фарфоровая куколка с белым лицом и золотыми волосами, убранными в маленькую прическу с ниспадающим на грудь завитым локоном. Фигурка — словно перевернутый бокал: тонкая талия и пышная юбка. Платье, сошедшее с картин. Цвета слоновой кости с вышитым цветочным орнаментом; узкие рукава, оканчивающиеся многослойными золотистыми кружевами. И эти туфельки с красным каблучком. Мой энтузиазм поубавился, когда я прочла о нравах той эпохи. И сюжет позабылся и название, но этот наряд на актрисе запомнился надолго, можно сказать, поспособствовал выбору моей будущей профессии. Этой осенью я пыталась пробиться в столичные вузы, ведь готовят художников по костюмам только там. Приемную комиссию не впечатлило: рисую я и вправду не очень хорошо, но, главное, я не смогла донести свои идеи. А без этого мои работы никогда не дойдут до зрителя такими, какими были задуманы.

Треск раздуваемого горла показывает всю глубину моей печали.

Лунный свет, уплотнившись, проникает, подобно гибкой кошке, в комнату и на миг, озарив все пространство, гаснет, спрятавшись за шторами. Тогда на стуле возникает женщина, величественно усаживаясь, давая себя рассмотреть. Ее кожа испускает серебристое сияние, свободного кроя золотое одеяние мягкими складками спускается на пол, в разрезах длинных рукавов мелькают белые руки с сильными пальцами. Голову украшает венец из золотых пшеничных колосьев и осенних листьев, отливающих желто-красным цветом. Черные волнистые волосы лежат на одном плече, закрывая собой платье. В лице нет утонченности, но оно очень красиво по-своему: гладкая кожа, нос, что гордо выдается вперед, округлые щечки, точно наливные яблочки, полные алые губы и женственный подбородок, черные брови коромыслом и глаза... Те самые зеленые с коричнево-золотыми крапинками.

— Здравствуй, Зоя! — глубокий голос чуть хрипловат и пронизывает от макушки до перепончатых лап.

«И вам не хворать, — произношу про себя, если она и понимает меня, любезной с ней быть совсем не хочется (не верю, что лизоблюдство чем-то здесь поможет), — так вы и есть Богиня плодородия? И за что вы так со мной?»

— Хотелось наградить!

«Вот это награда, ничего не скажешь».

— Не тебя — мальчика! Но ты мне понравилась, я решила преподать тебе урок. Извлечешь для себя пользу — быть тебе человеком, а нет, останешься такой навсегда.

«Хороший урок. Если он подразумевает любовь ко всем тварям, я его вполне усвоила».

— Видишь ли, — продолжает богиня, — с давних пор бытует поверье, что тот, кто увидит золотую жабу, будет одарен везением. Запомни! Если ты сумеешь до новолуния исполнить семь желаний Степана — получишь волю! А нет, так получишь нового хозяина!

«Спасибо, разница небольшая: что в лоб, что по лбу. А как бы мне снова человеком стать? Она вроде про какой-то урок говорила? Что-то я должна усвоить?»

— Ты сможешь усвоить его, — богиня улыбается уголками алых губ, — если, исполнив желания, увидишь в них истину. Вот тогда и станешь снова Зоей!

Свет, исходящий от ее кожи, изливается волнами, следующими одна за другой, усиливая яркость свечения. Жабьи глаза не могут прикрыться полностью, защитит — я вижу, как она вспыхивает, словно звезда. Ласковая темнота накрывает своими бархатными краями. Стул опустел. Хозяин дрыхнет без задних ног.

«А как же... — надуваюсь, раскрыв рот, — какая из меня золотая жаба?»

«Я спокойна, я абсолютно спокойна».

Внушая себе оптимистичные мысли, остаюсь на месте.

Кожа мешает все сильнее, стягиваясь и рождая зуд где-то в глубине. Удастся почесать брюхо о шершавый мелкий камень, смешанный с землей. Не помогло. Раздуваюсь от обиды и отчаянья, привстав на все четыре лапы. И тут раздается еле уловимый звук. Становится легче. Набрал больше воздуха, надуваюсь как можно сильнее. Наверное, со стороны я на шар похожа. И вот кожа легко трескается вдоль спины. Ох и намучилась я, стаскивая ее! Не знаю, сколько прошло времени. Суть изменений осознаю, только освободив передние лапки. Жабья натура, наверное, не привыкла что-то выбрасывать, потому что, несмотря на внутренний протест, старая кожа сноровисто скатывается в плотный комок и заталкивается в рот. Ужас! Как хорошо, что мой рот, что называется, от уха до уха. Глаза, лучше видевшие в темноте, рассматривают бок и задние конечности, поменявшие цвет на золотой. Так сильно сияю, что меня можно принять за существо, подвергшееся радиационному облучению.

Золотая жаба. Богиня не обманула. Теперь надо как-то привлечь внимание спящего хозяина. Я же волшебная, так? Гипнотизирую взглядом стекло.

«Приказываю тебе, — подкрепляю приказ горловым стрекотанием, — исчезни». Ничего!

«Исчезни, — надуваюсь, вспоминая удавшийся опыт, — исчезни, кому говорю!» Вот блин! Подползаю к стеклу и ставлю на него лапки.

«Ну же, какое хорошее, какое прочное. Выпусти меня отсюда, пожалуйста! Обещаю, я к тебе вернусь!» Преграда растворяется внезапно, и я падаю животом на стол. Подтягиваюсь вперед к краю.

«Что дальше? Думай: что мешает тебе в нынешнем состоянии? Так... Безусловно, видеть одновременно во все стороны очень удобно, но это мешает сосредоточиться и размышлять, я ведь не на охоте. Ночью я вижу лучше — это плюс. А днем я вижу хуже — это минус. И больше цвета, да!»

«Многоуважаемая жаба, — обращаюсь я к себе. Глупо, конечно. Кто человек? Я. Значит, я главная. — Могу я некоторое время побыть собой, вы не возражаете?»

Предметы обретают четкость. Видно, как днем, если бы день был черно-белым Ворсинки ковра, поверхность стола, покрытая тонким налетом пыли, подмигивание электронных часов, календарь с какой-то квакушкой, висящей на ветке; темное пятно на обивке стула, ровные ряды тетрадей и банка, заполненная карандашами и ручками.

Как бы теперь попасть к Степану, если просматривается лишь часть спинки кровати?

«А как ты прошла сквозь аквариумное стекло, — подсказывает разум, — надо представить себя там».

Представила и зависла в воздухе, тут же с мысленным криком полетела вниз и увязла в чем-то мягком. Выбравшись из темного туннеля, где жаба чувствует себя в безопасности, вижу узкий шкаф, покрытый лаком, со старыми металлическими ручками и замочными отверстиями, взбираюсь на возвышение из скатанного в валик на животе хозяина полосатого одеяла. Целеустремленно перебираю лапками и сажусь к нему на грудь.

«Ну он и тощий, — под моим животом чувствуются его ребра и грудина, — проснись!»

Степан спит, полностью расслабившись, с приоткрытым ртом. Наверное, так спят люди с чистой совестью, те, кто не берут заботы с собой в сон. Не припомню, чтобы я так спала. Плотно сжав челюсти, я ворочаюсь, обдумываю прошедший день и засыпаю, не разжимая зубов, так, словно и во сне решаю непосильные задачи, как будто жить могу только так — сжав челюсти и преодолевая боль. А замечала ли я за собой такое раньше? Как много людей, похожих на меня? Попрыгаю: главное, об его кости ничего не отбить. До чего же мы, жабы, слабые существа, даром что уродливые! Ни тебе сильных ног, ни крепких зубов. Прыгать и то не умею — только ходить. Спит крепким героическим сном. Решено!

«Сам виноват, — размышляю, оценивая расстояния, — вперед!»

Тут мое сознание опять раздвоилось: жаба перепугалась, ей бы залезть в уютную норку — а мы зачем-то дразним огромного, опасного врага, но я уже корябаю хозяйский нос и плотно прижимаюсь пупырчатой кожей, просовывая четырехпалую конечность между обветренных губ. Степан завозился во сне, протянул руку к лицу и замер, коснувшись моей спины. Панически промычав, он молниеносно спихивает незваное существо, то есть меня. Лечу на пол, прыснув на «вражескую» руку едкой жидкостью.

Приглушенное мычание перерастает в полузадушенный крик, вспыхивает свет от лампы с абажуром. Степан медленно, с опаской, спускает ноги с кровати и спрашивает сиплым голосом: — Кто здесь?

«Балда! Я внизу, умнейший из смертных».

Наконец Степан замечает меня, опускается на колени и, не делая резких движений, обхватывает ладонями мои пупырчатые бока.

— Ничего себе! В каком месте ты жила? — хозяин сидит с открытым ртом, — надо тебя исследовать.

«Конечно, куда ж без этого!»

— Не надо никуда убегать, хорошо?

Мы перешли к столу, где Степан внимательно осматривает мою спинку и осторожно трогает кожу.

— Хм, как интересно... — информирует он, — кажется, кто-то недавно сменил кожу. Феномен, аналогов которого в природе нет.

«Ты меня слышишь? — телепатическая связь не работает, — уважаемая жаба премилой наружности, как, по-твоему, он узнает, что мы здесь, чтобы исполнять желания?»

«ГОСПОДИН!» — кричу я.

Раньше я бы очень испугалась, если бы кто-то невидимый ТАК крикнул в моей голове.

— А? — Степан мотает патлатой головой, — что это было?

«Посмотри на меня. Да, да! Это я».

Степан с минуту глядит на существо в своих руках, выпучивая глаза. Разжимает пальцы, и я встречаюсь со столом.

«За что, хозяин?»

Тьфу ты, мне теперь всегда его так называть!? Балда ему определенно больше подходит.

«Я здесь, чтобы исполнить семь твоих желаний. О, мудрейший из мудрейших!» — возвышенно декламирую я.

Степан щипает свое плечо.

— Золотых жаб не существует, как нет золотых парнокопытных и непарнокопытных, нет золотых или еще каких млекопитающих и рептилий. Ничего нет, — парень успокаивается и говорит сам с собой, — я сплю, и это сон, но на всякий случай надо сходить к психологу!

«Ага, видишь волшебный сон, — добавляю я, Степан согласно кивает, — ты должен загадать желание. Помни, я могу исполнить любое твоё желание. Но загадаешь для кого-то другого — исполнится в точности, как скажешь. Исправить нельзя и бесполезно для тебя. Я не могу никого воскресить или убить. Поэтому четко формулируй то, о чем попросишь. Говори: я желаю...»

— Ага, — воздев вверх палец, странно хихикает, — что загадать?

«Ой, что будет? — прикрываю лапками глаза, размышляю, — сейчас он такого себе загадает. Не смотрю».

— Я желаю стать сильным и красивым, — громко провозглашает Степан.

Интересно, его бабушка в наушниках спит? Вдруг проснется!

«Будет исполнено, господин».

Парень закрывает глаза, в пределах видимости распространяется золотое сияние, окутывает Степана круглым яйцом-коконом и медленно потухает. И...

Ничего? Кто из нас сошел с ума: я или он?!

Хозяин разочарованно рассматривает вытянутые вперед руки, оттягивает ворот майки. Почесав голову, встает и направляется в ласковые объятья подушки и одеяла — досыпать.

— Это кошмар, — твердо постановляет Степа, не оглядываясь назад, — ну, а чего я ожидал?

«Чего ожидала я? Все это бред в моем воспаленном мозгу».

Слышится хрюканье. Степан подпрыгивает, высоко подняв колени, пританцовывая и хохоча.

— Ай, ай, — в перерыве между смехом вырывается у него, — щекотно. Щекотно.

Что-то взбухает у него на носу. Похоже на мелкие круглые шарики. Икра, только золотая. Спустя мгновение икра, чей рост сопровождается громкими хлопками, покрывает все его тело. Посреди комнаты вырастает огромная золотая куча. Икринки плотнее облепляют Степана, вибрируя. Затем грациозно оставляют свой «насед» и роём летят вверх, где взрываются фейерверком и оседают золотыми хлопьями на всех видимых предметах.

«Ух ты, ничего себе!» — поборов оцепенение, осматриваю дело своих рук.

«Да! — озадаченно тяну я, — наверное, надо писать желания на бумаге?»

На фоне позолоченных стен стоит жертва моды. В обтягивающих худящие ноги черных кожаных штанах, в обсыпанном стразами красном пиджаке на голое тело, в остроносых сапогах из крокодильей кожи. Преображение довершают завитые белокурые локоны, уложенные в причудливую прическу. Зацепившееся залацкан пиджака, уползает прочь ядовито-розовое боа. Чудо в перьях взирает на себя с зашкаливающим удивлением.

— Чего это такое? — сипло бормочет жертва и на нетвердых ногах подходит к столу, рассматривая свое отражение в потухшем мониторе компьютера, — кто это?

«Красивый и сильный, — хихикаю я, падая на брюхо, — как ты и хотел».

— Я не этого хотел!! — протестует визгливо.

«А ты уверен?»

«Да!!!!!!»

Его внутренний вопль меня убедил.

«И нечего так кричать, я не глухая!»

— Верни все, как было! — грозит злым шепотом Степа.

«Это твоё второе желание? Скажи: я желаю, чтобы все стало, как было!»

Степан смотрит задумчиво, затем вновь возвращается к отражению в темных глубинах.

— Да, ну тебя! — машет рукой, — я сплю! — и, впечатывая каблук в ворс ковра, марширует спать.

Снимает одежду, комментируя свои действия нелестными эпитетами. Обрушивается на одеяло, поднимая золотую пыль в воздух, и тут же подскакивает как ужаленный, ощупывая свои

руки и поняв, что рельефный торс и бугры мускулов ненастоящие. Степан сердито сипит и пытается оторвать клоунские накладки.

— Что это? — ожесточенно сдирает силиконовую кожу с груди.

«Это накладки, которые используют в театральных и телевизионных постановках, чтобы имитировать настоящую мускулатуру», — подсказываю я.

— Я не о том, — говорит сквозь зубы, — что это, по-твоему, смешно? Чем я это заслужил? «Ничем. Прости, я не знаю, как так получается, — опускаю голову, — я, знаешь ли, тоже первый день в этой должности».

— Это обыкновенный кошмар, — отворачивается Степан, — в котором есть говорящие жабы.

Хозяин сбивает с пододеяльника драгоценную пыль, поворачивается спиной с обрывками силикона и бормочет:

— Исчезни! — старательно делает вид, что спит, но вскоре и вправду затихает.

«Вот тебе и быстрое исполнение желаний, кажется, я все испортила»

Представляю свой аквариум. И, оказавшись в нем, огорченно зарываюсь задними конечностями в землю. Первое желание исполнено, но как-то нерадостно.

«Пусть все происходит постепенно», — согласный треск моего второго «Я» слышится где-то на краю сознания. Мы пришли к соглашению — заняться чем-то миролюбивым. Для разнообразия посидим на месте.

Будит меня гул, словно кто-то твердолобый ударился о раковину в ванне. И следом в комнату влетает мой подопечный, замотанный в полотенце, с него стекает вода, а ладонь прижата к голове.

— Эй, это был не сон, — садист громко стучит костяшками пальцев в стекла, — и я не сошел с ума. Верни меня обратно!

«До чего ты догадливый, мой мудрый господин, — морщусь, широко раскрывая глаза, — но, к сожалению, я ничего не могу исправить, если, конечно, это не второе желание».

— Не дожدهшься. Нет. Чего мне пожелать? Вновь стать «некрасивым»? — И без того живописное лицо хозяина позеленело, — боюсь представить, что получится, если я так и скажу. Лучше ты постарайся, волшебная ты или как?

«Но я правда не могу», — успеваю произнести.

Придерживая сползающее полотенце, Степан открывает крышку аквариума.

— Ты сейчас по-другому запоешь, и не надейся, к запаху я привык.

Шлепая босыми ногами по линолеуму в коридоре (замечаю обитую дерматином дверь), разозленный хозяин идет в ванную, судя по плеску воды в кране. Закрывается на щеколду и с сумасшедшей ухмылкой подходит к ванне.

«Никак утопить меня решил, господин?» — иронично тяну я, подергивая лапками.

— Я что, дурак? — Степан наклоняется, что-то выискивая под ванной, среди коробок с порошками, тазами и кондиционерами.

«Это был риторический вопрос?» — думаю про себя, все-таки я не самоубийца.

Осматриваю место моих пыток. Маленькое помещение. Белый кафель на стенах над раковиной отвалился, обнажая слой серой штукатурки.

Неровная клякса зубной пасты украсила старое зеркало прямо посередине. Ванна зеленого цвета, я помню такие: древняя и шершавая. Голубенькая занавеска примотана наверху к перекладине.

— Насыплю хлорки в воду и оставлю тебя здесь, — высыпает порошок в воду, — у меня брови выщипали, и я теперь блондин с химической завивкой.

«Сочувствую, — бормочу так, чтобы не просочился смех, что рвется наружу, — ну, если тебе станет легче, то давай, вперед».

Степан опустил банку на бортик и со стоном сел на холодный пол.

Обозреваю покрашенные бесцветным лаком ногти на его ногах и говорю: «У тебя шесть желаний, главное четко сформулировать, чтобы не вышло чего-то радикального».

Парень, не слушая, уныло осматривает свое кособокое отражение с золотистыми вихрами. На линии роста волос намечается шикарная шишка.

«Решать тебе, хозяин, — говорю, смотря, как кран с шипением выплевывает воду, — эх, а поплавать было бы неплохо!»

— Может, в другой раз, — устало соглашается, выдергивая затычку из сливного отверстия, — только позже.

Вернув меня в родной безопасный террариум, хозяин одевается в джинсы и застиранную майку, натягивает на голову вязаную черную шапку и закрывает вход на место волшебного происшествия на ключ.

— Доброе утро, Степан, — слышится голос его бабушки. Стул придвигается к столу. Бор-мочет включенный телевизор.

— Доброе утро, внук, — мужской голос. Сильный, с командными интонациями, — ты чего это шапку натянул?

— В ней уши не так сильно торчат, — хмуро бурчит мой хозяин и отхлебывает какую-то жидкость, чай, наверное.

— Чужих тараканов надо уважать, — слышится мужской смех, следом раздаётся шуршание. В воздухе, подобно распылённым духам, разлился запах теплого, свежего хлеба.

— Сема, — укоряет бабушка, — неужто запомнил, как сам по молодости усы отрастил?

— Кхм... — родственник Степана явно смутился, — я — другое дело. И усы мне шли!

— Да, да, — в ответ раздаётся сдавленный смешок внука, — мы квиты, дед.

— Солдат ребенка не обидит, — парирует тот. — Галина, где обещанные блины?

— Уже несёшь. Тебе положить? Степка! Бери сметану, повидло яблочное. Твое любимое абрикосовое кончилось.

Зашкворчало разогретое на сковороде масло и затихло, когда блины скользнули в тарелку. Наступило затишье и до меня долетали только звуки стучащих по тарелкам вилок.

— Ой, спасибо! Вкусно, — поблагодарил дед и возмущенно добавил:

— Представляешь, опять возле контейнеров кто-то мусор раскидал, и его по всей округе ветром разносит. Тунеядцы, управы на них нету!

— Сема, ешь блины, — ласково заворковала Галина, — потом возмущаться будешь.

— Ба, я комнату закрыл, — сказал Степа с набитым ртом и, прожевав, добавил. — У меня там... эээ... эксперимент. Ты не открывай. Я сам потом все уберу.

— Последствия эксперимента мы видим на твоём лице, — сострил дед, — ты, видно, не согласен с Дарвином. Степкины предки земноводные, безволосые то бишь. Ой, Галина, какие брови, тебе б такие!

Послышалось возмущенное сопение. Внук в ускоренном темпе расправлялся с завтраком.

— Все, ба, я пошел, — отчётливо звякнула вилка о тарелку и отодвинулся стул.

— Ты там смотри, ушами не хлопай, — напутствовал дедушка. А мне слышны шаги Степана и шепот: «Ха-ха, как смешно».

— Куда это? — заволновалась бабушка и зашаркала за внуком. — Шарф надень, Степка!

Дверь захлопывается. Легкие, несмотря на возраст, шаги бабы Гали шуршат в коридоре; дверная ручка в комнату хозяина опускается вниз. Мы с жабой в ужасе встаем на лапы. Вот бабуля зайдет и увидит золотые стены. Цвет, конечно, ничего так, но вряд ли баба Галя поймет, почему внук ночами стены красит.

— Экспериментатор ... — весело проговорила бабушка. Дернула ручку еще раз и, посмеи

ваясь, вернулась на кухню. Нервная какая-то у нас, жаба, жизнь! Пospать бы...

Сквозь сон слышу скрежет ключа в замочной скважине. Степан, не снимающий шапки, с опаской заглядывает в комнату.

— Эй, ты меня слышишь? Бабушка еще здесь не была? — шепчет он, разглядывая перемены в обстановке.

Поднимаю голову.

«Нет, — отвечаю, — могу попробовать убрать».

Хозяин, прошмыгнув внутрь, с облегчением выдыхает, прислоняясь к закрытой двери. С тоской глядит куда-то в потолок.

— Без разницы, — хмуро замечает хозяин, стаскивая шапку с головы, — хуже все равно быть не может.

Во всей красе предо мной предстает бритая голова и пламенеющие жаром уши.

«Тебе так лучше, — убеждаю, разглядывая Степана, — а сейчас помолчи, я колдую».

— Лучше, чем что? — спрашивает, — чем быть блондином или вообще? Я ведь и брови сбрить хотел, а потом подумал, что буду похож на подопытного из секретной лаборатории.

«Вот отрастут, — мирно добавляю, — там видно будет. А теперь рот на замок!»

Заинтересованный взгляд парня мешает, хотя, по правде, мне и самой интересно, как все будет происходить.

«Пожалуйста, пожалуйста, — прошу и замечая, как золотая пыль, украшающая стены, медленно поднимается в воздух и словно застывает в невесомости, — уже что-то, теперь нужно, чтобы ты делась куда-нибудь».

Пылинки начинают кружиться все сильнее и сильнее, окно, уже заклеенное на зиму полосками ткани, распаивается, и золотой вихрь вылетает вместе с осенним ветром наружу.

Чистые белые стены. Ничего больше не напоминает о ночных превращениях. Интересно, они и раньше белыми были? Хозяин вроде молчит. А! Он ошарашенно смотрит в окно, открыв рот.

«Бр-р, как же холодно!» — жалуясь я.

— Предупреждать надо. — Степан подбегает к распахнутому окну, проворно захлопывает, сверху ему на ногу приземляется оторванный шпингалет.

— Как я теперь объясню? Всем в доме прекрасно известно: в комнате должна быть оптимальная температура.

«Зато чисто! — привожу неоспоримый аргумент, прикрывая глаза, — спокойной ночи, то есть, доброго дня».

— Не спи, — хозяин снова сидит на стуле, — я тут подумал. Что, если мы будем помогать другим людям?

Он реальный Балда, как тот, живший триста лет назад, им еще Пушкин интересовался. Нет! Мне, понимаешь ли, срочно нужно желания выполнить, а он решил меня проучить. Да, конечно, помню — усвоить урок. Наверное, что-то вроде: «Клиент всегда прав!» Ладно, так и быть.

«Поздравляю, отличная идея! — с сомнением произношу, — ты уверен, что не навредишь им?»

— Ты же сама говорила: нужно правильно сформулировать просьбу. И потом, мне кажется, что ты не можешь напакостить кому-то, кроме меня, — радостно шепчет он.

«Сенсация, — бормочу (спать хочется все сильнее), — это нужно еще проверить. Кого осчастливим первым?»

— Я уже думал об этом, — говорит, угрюмо кивая, — но после твоих слов...

«Поразмысли еще, — пыхчу назад, устраиваюсь под корягой. — Я в домике! Думай, господин, думай. Говорят, это иногда полезно».

— Откуда ты такая взялась? — слышу, — и кто твоя прежняя хозяйка, ну, та, из парка? Или

это тайна?

Степан ждет моего ответа, но, так и не дождавшись, замолкает.

В полудреме я почему-то представляю, как мой желудок неспешно переваривает вчерашних червей. Может, попросить Степана украсить мой рацион менее живыми деликатесами?

— Я придумал, — бесцеремонно тащит меня из теплой безопасности. Жаба возмущается, дергаясь, и готовится применить ароматное оружие.

«В принципе, я не против того, чтобы притупить его обоняние — из вредности. Но, возможно чем скорее он скажет второе желание, тем скорее мы опять заснем?»

Жаба со мной согласна.

«Чем тебя осенило, крутолобый господин? — Степан поднимает брови вверх, явно размышляя, не оскорбляю ли я его, — как я могу так с тобой поступить, просто характер зловредный, не обращай внимания. Лучше продолжай».

— Я желаю, чтобы мои дедушка с бабушкой отныне и до тех пор, пока живы, ни в чем не нуждались! — бережно кладет меня на стол, в стороне от окна, и замирает в ожидании чуда.

«А ты не хочешь, чтобы они, допустим, не болели?» — для меня такой исход вполне логичен, но не для доброго хозяина.

— Нет, — уверенно произносит, — конечно, хорошо, что они перестанут болеть, но никто из молодых не знает, каково быть старым. Ничего не болит, а тело подводит. Понимаешь? Или ты умеешь поворачивать время вспять? Возвращать молодость?

«Нет».

— Так или иначе, если у нас появятся средства, им не придется думать, сколько нужно отложить денег с пенсии на лекарство или оплату счетов, — оратор из него преотличный. Но все становятся такими, когда что-то нужно!

Степа опускает плечи и неловко проводит ладонью по обритой голове.

— Я, конечно, работаю, — сказал, хмурясь, — но разве кто-то заплатит студенту хорошие деньги? У нас ведь опыта нет, да и времени тоже.

«Ясно. Ты не расстраивайся».

Хочется погладить его по руке, успокоить. Разве кому-то будет приятно такое прикосновение?

«Желание... Будет исполнено, господин».

Трудно просить прощения, но если это поможет: «Прости меня, богиня, я не знаю, чем огорчила тебя, но, пожалуйста, пусть все его желания сбудутся правильно!»

Степан, наверно, ожидает молний, ударяющих в пол, или мешков с деньгами, появляющихся ниоткуда.

«Не тужи, хозяин, — говорю, — все исполнится, ты лучше подумай над следующим желанием, а то у меня столько еще людей в списке, всем надо помочь, к тому же, считай, меня только недавно повысили, и я хочу отличиться».

— Ладно, как скажешь. Тебе ведь нравится здесь, в аквариуме? Может, нужно чего? — нерешительно мнетса хозяин, видно, не зная, надо ли меня помещать обратно.

Он такой милый и нелепый одновременно. Поверит он или нет, если сказать, что я заколдованный человек? Хотелось бы верить, что да. Тут горло от волнения раздувается, и раздается треск. О! Вот, уже второе желание исполнено. Но почему я не прыгаю от счастья? Во мне все больше от жабы.

«Неплохо было бы, — добавляю, — помимо всех этих букашек и червячков получать еще и мясо или чем там положено кормить жаб».

— А ты не знаешь! — Степан поражен, — жабы ведь едят живую добычу.

«Я ведь не обычная, так? — стараюсь говорить спокойно, впервые становится больно внутри,

где-то там, в глубине души. В чем же я виновата? — К тому же, я не прошу много».

— У меня отложено мясо для карликовой лягушки... — переминаясь с ноги на ногу, Степан продолжает:

— Ты не против?

Берет в руки. Ему не противно касаться пупырчатой кожи?

Когда я оказываюсь на земляной подстилке, приходит явное облегчение. Неужели я начинаю отвыкать от человеческого тепла?

— Сегодня праздник, и я должен помочь одному другу, а когда я вернусь, скажу новое желание. Отдыхай! — Степан ушел. Звуки, говорящие о том, что в квартире не осталось людей, стихают, и воцаряется тишина. И старшее поколение куда-то подевалось. Я осталась одна.

Меня это пугает и настораживает.

Жаба слышит тиканье часов, урчание холодильника, бульканье старой трубы, песни ветра, играющего с занавесками! Корни жабьих повадок все глубже прорастают внутрь, скоро стану думать, что я жаба, любящая темноту, сырость. Меня пугают посторонние чувства: иногда я не знаю, где на хожусь. Внутри я останусь человеком. Пока. Прошло совсем немного времени. Праздник осени!

У меня день рождения.

Как они там? Мои родные. Мама, подруга. Интересно, отец был бы рад такой дочери? Ищут меня, наверное. Может, попросить Степана? Скажет им, что со мной все хорошо. Глупость. В правду они не поверят.

Они вернулись. Степанов дед долго возится с замком и не менее продолжительно ищет место для верхней одежды.

— Что за свиньи рядом со мной? — негодует он, — вот ты, Степка, зачем ту банку пнул?

— Э... — появление внука проходит неслышно, будто парень не шевелится и не дышит. — Рефлекс, наверное.

— Тоже мне футболист, — подытоживает дед Семен, — на турнике подтянуться не может, того и гляди штаны свалятся. Чего стоишь, снимай куртку, спортсмен.

Разозленный поборник чистоты (да они с бабушкой два сапога пара) исчезает среди квартирных метров.

Степан тем временем бесшумно проникает в комнату и с облегчением выдыхает.

— Кажется, я придумал следующее желание. — Хозяин берет в руки емкость с пульверизатором, — давай пока ограничимся этим, а ванна будет завтра.

— Ладно, — прохладные брызги смачивают кожу и приносят несравненное удовольствие. Как первый в жизни дождь не знающего ванны человека, испытывающего неопишемую тягу к воде. Подставляю животик, опять спинку. Хорошо!

— Ну, так вот, — Степану нравится наблюдать за моими водными процедурами. Он улыбается каждый раз, когда я расслабленно повожу лапками в грязи. Мокрая, свежая и пахучая грязь! Такое чудо, как в детстве!

— Я желаю, что бы весь мусор, не только у нашего дома, но и по всему городу убрали, — продолжает после паузы и замолкает.

«Не хочу показать неуважение к твоим устремлениям, — пропускаю влажную землю сквозь пальцы, — но ты хоть представляешь, сколько его будет после праздника Осени практически повсюду?»

Блаженствую в грязи, а рассуждаю о проблеме загрязненности. Грязь, конечно, не мусор. Грязь так естественна, она сама земля, она жизнь! Кажется, я становлюсь ее поклонником.

— Что-то сделать можно? — спрашивает Степа с надеждой.

«Только исправив человечество».

А что, это идея! К сожалению, и тысячам золотых жаб такую работу не сдюжить. Что мы за существа такие?

«Будет исполнено, господин», — говорю для него, сама думаю, каким образом его желание повлияет на людей.

Ура! Ура! Третье желание исполнено. Осталось четыре.

Пока хозяин готовит на кухне что-то для своих питомцев, я жду результатов. Они не заставляют себя долго ждать. Жизнерадостная хозяйка, вернувшись из своего путешествия по магазинам, делится впечатлениями прямо с порога.

— Мужчины, — бухает пакеты на пол, — вы где!? Я купила лотерейные билеты. Вы только представьте, самый большой выигрыш! В десять миллионов!

— И что? — Дед настроен скептически, — и сорок тысяч таких же, как ты, увешанных лапшой, блаженных.

— Ба, что это у тебя на юбке? — сбивает что-то на пол, — да ты вся в каких-то блестяшках! — уже всю радуясь, констатирует Степан.

— Да это на меня сверху упало, с полок в магазине, — отмахивается женщина, — ничего, праздник.

— Ага, праздник! — ворчит «Сема», унося пакеты с покупками. — А ты чего балбес, такой радостный? Никак опять какую живность притащил?

— Да, нет, то есть... — оправдывается внук, — я не поэтому. Мне кажется, мы выиграем.

— Знаешь, что делают, когда кажется? — оповещают из кухни, — в наше время сам не сделаешь, никто не сделает...

Наступила кратковременная тишина, после чего дед решительно топает в коридор, с грохотом ставит табуретку и что-то ищет, видимо, на верхних полках. Падают вещи, звякает велосипедный звонок, шелестит бумага, глухо ударяются об пол какие-то тяжелые предметы, пищит резиновая игрушка.

— Сема, ты это чего удумал!? — восклицает его жена, наверное, стараясь снять мужа со стула: что-то скрипит придавленное ножкой, — Степка, бросай возиться, иди сюда!

— Нет, Галина, не останавливай меня! Хуже будет, — твердо впечатывает слова дед, — я им покажу, как экологию портить! Эх!

Дверь хлопает и сыплет штукатуркой, слышны шаги, такие отчаянные, будто принадлежат герою, бегущему спасать как минимум человечество. А в представлении героя — вселенную.

— Ба! — Испуганно вскрикивает внук, — он что, ружье взял?

— Да нет, рупор старый, — отвечает та устало, — ружье у нас на ковре в спальне. Я, наверно, за ним пойду!

Степа выглядывает на лестничную клетку.

— За деда не волнуйся. Я его догоню, — надев куртку, выбегает из квартиры.

— Что он сделает? — слышу его обеспокоенные мысли, будто бы издалека.

«Не знаю, ничего противозаконного», — уверяю. Сама я не столь категорична, остается надеяться, что все обойдется.

Через двадцать минут хозяин вернулся. Запыхавшейся, но спокойный.

— Я его не догнал. Мне кажется, он в соседний подъезд пошел. Не волнуйся, если Смирновых дома нет, он вернется. Что он сделает? Рупор барахлит, может он его чинить пошел, Михаила Георгиевича в помощники взял. Дед не маленький.

Степа скинул ботинки, те со стуком упали на пол. Отодвинул обувь в сторону и прошел вперед.

— Правда, и ты не волнуйся, внучок! — бабушка усмехнулась, — переволновалась, столько

впечатлений. Время обеда, пошли кушать.

Кушать! Может, волшебство так на них действует? Это жаба нервная, а я не волнуюсь. Я сама безмятежность. Уж больно они спокойные. Правда, ну что может случиться? Ничего.

Семен отсутствует уже два часа. Баба Галя успевает позвонить участковому, но телефон никто не берет. На улице подозрительно тихо и когда включается телевизор, мы узнаем, почему.

— О, дед! Смотри! — прибавляет громкость, и мне речь телеведущей становится слышна.

— Этот стихийно возникший субботник набирает обороты, — говорит бодрый, даже зашкаливающий бодростью голос, — все, абсолютно все прониклись призывами лидера в борьбе за чистоту Лазарева Семена Семеновича. Обычный пенсионер, — скажете вы, — и ошибетесь. Голос прошлого и милосердная рука, снимающая шоры безразличия с глаз. Чтоб видели!

Тут ведущая захлебнулась восторгом. Счастливо выдохнув, продолжила:

— Почувствуйте, какая тут атмосфера. Власти, дабы предупредить возможные беспорядки, привлекли к мероприятию работников органов правопорядка. Но люди, собравшиеся здесь и дружно взявшиеся за работу, поют патриотические песни. Им помогают дети. Владелец сети супермаркетов «Здорово» Петр Аркадьевич Высоков предоставил пакеты.

Затаив дыхание, семья Лазаревых (как оказалось) слушает репортаж о приключениях главы семьи. Баба Галя, наверное, от избытка чувств, обрушивается на стул.

— Совсем недавно, как сообщают, субботник начался и по правую сторону Воронежского водохранилища, — восторженно вещает знакомый голос. Телеведущая местного канала Светлана Костина. Нет, она пищит от упоения. — Этот вдохновляющий призыв охватил уже все районы, давайте же сделаем наш город чище, друзья! Что смотришь, Федя? Выключай! Давай поможем!

Телевизор смолкает — невидимый Федя выключил камеру.

«Вот это масштаб! — горделиво выпячиваю пупырчатую грудь. — Хозяин, слышишь, это во всем городе!»

— Да уж! — говорит с сарказмом, — видела бы ты, как Костина себя вела, будто ведро энергетиков выпила.

— С кем ты говоришь?

Бабушка Галя складывает посуду в раковину. С чавканьем выдавливается средство для посуды, отжимается губка.

— Да так, сам с собой, — бросает Степан, — А дед вернется скоро, так ведь?

— Странный какой-то. Температуры нет. С этой новой прической ты как рогатый инопланетянин, — особенно выделяет голосом слово «прическа», возвращаясь к забытым тарелкам.

— Знаешь, я бы тоже пошла на субботник, — трет губкой с усердием, — и пойду, вот домою и обязательно!

— Не надо! — слишком громко восклицает «инопланетянин», — дед придет. Скоро, очень скоро!

«Придет, придет, куда он денется-то, — подтверждаю, — на лестнице убрать, хозяин?»

Парень закашлялся, а я решаю помолчать. На всякий случай.

Когда Семен Семенович пришел, его внук отставил бадейку с червяками, которых скармливал своим питомцев, и умчался, чтобы наблюдать возвращение «блудного» деда к родным пенатам.

«Знаешь, господин, — думаю, — пожалуй, не стоит больше давать мне мясо».

Как же страшно осознавать, что человеческое в тебе исчезает! Разницы между употреблением курицы и живых деликатесов нет никакой.

— Мясо больше не надо, — повторяю вслух, а этот Балда не слушает, восклицая:

— Дед, как?

Осталась наедине с собой, точнее, с лягушками... Какие-то однобокие у тебя интересы, господин. Хотя? Моим соседом может змея оказаться или ящерица. Вернись, мне что-то страшно

быть одинокой!

Из кухни доносятся обрывки разговора. Не приобщиться ли мне к этой единственной радости? Да-да, всю жизнь мечтала слушать чужие разговоры, сидя в аквариуме в собственных экскрементах.

— Так их, раз так! — гремит дедов голос, — вы бы видели, как они забегали, не замечал я раньше в себе такого таланта, да что там, талантища!

«Ага, глас разума, вещающий среди темных дикарей! — иронично прибавляю. Если б меня слышали!»

Не хочу никого обижать, просто только сейчас до меня дошло, что все ЭТО взаправду. И я даже не могу поплакать всласть.

— И как, много убрали? — баба Галя чем-то наполняет тарелку, по звуку супом, наверное.

«О, я бы тоже поела супчика, мамино фирменного, да что там, любого, но что бы у него и вкус тоже был!»

— Ты ж знаешь, сколько мусора у нас по берегам ручьев, в пруду на той стороне. Никому до этого и дела не было, а тут как под хвост ужаленные. До сих пор мусор вывозят. Вот и праздник получается, на благо городу. — Дед прихлебывает суп и сыплет междометиями, словно безмерно удивлен поступкам людей.

«А может и так! По волшебству ведь, а не добровольно. Стыдно-то как! Правда! Люди, они такие! Мы такие. Мы!» — напоминаю себе и с расстройства стараюсь влезть под корягу. Пора худеть.

Хозяин приходит выполнять свои обязанности — кормит меня мясом и какими-то жуками, я в них не разбираюсь, а жаба просто прожорливая.

Перед сном Степан поправляет куцую подушку и с видимым наслаждением вытягивается во весь рост.

— У нас во втором подъезде живет одна девочка, Вероника, — молчит, раздумывая. Закрывает глаза и робко продолжает, — она очень больна, и я подумал, ты не можешь ей помочь?

«Чем она больна?» — спрашиваю из своего угла.

Степан садится и складывает руки на коленях.

— А это важно? Я думал, что для тебя все возможно! — издевается.

«Поняла и прониклась. Не буду больше хвастаться! Хочешь масштаба, загадывай для себя».

Степан слушает молча и усмехается.

— Это мы уже проходили... — с досадой проводит ладонью по голове. Шипит, когда шишка дает о себе знать и едко выговаривает, адресуя то ли мне, то ли «производственной» травме:

«Зараза!»

— Ты сможешь или нет? — спрашивает, вставая. Страшно-то как!

«Опять топиться пойдем? Я постараюсь не напортачить».

Степан возвращается назад, устраивается в уютном одеяльном гнезде.

— Да, уж будь так любезна! — бормочет. Тянется рукой к лампе — тушит свет.

«Как фамилия Вероники?» — спрашиваю, пока хозяин не заснул.

— А тебе зачем, всемогущая? — Степан, зевая, недоуменно поглядывал на меня.

«Представь, ты говоришь... — стараюсь подражать его голосу, получается не очень. Мысленно хихикаю. — Желаю, чтобы девочка Вероника из второго подъезда выздоровела. Представил?»

— Ну, и...? — глубокомысленно замечает Степа, высовывая голову из своего гнезда.

«И выздоравливает тетка из второго подъезда, мучающаяся который год, потому что косточки на ступнях выпирают. И по паспорту она Вероника, и в душе до сих пор цветет и пахнет, как в десять лет».

— Ее зовут Вероника Кирилловна Потапова, ей пять лет. И хватит смеяться! — прикидыва

ется оскорбленным, но не может скрыть этой своей милой улыбки.

Не сказав больше ни слова, Степа засыпает, но без прежней беззаботности, сжимая пододеяльник в кулаке.

— Бедный, бедный господин! — произношу шепотом.

Теперь я одна, и никто меня не беспокоит! Этот благотворитель сладко спит в своей постельке. Но в нем живет стремление творить добро. А много ли таких, в ком оно еще теплится?

Во мне нет, я всего лишь умею творить чудеса.

«А что бы ты могла сделать человеком?» — спрашиваю у себя. И сделаю — у меня появилась идея!

Понадобилось напрячь все свои открывшиеся чудесные способности, чтобы сладить с проникновением в социальную сеть, попробуй тут управиться с компьютером, когда у тебя лапки.

Жать на клавиатуру неудобно, а с мышки они соскальзывают. Вижу сообщения от моей подруги Лильки.

Ищут меня.

«Привет, полрцга, — пытаюсь напечатать, и тут же правлю, — я у деда в деревне, пишу с компа одного продвинутого соседа. Маме передай, пусть не беспокоится!»

Тяжесть, лежащая печатью на сердце, отступает, в конце концов, ко всему можно привыкнуть, даже к такому существованию.

Где же ты, Вероника? Нахожу давний «пост» — просьбу о помощи. Вероника — четыре года, обнаружена саркома глаза. Реквизит банковского счета? О, нет! Ни реквизита, ни иной информации. Как мне перевести деньги? Как теперь написать о том, в какой помощи нуждается девчушка!

Внезапно перемещаюсь в пространстве и оказываюсь сидящей на прикроватной тумбе. Подле, совсем рядом, спит белокурая девочка — ее волосы завиваются на затылке, носик тихонько сопит и ресницы подрагивают, такие светлые, что кажутся паутинками, блестящими на осеннем солнце. В полумраке заметны изменения, но полностью увидеть, что случилось с Вероникой, я не могу — ее голова повернута в сторону. Понятно одно — ее глаз смещен, а над верхним веком небольшая шишка. Если можно помочь, то я постараюсь это сделать. И тогда ничто не омрачит ее сон. Будет обычным ребенком играть со сверстниками и искренне улыбаться им. Видеть мир здоровыми глазами.

Родители девочки недавно легли, и чтобы пробраться к компьютеру, придется прошмыгнуть мимо белой кошки, спящей на письменном столе их спальни. Не знаю, как выглядят со стороны мои перемещения. Но где-то я появляюсь, а где-то исчезаю, соответственно. Появившись несколькими сантиметрами выше стола, плюхаюсь вниз на закрытый ноутбук. Сползаю, с опаской поглядывая на спящий на противоположном конце стола клубок шерсти.

«Спи, моя киса, усни, в доме погасли огни!» — нервно пою, надеясь, что песня сойдет за снотворное заклинание.

Как бы теперь открыть ноутбук?

«Откройся, прогрессивное чудо техники», — крышка медленно открывается.

Ничего себе! «Волшебное» слово действует даже на неодушевленные предметы и существа, наделенные совсем другим разумом. Меня осеняет гениальная мысль. Ведь лапками работать совсем необязательно. Умнейший из компьютеров, я абсолютно серьезно заявляю, сам найдет то, что нужно — стоит всего-навсего сказать простое «пожалуйста». Оживший компьютер общался со мной весьма галантно с помощью командной строки. Отыскал реквизиты и, довольно вспыхивая, по моей просьбе перевел немного денег на счет и поместил просьбу о помощи. Это только начало. Мы еще узрим, как жабья удача меняет реальность. Осталось стереть все следы моих волшебных подвигов.

Ой-ёй! Кажется, кто-то проснулся. Об этом говорит инстинкт, заставивший меня замереть, приподнимаясь на лапах. Боковым зрением вижу, что за мной внимательно следят желтые глаза, светящиеся в темноте. Белый хвост моей поклонницы завершает движение, а она явно готовится к прыжку.

«МАМА! Я тучка-тучка-тучка, а вовсе не медведь! Не то! Замри, я приказываю!!!

Опять не то! Спи, моя киса, усни! В доме погасли огни».

Допеть я не успеваю, но могу совершить свой первый прыжок. Почти — комок шерсти оказывается быстрее. Молниеносно переместившись, она придавливает мое тельце передними лапами, намереваясь запустить клыки в мою кожу.

«Получи зловонный подарок! Ура! Какая я, оказывается, опасная для жизни».

Кошка шипит, вздыбливая шерсть, отпуская меня. Успеваю заметить: «Операция завершена» — провозглашает вежливый электронно-вычислительный механизм.

Белобрысая «шапка» не собирается сдаваться. Бедная — вслепую, по звуку определяет, что я еще здесь, и бросается вперед.

«Так, пора сматываться! Знай, бедное несчастное животное, что я не желала тебе зла». Перед тем как исчезнуть, я смотрю, как кошка соскальзывает вниз, проехав животом по столу. Слышится звук падения.

Уже сидя в складках полосатого одеяла, видно, жаба посчитала, что безопаснее места нам не найти, я слышу эхо женского голоса: «Мотя! ФУ!»

Путешествие удалось. Сердце бьется в груди, жаба не скоро успокоится. Мне тоже было страшно. Даже такой я очень хочу жить! В таком свете мой поступок выглядит еще значительней, а чувство совершенного добра — полнее. Мы все равно ее спасем, но может это последняя вещь, сделанная мною, пока я остаюсь и помню себя человеком. И, может быть, это последний рассвет, пропущенный мной, как всегда.

Удивительно, что закатное солнце заглядывает в старое окно каждый вечер. Сейчас чувствую, как утро шагает по стране, как пробуждается природа и как она засыпает, и вместе с ней ночные жители. И дрема завладевает мной.

— Проснись! — стук по стеклу, который отражается от стенок и оглушает, — Проснись!

«Вот пристал, — огрызаюсь, — даже поспать не дает, ванны нет, еды нормальной — тоже. Иди лесом, господин!»

— Так ты не знаешь, что происходит? — спрашивает зло. Насилу раскрываю глаза и вижу до боли знакомую физиономию. Кажется, будто хозяйский череп покрыт светлыми мягкими иголками, как у новорожденного ежика, там, где волосы отросли. «Потоп, пожар, Армагеддон? — перечисляю, — нашествие пришельцев или саранчи, а может, все знания исчезли, и мы по уровню интеллекта вернулись на тысячелетия назад, и ты тот счастливчик, избежавший печальной участи?»

Степа машинально мотает головой.

«Нет? Тогда дай поспа...» — не дает договорить. Переносит на стол, я даже не успела брызнуть той пахучей жидкостью, что выделяется моей кожей. Оборжаться просто, порчу воздух — та еще самозащита!

— Вся это ситуация бесит! — процедил сквозь зубы Степан. Он взволнован и бледен. — Будто решили поиздеваться! Галина Осиповна Лазарева стала счастливой обладательницей десяти миллионов. Желающие взять у бабули интервью оборвали нам телефон.

«Поздрав...» — вполне искренне начинаю я.

— Заткнись, — отчеканивает Степан, — пусть катятся к чертям! Из-за этого я не мог позвонить.

Хозяин с такой отчетливой ненавистью посмотрел на меня (вот-вот раздавит бедное существо), и его всегда такая милая улыбка искривляется и преображает до неузнаваемости.

— После вчерашних подвигов деда непременно хотят выдвинуть на пост главы района, и теперь митингующие собрались под окнами и с плакатами требуют его. И, — сглатывает Степа, будто туча набежала, так темнеет его лицо. С трудом, словно каждое слово причиняет ему жуткую боль, проговаривает:

— У деда поднялось давление, — хозяин говорит так, что становится понятно, почему он не сообщил об этом сразу. В его глазах вспыхивает и погасает страх, словно произнесенное вслух известие обретает реальную силу.

— Скорая уже выехала. — Его голос обретает твердость. — Мне безразлично, как ты это устроишь, но врачи должны без помех приехать к нам и никто посторонний сюда не зайдет, ясно?

«Ясно, — повторяю, а в голове крутятся мысли, подобно челноку в ткацком станке. Туда-сюда, туда-сюда. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Пусть доктора приедут быстро-быстро, и никто из этих одержимых чистотой и порядком не проникнет в квартиру».

К счастью, богиня меня услышала. Через некоторое время. Дребезжит дверной звонок, и Степан уходит встречать спасительных гостей.

— Ничего себе, у вас народу у подъезда, — говорит доктор. Мужчина, вроде бы. По привычке пытается разрядить обстановку.

— Проходите, больной там, — перебивает хозяин.

Серьезность его голоса и мрачность, которая сопутствует ей, как торнадо сметает остатки доброты и оптимизма с моего хозяина. Кажется, я окончательно убила то хорошее, что увидела в нем старушка-богиня.

— Хорошо, — смущенно проговорил гость, — проводите сначала в ванную, а затем к пациенту.

Шумит вода, тяжелая поступь врача и почти бесшумные шаги его молчаливого коллеги стихают за стеной спальни старших Лазаревых. Я перестаю получать информацию, и приходит страх. Сразу вспоминается, как умер дедушка Федот.

«Богиня, ау, слышишь? — обращаюсь и к богине и к жабе, — конечно, слышишь. Спаси его, и я сделаю все, о чем попросишь! Не хочу быть виновной в смерти человека».

Мне всегда думалось, что слова клятвы — цепи. Ты узнаешь, что клятва принята, когда они окутают тебя своим железным холодом и нерушимостью. Но в реальности слова словно упали в бездонную пропасть и не нашли отклика. Как молитва, которую неверующий считает лишь внутренним разговором, произнесенным вслух.

Отворяются двери, люди выходят. Идут мимо «нашей» комнаты в прихожую. Говорят вполголоса, и многое мне не слышно, хоть я и стараюсь.

— От госпитализации он отказался. Состояние его нормализуется. Препарат скоро подействует, наступит заметное улучшение. Но все-таки уговорите его. Необходимо провести полный курс лечения, пройти обследование, чтобы исключить влияние на его сердце других патологий.

— Хорошо, хорошо. И скажите людям внизу, что если они не разойдутся, то не увидят Семен Семеныча никогда, — произнес Степан, нарушая тишину.

Эскулапы обуваются, скрипит обиженная дверь.

— Звоните, если станет хуже. — Мнется врач, словно хочет сказать: «до свидания» и понимает, что свидеться с ним или с кем-то из его братии не хочет никто, кроме бедных одиноких пенсионеров — симулянтов.

Щелкает замок, отсекая внешние звуки.

— Ба, слышала, что врач сказал: уговори его, пожалуйста. Я у себя буду. Зови, если что, — произносит шепотом и, стараясь ходить бесшумно, возвращается ко мне. Я думаю, что ко мне. Мы не договорили, вряд ли хозяин захочет услышать об оставшихся желаниях. Чуть-чуть подожду, пусть остынет — станет прежним милым нелепым парнем.

Он сидит, я тоже сижу. Молчим. Тикают часы. Степан мрачно, но основательно жуёт булочку с маком.

«Слушай, прости, — говорю, — я обещаю, что ничего с твоим дедом не случится (это я могу гарантировать). Давай мириться, а?»

Буравит глазами, плотает последний сдобный кусочек. Угрюмый. Какого они цвета? Глаза то есть.

— Сам виноват! Я не на тебя злюсь. На себя.

Смотрит в пол. Собирая крошки, осыпавшиеся на старую зеленую майку, медленно сдувается. Исчезает мрачная гримаса, взгляд теплеет.

«Все обойдется, — ощущаю, будто мои слова сами по себе обладают целительной силой, — вот увидишь».

Степан грустно улыбается, и я, чтобы его отвлечь, предлагаю ему рассказать о своих питомцах. Впервые по доброй воле я выслушиваю вдохновенную речь о склизких земноводных: жутко прожорливой Шпорцевой лягушке, с розовой кожей и развитыми перепонками на задних лапах (оказалось, этот уродец живет в соседнем аквариуме), совсем маленькой, с заостренной мордочкой и темно-зеленой кожей с пупырышками лягушке с трудно произносимым именем Гименохирус. Наконец, указывая на последнее свое приобретение — ярко-зеленую, скорее даже салатную малютку в темную крапинку, которая лапками прилипла к стеклу прямоугольного высокого террариума, — с гордостью говорит:

— Квакша, обитает в Южных землях. Скоро куплю самца, правда, квакает он как лающая собака.

Глупо и абсолютно счастливо улыбается. Что человеку нужно для счастья? Этому конкретно — жабу поуродливей, или, как я, вообще золотую. Правда, счастья я ему пока не принесла — вред один.

Вот бы отец заметил Степана и перестал на меня дуться. Да и какая из меня надежда будущей герпетологии, не смешите!? Вот надежда — передо мной.

Теперь можно и признаться, раз уж хозяин отвлекся от тяжелых мыслей.

«Ты только не сердись», — говорю ласковым медовым голоском. Приподняв осветленную бровь, Степан словно говорит: «Ну, ну продолжай. Что ты наделала на этот раз?»

«Э...»

Скажу правду. Я зачарованная девушка, и мне не вмоготу помочь человечеству. Так, что ли? «Я тут поколдовала, — нараспев тяну гласные, раздумывая, что говорить, — и считай, что один человек захотел добровольно помочь девочке и еще, возможно, другим людям. Не один, а одна девушка. Лучше посмотри сам».

Насторожился.

Зажмурилась и, открыв глаза, вижу вытянувшееся лицо Степы, который краснеет ушами, румянец появляется на скулах и распространяется по всему лицу.

— Это ты специально, да? — откидывается на спинку стула, — поиздеваться решила?

«Не понимаю, о чем ты?»

Рассматриваю свой человеческий портрет. Девушка как девушка: не худая, не полная, не низкая и не высокая, не красавица, но и не уродина. Я темно-русая — самый распространенный в стране цвет. По мне, так самая обыкновенная. Была.

— Все ты понимаешь! — раздраженно проговаривает он, — она мне нравится! Ты просто хочешь разрушить всю мою жизнь!!

Вот те раз! Ну, бабуся, ну, ведьма! Жаль у меня рот и так большой, отвисшей челюсти не появиться. Я тебя даже не знаю!

«Это когда вы успели познакомиться?» — с сарказмом вопрошаю, не могу скрыть недоверие в голосе.

— Мы не познакомились, — потер лицо и обреченно махнул рукой, — я ее знаю. Она приходила к отцу на кафедру. Год назад.

Ух, ты! И ты меня не забыл!

«И почему же ты с ней не заговорил?» — как-то слишком собственнически звучит. Так жабы не разговаривают.

— Да как-то не представилось возможности. Что?

Не знаю, как он может разобрать эмоции на моей морде, но точно знаю — жабы производят впечатления тупых, не наделенных интеллектом созданий. Наверное, оттого, что я молчу так назидательно.

— Я струсил, ясно! Постеснялся с ней заговорить, — с каждым словом звучит все тише, — как, по-твоему, она бы отреагировала?

«Уж точно в обморок бы не упала».

Я не кисейная барышня, а ты даже и сейчас не монстр. Уход тебе нужен! Ага, тот самый, с депиляцией.... Нахамить я могу, конечно. Но не первому встречному.

Посмотрела украдкой на парня. Наверное, он прав — тогда бы ничего не вышло бы. Будь он уверенней в себе?

«И отшивать сразу бы не стала, — утешаю, — может со временем, о, мой господин!»

— Смешно тебе! Смейся — смейся. Не будет тебе никаких желаний, — обиженно сообщает он, — отнесу обратно, где взял.

«Не-е, постой! — спешу исправить оплошность, — посмотри внимательно!»

— Что это? — придвигается ближе, вникает в суть текста, — и теперь Ника выздоровеет?

«Не факт, но операцию сделают, и не ей одной. Сколько людей пожертвовали деньги! В нашем городе целый миллион человек, и если взрослые люди жертвуют несколько тысяч, никто сильно не обеднеет. Если хочешь помочь лично Веронике, загадай желание».

— Я бы с радостью, — говорит, — но ты опять напоргачишь.

«Спасибо на добром слове, господин».

Поклонилась бы тебе до земли.

«Чем сильнее желание и искренней, тем лучше выходит».

— Хочешь сказать, что очистить город было корысти ради? — скрещивает руки на груди и ждет ответа.

«Вовсе нет, — отвечаю уклончиво, — что плохого в том, что Семен Семеныча изберут главой?»

— Меньше всего он хочет служить народу, который вслух ругает взяточников, а за спиной сует в карманы конверты, — произносит патетично, — он так говорит, не я.

«Он ведь сможет это изменить!» — восклицаю. Тут же приходит мысль о невозможности сего чуда.

— В одиночку никак. Всех не заставишь думать как дед, и жить по совести, — чеканит слова, будто вызубренное правило.

«Спокойно, спокойно, — мягко и размеренно напеваю я, — лучше скажи, ты готов к чудесам?»

— Но там же люди митингуют, — идет на попятную. Выдыхает и быстро выпаливает: — Готов, так и быть!

«О них не беспокойся!»

Глядит испуганно.

«Не собираюсь я их калечить, как ты мог так подумать! Ты, главное, не бойся. И удержи дыхание».

С другими я еще такого не проделывала. Долговязая фигура Степана в нелепой майке и джинсах, обтрепанных по краям, вытягивается в струнку и замирает. Он, кажется, намерен и вовсе не дышать.

Раздается хлопок, и Степан исчезает — вот был, а теперь нет. Лишь летают в воздухе не сколько золотистых пылинок. Отправляюсь за ним. Через мгновение перед глазами та же прикроватная тумба. За небольшим письменным столом сидит Вероника и рисует желтым карандашом солнышко. Степа изваянием замер позади нее — видимо сообразил, что присутствие постороннего мужчины вряд ли обрадует родителей девочки.

«Можешь отмереть, хотя если тебе так спокойней, то пожалуйста», — великодушно разрешаю. Степан косит глазами в мою сторону — злится, если меня не обманывает эта гримаса. Может у него живот болит — очень похоже.

«О, мой храбрый господин! — Больше подобострастия в голосе, — можешь расслабиться, никто нас не видит».

— Хотелось бы верить, — шепотом, — но с тобой ни в чем нельзя быть уверенным!

Молодец, вернул колкость. Прогрессирует — скоро будет огрызаться профессионально, куда мне до него.

«Загадывай желание!»

Из соседней комнаты слышится приглушенный разговор, шуршание пакетов и шорох одежды. Собираются в дорогу? Неужели набралась нужная сумма? Если да — как же быстро!

— Я желаю, чтобы Потапова Вероника полностью выздоровела и никогда больше серьезно не болела, — с придыханием проговаривает четко Степан, вопросительно поглядывая на меня. Киваю, мол, все правильно. От меня не убудет, а младший Лазарев перестанет волноваться понапрасну.

Мы с неподдельным восхищением созерцаем, как голову девочки покрывают светящиеся пузырьки, как они выстраиваются в изящную корону, и как сияние, спускаясь вниз, охватывает все ее тело. Икринки лопаются с хрустальным перезвоном и наполняют комнату торжественным звучанием. А затем — Степан с открытым ртом, а я с внутренним трепетом — видим, как пыльца, покидая кудрявую головку, превращается в десятки бабочек. Они кружат по комнате и опускаются на стол перед Вероникой, перерождаясь в заколки для волос. Могу поспорить, с годами они не потускнеют, золото с их крыльев никогда не осыплется. А семья Потаповых будет считать, что волшебные заколки чей-то давний подарок. Ух, как же хорошо! Осталось еще три желания и свобода!

«Все, пора идти».

Степа под властью впечатлений от произошедшего чуда потерянно мямлит нечто вроде «ага».

«Не шевелись», — на всякий случай напоминаю. Но парень и так, не сводя глаз с Вероники, забывает дышать.

Вернувшись, обнаруживаем плачущую бабушку Галю, которая даже не заметила нашего появления. Она всхлипывает и мнет и так изрядно помятый подол халата, поднимает невидящие глаза и смотрит куда-то вдаль. Степа мгновенно оказывается подле нее, присаживается на корточки и осторожно, словно хрустальную, берет изрезанную следами времени руку.

— Ба, ба! Что произошло? Ба! — громко вопрошает он, при этом нежно гладит бабушкины руки.

— Степка? — спрашивает Галина Осиповна так, словно только замечает внука. — Степка!?

Она бросается в его объятия и рыдает еще громче. Внук растерянно оглянулся, поглядев на меня. А что я? Ничего мне не известно.

— Внучек, где же ты был! Я уж подумала было... А что теперь говорить, что может старой в голову прийти, — бормочет и всхлипывает одновременно, и при этом успевает пощупать внука и, убедившись в его целостности и невредимости, успокаивается.

— Ты где это пропал? — вопрошает женщина со всей строгостью и, не дождавшись ответа, добавляет, — деда-то, деда, на скорой в больницу увезли. Митинг этот сразу рассосался. Испугались, видать.

— Что? — Он оглядывается на бедную, ни в чем неповинную жабу. Сжимает кулаки и закрывает глаза.

— Что слышал, внучек, — с сарказмом прибавляет, — непонятно, сам сказал, что в комнате — захожу, как сквозь землю провалился. Объяснишь?

— Не сейчас. Ему хуже? — поднимает бабушку с места за плечи, — что в больницу привезти надо?

— Точно, — вспоминает Галина Осиповна, — Семену было хуже, и врачи решили его госпитализировать. И вещи его привезти, посуду. Но как же я без тебя-то?

— Ты прости, Ба. Такого больше не будет, — угрожающе звучит обещание. — Сейчас я тебе помогу, и такси вызовем, мы ведь теперь миллионеры.

— Представь, Степка, — говорит бабушка с преувеличенной бодростью, — меня снимать собираются, приглашают аж в столицу приз вручать.

— Так это тебе в салон красоты, — Степан, обняв старушку за плечи, выходит из комнаты, привычно наклоняя голову, чтобы не врезаться в косяк, — затмишь всех столичных див.

Оттого он сутулится, наверное, потому что такой высокий. О чем я только думаю? Собирая вещи для Семена Семеныча, хозяин будто бы не замечает меня, словно забыл о моем существовании. Да и зачем обо мне помнить? Я — жаба, пускай и золотая. Все равно жаба.

День явно не задался. Степан, пришедший в приподнятом настроении, молча засовывает меня в пластиковый контейнер с землей.

«Куда?!!» — спрашиваю испуганно и пытаюсь высвободиться из плена.

— Отвезу тебя в заповедник, — неохотно отвечает, — пока все относительно нормально.

«Мы так не договаривались! — протестую, — выпусти меня».

— Мы ни о чем не договаривались. Это я, дурак, сразу не понял, что не надо загадывать желания, — произносит с горечью, отводя глаза — Я виноват, из-за моих желаний деду стало плохо.

«А вот и нет, — спорю, — ты лишь сделал то, что хотели другие, и не твоя вина, что их желания сделали с ними».

— Не буду я менять чужие судьбы, хватит. А в заповеднике о тебе позаботятся.

Спустя несколько часов мы стоим перед зданием вокзала, таким монументальным с колоннами и белыми статуями выше карниза, и думаем. Степка о своем — о том, как бы поскорее избавить мир от меня. А я — о том, как бы сбежать по дороге.

«Милостивейший господин, давай ты загадаешь оставшиеся желания для себя и отпустишь меня на все четыре стороны».

Тугоухий, как же иначе его назвать, если он не слышит, продолжая идти. И только садясь на пригородный поезд, шепотом высказывает:

— Зимы ты не переживешь. Не спорь!

Галантно пропускает женщину с большими пакетами, набитыми с виду пожеванными одеялами. И еще одну женщину. Потом десяток.

Признаюсь, я рада. Может, мы так никуда и не попадем. К моей великой печали, Степка занимает свое место в конце вагона, у окошка. В отчаянии принимаюсь уговаривать его вернуть меня в парк, где мы и повстречались. Мало ли, вдруг в этом заповеднике может случиться. Степан невозмутимо уплетает неоновую-оранжевые чипсы, поглядывая по сторонам.

— Тебя и не видит никто такой золотой, — выпаливает и захлопывает рот.

«Конечно, ты один такой ненормальный, — поддеваю я и замогильным тоном продолжаю

вещать, — не найти мне покоя, пока не исполнятся все желания, это будет твоя вина».

Что-то такое проскальзывает в его взгляде. Может, сжалится?

Возня и многоголосые разговоры, сплошной какофонией плывущие от вагона к вагону. И стук колес, усыпивший женщину впереди, уютно устроившую голову на плече своего спутника. Шаги детей, не захотевших сидеть на месте. И хруст пакета с чипсами.

Не хочешь говорить, ну так я тебя заставлю! Припомнив особенно заунывную песню, начинаю петь, выразительно — с подвываниями. На первой минуте моего концерта хозяин стоически глядит в окно. И на десяти следующих минутах пения — тоже. Жаба начинает подпевать. Да так громко! Вспоминаю, о чем вещал этот баран упрямый, мол, самки квакать не умеют. У нас все возможно, такие вот чудеса.

Народ стал сначала с любопытством, а затем с упреком поглядывать на переставшего жевать парня.

— Заткнись уже! — и ласково так кладет свою ладонь, лишив меня обзора. — Из-за тебя все, а дед, между прочим, кроме как пойти в сквер в шахматы поиграть, никуда не ходил. А бабушка безобидно покупала себе всякую всячину в телемагазинах. И я. Что тебе сделал?

«Тебе никто не говорил, что чужое брать нехорошо? И не смотри на меня так».

Ухмыляется, что-то поняв, и убирает руку.

«Что тебе стоит загадать желание для себя? — спрашиваю, — террариум или лягушку редкую? Или вот эту лающую по-собачьи лягушку из южной земли?»

Про новых питомцев Степка слушает более заинтересованно, но перебарывает соблазн. И глядит так хитро. Остается только вздыхать, обругивая его в мыслях. Так я и делаю до сих пор — вздыхаю и жалобно стучу лапками по пластиковому дну, повторяя речитативом одно и то же: «Верни меня туда, где взял», — пока этот упрямец идет в обитель спасателей природы.

Мы находимся в живописном и известном в некотором роде месте. Здесь неподалеку, на холме, жила настоящая царевна. В замке с башнями из старинного красного кирпича, с обрамлёнными белым окнами, изящными коваными ограждениями балконов и верандой. А перед замком, за воротами, высится башенка с часами работы чужеземного мастера. И немного времени минуло, только, как водится, былую красу уже не разглядеть в развалинах. И лишь желание увидеть следы минувшей эпохи влечет сюда. И легенда о душе царевны, что вернулась домой и пугает реставраторов. Так или нет — а замок все еще ожидает того, кто вернет его в то время, когда его хозяйка со свитой выходила на веранду и спускалась по ступеням к гроту, где, должно быть, на площадке играли музыканты.

Но мы держим путь на противоположный берег реки, где был размещен «зверинец», превратившийся в биосферный заповедник.

«Послушай, а мое желание ты можешь исполнить?»

Идущий вперед так, что поставь перед ним стену, он бы и ее протаранил мимоходом, хозяин останавливается.

— А так можно? — интересуется.

Пока я размышляю, Степан, подняв голову, смотрит в небо. Осенняя синева, последняя. Стада облаков, словно овечки, поднимающиеся по холму — так их много, скоро скроют небо, как кружева покрывают платье.

По берегу речушки ярко-желтые деревья отражаются в воде. Название не вспоминается, но ранней весной на их ветках повисают длинные сережки и остаются до глубокой осени. Выше на холме — сосновый лес смешивается с дубами, что засыпали листвой дорожки, и белыми березками, хрупкими, нагими. Покой в таком месте приходит, как туман поутру, окутывающий низовья и повисающий на кронах клочками сахарной ваты. Здесь забываешь о проблемах, рождается

знание о том, что лес — наш давний дом, наш забытый кормилец.

— О чем ты хочешь попросить? — как бы между прочим спрашивает, забывая поправить шапку, которую он то и дело натягивал на мерзнувшие уши всю дорогу.

«Знаешь замок на той стороне? Реставрация продолжается тридцать лет, а ничего не сделано. Я не хочу, чтобы его превратили в модное место, куда богатые ездят погостить или поглазеть на старину, мне бы хотелось, чтобы он обрел первоначальный вид, тот, что был сто двадцать лет назад», — медленно проговариваю, боясь, что перебьёт.

Степан удивленно чешет шишку на лбу, словно раздумывая над тем, что жаба-то интересуется архитектурой, и, поднимая контейнер на уровень глаз, подозрительно всматривается в мою морду, показывающую узкое жабье сознание.

«Считай, что я интеллектом очеловечена».

Степка ошалело трясет головой и смеется, но соглашается и старательно выговаривает свое желание, повторяя за мной.

«Неужели осталось два желания! Скорей бы», — думаю я, смотря на разворачивающееся перед нами зрелище.

Поднимается ветер, и золотой листопад куполом закрывает небосвод. Потрясающе красиво и никогда не надоедает. Кажется, экскурсоводы будут рассказывать еще одну легенду. Легенду о золотом дожде, окрасившем замковые стены и крышу.

И также неожиданно следы его исчезнут, словно высохшие капли.

«Слушай, может еще одно желанье, для меня? — обречено закатывает глаза, — ладно, верни меня, туда, где взял». И еще: «Верни меня, туда, где взял. Верни...»

— Достала, — шепчет, — раз тебе так хочется стать самоубийцей.

Круто поворачивается и идет обратно.

«Спасибо, о, добрейший господин!» — от радости подпрыгиваю. У меня получилось, ура! Я прыгнула! Ура.

— Блин, — Степа еле сдерживается, чтобы не забросить меня куда подальше — сильно сжимает контейнер, — можешь помолчать часа три, или это в твои полномочия не входит?

В парк мы не пошли, кстати. Там холодно, а мой хозяин такой милосердный. Той ночью меня посещает гостья. Как и раньше, она появляется без предупреждения, я вижу ее стоящей у окна. Ее темное струящееся платье почти сливается с темнотой, я бы сказала даже, раскрашивает ночь цветом опавшей листвы. Голову богини украшают семена клена и ясеневые сережки, пламенеющие ягоды рябины и желуди. Она пахнет осенней землей и дымом костров, холодной речной водой. Запах города.

— Ты должна увидеть истину в желаниях, и станешь человеком. Если не справишься, не усвоишь сей урок, останешься такой до самой своей смерти. Два желания, всего два. Поторопись.

— Грудной голос звучит как колыбельная, усыпляющая каждого, кто ее услышит. Осенняя владычица готовится заснуть, чтобы прийти снова на будущий год. Ее изменчивые глаза теперь глубокого коричневого цвета с остатками желтизны и сентябрьской зелени, смотрят отрешенно.

«Мне нечего бояться, и в такой судьбе нет ничего страшного. Наоборот, только были б, такие как Он, делающие добро другим».

Внутренний холод от ее присутствия распространяется по телу. А жаба недоумевает: «Отчего я не сплю, когда все остальные спят?»

— Похвально, впрочем, ожидаемо. Мой выбор с самого начала был правильный. Но все же, если хочешь вновь стать человеком, думай, решай. Сегодня последний день, завтрашняя ночь все решит, — эхо разносится по комнате, занавеска раздувается пузырем и опадает. У окна больше никого нет.

Урок, какой урок. Увидеть истину. Какую? В каких желаниях? Не опускай лапки, у тебя получится! Может быть...

«Ты вообще учишься или как?» — вопрошаю я, задавшись вопросом, какой же сегодня на самом деле день.

— Да, сегодня как раз должен. Может, я и выгляжу, как ботан, но это совсем не значит, что я такой. Куратор приедет с конференции, и мы должны показать ему курсовые. Я попросил несколько дней на поиск материалов, чтоб успеть завершить к зачетной сессии.

Складывает какие-то бумаги в рюкзак синего цвета.

«А тема какая?»

Поглядывая на меня, злорадно улыбается:

— Никаких желаний.

Печально тяну лапки к груди, туда, где, по-моему, находится сердце.

«Постой, — Степка стремительно отдаляется и исчезает в проеме, — ты разбиваешь мне сердце, подумай об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными!»

— Ты где такого набралась? — показывается очень умная лопухая голова, покрытая щетиной светлых еще волос.

«Люблю телевизор смотреть, — отвечаю, — программы о животных (на деле за всю свою жизнь я посмотрела только одну такую передачу — про самку богомола) — ну, так какая тема?»

— Забота о потомстве разных представителей класса земноводных. — Говорит упрощенный вариант. Для меня.

«И в чем проблема?» — Степка набирает больше воздуха для храбрости. Чтобы соблазн побороть. Я бы не устояла, явись ко мне существо, способное исполнить все желания. Уже была б в числе лучших учениц, как пить дать. «Не дрейфь, что может быть плохого в добыче жизненно важных знаний?»

— Хорошо, но ты знаешь, кто будет виноват, в случае чего, — киваю, про себя говоря: «Знаю, знаю, причина всех бедствий во мне. Я для этого рождена».

— Мне нужны материалы по реобатрахусам, которые вымерли. Я, наверное, слишком принципиален, но просто слизать чью-то работу или идеи мне не улыбается. — Оправдывает свои старания. Или похваляется.

Вот чудак-человек! Лягушки-то вымерли, где ж их взять. Только чужое читать — смотрю с умилением. Не хочет он «просто», сложности любит. Не усложнял бы, давно бы познакомились. Были б друзьями, влиял бы положительно на меня, не сидела бы сейчас в аквариуме.

«Загадывай уже!» — Пока я думаю, оратор успевает наговорить целую книгу, приходится перебить словоизлияния.

С последними его словами заколдованный компьютер оживает и голосом знаменитого телеведущего говорит:

— А теперь перенесемся в Южную землю, где обитают эти удивительные земноводные — заботливые лягушки. О них нам расскажет герпентолог, ведущий специалист по этому виду — Лазарев Степан Антонович. Он несколько лет изучает этот род в естественной среде обитания.

«Ведущий специалист» скромно, в обнимку с рюкзаком, подходит к столу.

«Меня возьми, мне тоже интересно!» — Отступает спиной, пока не упирается в стекло, предоставляя на обозрение вытертые карманы джинсов. Все-таки быть высоким иногда не очень приятно. Для других.

Утвердившись на стуле и посадив меня рядом с собой на стол, Степа неотрывно следит за происходящим на экране. А там показывают его самого, одетого в бежевые рубашку и шорты. Легкоузнаваемый пробковый шлем с ремешком на полях — на голове. В таких шлемах красуются

многие ученые в фильмах. Улыбчивый, загорелый Степан-ученый с экрана вещает о себе и своей работе, а студент с широко открытыми глазами взирает на чудесное зрелище, не замечая, как процессор облепляет икра и, тихо лопаясь, пылью сыплется на ноги зачарованному слушателю.

— Реобатрахусов назвали так, потому что после оплодотворения самка заглатывает около восемнадцати-двадцати пяти икринок, которые проходят все стадии метаморфоз в желудке материнской особи. — Рассказывает двойник, стоя в зеленом-зеленом лесу у берега реки, что лениво течет в иноземных дебрях.

«Ужас, напоминает какую-то инопланетную страшилку», — говорю.

Увлеченный Степка оскорблено шикнул на меня.

Несколько минут я слушала с усердием, но, уразумев, что понимаю лишь некоторые слова, переместилась обратно под родную корягу. Пусть просвещается, может, станет и вправду ведущим специалистом. И мой отец может гордиться — я поспособствовала раскрытию таланта, показала, так сказать, новую звезду на небосводе отечественной науки. Шестое, шестое! Исполнилось! Только истинные желания исполняются — таков твой урок, богиня? Нет, все же началось гораздо раньше. Там, в парке. Я была обижена на весь мир, так в чем я виновата?

Время пролетело незаметно, хозяин говорил охрипшим от потрясения голосом в диктофон об услышанном от своей более головастой экранной версии.

В благодарность за полученные знания Степан приглашает меня принять ванну. Наконец-то! Окунувшись в воду, блаженствую. Жаба, оказывается, невероятная пловчиха — вот где она должна жить.

«Сегодня последний день, я либо просто исчезну ночью, либо ты меня отпустишь. Выбирай». Степка, наблюдающий умильную картину моего заплыва, открыл рот.

— Разве ты не можешь остаться здесь?

Знал бы ты, как я хочу вновь стать человеком! Как же глупо хотеть остаться тут в облике жабы.

«Время чудес прошло, — из-под воды мой мысленный голос, как зов издалека, — к тому же, ты сам говорил, что я приношу одни неприятности».

На этот аргумент у Степана не нашлось ответа.

«И банку не забудь, ту, где об акции написано». Нехорошо чужое брать, вдруг пригодится.

Этим же вечером, повидав больного, Степан вернул меня в парк. Пустынные улицы, заброшенное и одичалое пространство аллей, такие же, как в тот день. И лишь скрытая завесой серых облаков луна иногда показывается — припугнет тьму и тут же скрывается. Фонари, чей свет словно нарочно приглушен, образуют маленькие желтоватые островки. И огромный, дремлющий туман-зверь колыхается во сне, затянув оба берега водохранилища.

Степа идет быстро, хоть и храбрится, но его черная тень наступает на фонарные острова, собственные шаги в тишине пугают.

— Ты не помнишь случайно, где я сидел? — спрашивает негромко.

«Оставь здесь, хозяйка сама меня найдет, — Степан вздрагивает и опускает коробку на лавку, на которой я впервые увидела старую ведьму, — выпусти, не хочу сидеть взаперти».

— Ты же замерзнешь, — волнуется парень, но, все же взяв меня, спрашивает: — на скамейку или на землю?

«На землю», — тротуарная плитка очень холодная, но какая теперь разница. Так будет всегда.

— Ээ... Я тут подумал, — смущается, поэтому мямлит, — может, ты все же нас познакомишь? Меня и Зою.

Несколько секунд, когда смысл его слов медленно внедрялся в мои мозги, я молчу.

«Мы познакомимся! — радостно кричит человеческая половина и самодовольно прибавляет, — еще одно желание для меня».

Для Зои. А что бы она загадала? Только себе, все для себя одной. С жадностью, присущей заглатывающей добычу уродливой жабе. Глупые мечты эгоистичной девочки. Глупые. Стой! Чего я там подумала? Тогда. Кажется так: это такая глупость — желать счастья и любви, когда в вас нет и грамма настоящей веры. Я не верила, но хотела, чтобы кто-то подарил мне мечту. Поняла!!!

— Эй? Ты меня слышишь? Очоченела совсем? Может тебя обратно в банку? — Степан переступает с ноги на ногу, с нетерпением ожидая моего ответа.

«Подожди. Думаю я», — холод земли проникает в мышцы, опутывает тоненькие косточки. Тянет заснуть. Мужественно возвращаюсь к той благословенной мысли, осветившей темное жабье сознание.

«Только те желания, осуществления которых мы искренне желаем, исполняются. Бескорыстные, неотягощённые. Для других. Я права, богиня? А это значит...»

«Она тебя не стоит», — произношу по слогам, собрав все свои ничтожные силы, голос звучит твердо. Вблизи я не вижу, в темноте могу различить лишь его неясный силуэт. Хозяин не двигается, остается надеяться, что я достаточно убедительна.

Степан хочет возразить, но я продолжаю:

«Зоя не такая, как ты. Выпади ей этот шанс — загадала б для себя. При этом кто-то другой должен исполнять ее прихоть».

— Ты откуда можешь знать, вдруг она загадала б иначе? — Стоит на своем.

— Уверен, что иначе.

«Хочешь с ней познакомиться, тогда сделай это сам».

Степа молчит и не двигается. Больше всего мне хочется попросить прощения, но так будет лучше. Хотел быть сильным, пусть делает первый шаг.

«А если хочешь помочь мне с карьерой — загадай другое».

— Другое, что ж, — садится на лавку и обиженно скрещивает руки на груди, — я желаю забыть, что все эти желания исполнила ты. Что они вообще исполнились с чьей-то помощью.

«Будет исполнено, господин», — дрожащим голосом проговариваю, внутри, в сердце, что-то обрывается. Начинаю мысленно плакать. Все закончилось! Последнее желание исполнено.

Что там впереди, по дорожке сосновой аллеи? Передвигая лапки, иду вперед. В темноте он не видит меня, сидит потерянно, будто не знает, что забыл здесь ночью. А золотую пыль уносит ветер в небо, скрывает хитрый туман.

Чем дальше я иду, тем легче становится. Легче и вместе с тем холоднее. Моя пупырчатая кожа светится и медленно угасает, а вместе с ней и мое сознание. Холодно, холодно. Больно.

Мои ребра отдавило что-то твердое и неудобное. Повернувшись на другой бок, стараюсь лечь удобно. Нос уперся в шершавую, пахнущую краской помеху.

— Из года в год люди с какой-то маниакальной надеждой желают в этот день счастья, успехов и здоровья. Никто никогда не подарил на день рождения счастье и хоть маленькую, но мечту. Утратившие веру взрослые будут пичкать небылицами, потому что считают — каждому малышу нужно верить в чудо — пусть хотя бы их жизненный рассвет будет наполнен самым искренним и светлым чувством приходящего праздника. — Слышу свой голос.

— Теперь и ты смогла подарить себе маленькую, но мечту. Настоящее чудо, а не пожалованная кем-то вера, облегчающая дальнейший путь и скрывающая правду.

Чувствую рядом кого-то. Перед глазами — просвет между деревьями и маленькая рыжая белочка стремительно скачет вверх, скрываясь в кроне. Никого.

— Надеюсь, и многое поняла тоже, — доносится издалека. Поднимаюсь на локтях. Я лежу боком на скамье, так и заснула, кажется. Старушка неторопливо идет по тропинке, приближаясь к развилке, и растворяется в лучах восходящего солнца.

— А как же жаба? — прошедшее вспоминается как сон, но поверить в это я не могу. Это не было просто сновидением. Не было!

— Она всегда будет с тобой, — слышу, — умирая, жаба превращается в золотой талисман, который всегда приносит удачу идущим правильным путем.

Нащупала выпуклые звенья цепочки на шее. Это небольшая подвеска в форме жабы. Пора возвращаться домой. Потянувшись, встаю и иду к выходу из парка. По дороге приходится присесть и прыгать на месте — по-другому согреться не получается. Меня ожидает еще один сюрприз — кованые ворота на прежнем месте, украшенные декоративными пиками. Перелезая забор, я рву джинсы. Отношусь к этому флегматично — подумаешь, какие-то джинсы. Сколько ж меня не было, если они ворота поставить успели? Смотрю — на табличке написано, что парк на реставрации уже два года. Ну, бабка, ну, юмористка!

Дома меня встречает мама, одетая и собранная в дорогу. В аккуратной фетровой бежевой шляпке и пальто она сидит в прихожей и ждет чей-то звонок. Впервые замечаю, как мы с ней похожи. Те же волосы и черты лица.

— Ты где всю ночь провела!? — возмущается, вскакивая.

— Мама! — обнимаю притихшую, дрожащую маму и тихо шепчу, — прости.

— Да. Да, — отстраняется и куда-то идет. — У меня там для тебя кое-что есть. — Возвращается с коробкой, упакованной в блестящую бумагу с розовым бантом.

— С днем рождения! — улыбаясь, протягивает подарок.

Не поняла, — вместо подарка беру из маминой руки телефон и смотрю дату на дисплее. И правда — с днем рождения меня.

А в коробке — кукла-марионетка в платье любимой эпохи: укороченное по подолу, с кружевными рукавами, бантиками и рюшами. Чудо, сделанное ее руками.

Прошло почти девять месяцев, когда я увидела Степана вновь, и едва узнала — так изменился. Увлёкся баскетболом и скалолазанием, все же первое желание не прошло бесследно. Стал работать с моим отцом. И папа частенько ставит Балду мне в пример. Что ж, у каждого действия есть свои последствия.

К счастью, теперь отец может заметить и мои успехи тоже. Приемной комиссии я показала, какими вдохновляющими примерами могут стать лягушки и их ядовитая красота, ведь зачастую яркие красотки — самые опасные для жизни. Меня приняли. Возможно, я перестала бояться неудач, поэтому говорила уверенно и легко. Но я верю, что дело в другом. Золотая жаба мне помогает.

В один из летних дней, нагнув голову, чтоб не стукнуться лбом о дверной косяк (похоже, весьма уязвимое место) в нашу квартиру вошел Степан, неся какие-то коробки — папа упоминал об оборудовании.

— Привет, не знаешь, куда поставить? — спокойно спросил он, заметив меня, когда я вы шла из кухни. Прежний смущенный Степка мне милее и ближе. Я надеялась на случайную встречу. Теперь — не знаю, что и думать.

— Ээ... — уши пылают от смущения. Остается только смотреть на свои тапки, на левом, вот, намечается дырка. — Наверное, в папин кабинет. Это там! — неопределенно машу рукой.

— Я провожу, — быстро добавляю я, поворачиваюсь и тут же спотыкаюсь. Позор!

— Осторожно, — говорит Степан мягко, пытаюсь скрыть улыбку.

Смешно ему. И почему я не смеялась, когда ты набил шишку в ванне? Хотя, он же не помнит — про свою экзотическую прическу и массовую уборку, про девочку Веронику и про меня. Тайком смотрю на него, пропуская вперед, в комнату с террариумами. Одевается опрятно, просто — в темные джинсы и голубую рубашку с коротким рукавом. Теперь Лазарев-младший не сутулится, и не такой тощий. И волосы, к его радости, отрасли. Стрижется коротко, чтобы не тор-

чали. Ловит мой взгляд и смотрит в упор. Оказывается, что глаза у него зеленые.

— Прокоп Федотович поднимается. Где можно помыть руки? — вопрос я не слышу, думаю, как же я раньше не рассмотрела цвет его глаз.

— А? Это там! — выдавливаю, думая, какая же я дура. Мне больше и сказать нечего, что ли? — Мы ведь не были знакомы, наверное, я — Зоя...

— Степан Лазарев, — произносит, идя за мной. Волнуюсь сильно, иначе раньше заметила бы: он за мной наблюдает почти неотрывно.

— Я знаю, — вырывается у меня. Краснею так, что жар будто охватывает все: от корней волос до ногтей на ногах, — там мыло есть и полотенце... Вот.

Включаю свет в ванной и ретируюсь в свою комнату. Сердце стучит где-то в горле. Нельзя же так, вдруг я до сих пор ему нравлюсь. Он же стеснительный.

Спустя час Степа собирается уходить, и я, переборов робость, выхожу к двери.

— Степан, а куда ты пойдешь? — спрашиваю, сжимая вспотевшие ладони в кулаки. Отец, выглянувший из комнаты, заинтересованно смотрит на нас, поправив очки.

— Да я кузнечиков наловить для лягушек собирался, — смущенно выговаривает и улыбается. Эта милая улыбка.

— А с тобой можно?

Ползать на четвереньках, пытаюсь захватить скачущее насекомое — счастье. А еще безмятежное летнее небо, и длинные стебли диких злаков, растущих на лугу — счастье. И делать такие глупости вместе с кем-то — тоже.

Пусть все предпочитают не замечать истинных даров. Семен Семенович, попавший в больницу, сумел избежать более серьезного заболевания. Привык не замечать, что здоровье — дар приходящий, нуждающийся во внимании. А Галину Осиповну заверили улыбающиеся организаторы, что свой выигрыш целиком она получит, но не сразу. Бабушка не расстроилась — она знает, что денег не хватает всегда. Независимо от суммы. Они — средство, которым люди покупают чудеса. Но не дар. Жаль, что нужно чудо, чтобы люди не забывали. Например, простую истину, завещанную предками, о том, что дом должен быть чистым. Город — наш дом. Но теперь я не сетую, что люди не дарят мечты, смеюсь над верой в чудеса. Ведь есть те немногие, которым небезразлично место, в котором будут расти будущие поколения. И теперь уже они выходят на улицы. И берега ручьев и парки радуют своей чистотой. И те, что скажут: «Давай поможем» — встречаются на их пути. Есть моя Лилька, готовая поддержать меня во всем, что бы я ни затеяла. Мы шьем платья для кукол в театр, и уже трижды под открытым небом проводились благотворительные спектакли. Я видела замороженную спектаклем Веронику Потапову и ее родителей, поверивших в чудо и смотрящих на мир одними глазами с дочерью.

Чудеса происходят. Они разные, иногда жутковатые. Например, как новое привидение в замке на холме. Члены реставрационной команды в один голос утверждают, что видели призрак лягушки. Особенно часто ее можно увидеть на рассвете. Она сидит на крыше и душераздирающе квакает. А в темные ночи, когда в подвале ходит призрачная владелица замка, лягушка светится потусторонним зеленовато-желтым светом, и кажется, что ей подпевают тысячи соплеменниц. Никто не сомневается, что новый призрак есть, некоторые лишь авторитетно заявляют, что убиенное земноводное — это жаба.

Каждую неделю хожу в парк в надежде встретить там богиню. Потому что, глядя на детей, живущих надеждой, мне все труднее объяснить себе, что чудеса могут делать и обычные люди. Но этого недостаточно. Детям не объяснишь, что чудо редкая вещь, и не от нас зависит, придет ли оно в нашу жизнь.

Да, я полюбила тех немногих людей, находящихся рядом, но иногда мир кажется неспра-

ведливым. Я спрашиваю у неба — неужели мы не заслужили? Чтобы дети рождались здоровыми и росли в мире без войн и катаклизмов. Ответ мне давно известен. В конце концов, один истинный дар никто не в силах отнять у нас. Любовь. Если мы сумеем ее сохранить и приумножить, то не все потеряно. Я обрела веру — это мой сказочный дар родом из детства. Кто-то обмолвился, что ночью, перед праздником Осени, на небе загорелось северное сияние, которое многие видели. Тогда исчезла золотая жаба. Забыто не все! Значит, невероятные события, происходившие с нами, навсегда останутся памятью Города.

*ЕЛЕНА СОКОЛОВА,
16 лет, Краснодар*

ОСЛЕПШИЙ ДОЖДЬ

Площадь залита солнцем. На ослепительно светлой плитке темнеет раскрытый скрипичный футляр. На его чёрном дне поблескивают пятна монет и пестреют купюры. Склонив голову набок и уперевшись подбородком в стан инструмента, девушка водит смычком по напряжённым струнам. Позади неё раскинул толстые ветви платан. Резные тени его листвы упали на пыльную площадь. Лёгкое летнее платье качается мелкими складками в такт движениям, смычок скользит, заставляя скрипку звучать волнующе-нежно. Он как волна: то бросится вдаль, то откатит назад, то задержится на одной струне, погружаясь в тёмную воду.

Остренький локоть скрипачки прорезает душный наэлектризованный воздух. Мимо бежит дорога. Пары горячего воздуха поднимаются от асфальта. Скучающие пассажиры выглядывают из окон автомобилей и нетерпеливо фыркают. Светофор стыдливо краснеет. Стук каблучков, сливаясь с речью людей и храпом машин, дополняет мелодию скрипки многоголосьем. «До», – чеканят сапоги офицера.

Прохожие проносятся мимо и не догадываются, что являются частью оркестра. «Ре», – ворчат грубые коричневые ботинки. «Ми», – плачут рваные сланцы. Их неаккуратный хозяин споткнулся за тем поворотом и теперь чуть прихрамывает на правую ногу. «Фа», – раздуваются с важностью мягкие мокасины. «Соль», – цокают по плиточке дамские туфельки. Их владелица так спешит на свидание, что не бережет каблучков. «Ля», – напевают цветные сандалии в унисон с неразборчивой песенкой крошки-хозяина. «Си», – шаркают старушечьи башмаки попеременно с ударами трости. Так трудно сказать, кому двигаться тяжелее: их старой хозяйке или же им самим. «До», – продолжают играть свою партию тяжёлые сапоги. На них то и дело заглядываются безголосые синие лодочки.

А люди идут и идут, не замечая концерта. То бросят, не останавливаясь, монету, то, не глядя заметят: «Фальшиво!» И если прислушаешься, то покажется, что на площади собираются одни знатоки и ценители музыки. Даже забавно становится оттого, что они же стекаются в местный театр ради буфетов, свиданий или новой темы для сплетен.

Совсем близко гуляет дамочка в сером костюме. Её заботят зеркальце и дороговизна соседкой машины. Мальчик, идущий с ней рядом, вдруг замедляет шаг, чтобы послушать игру. Женщина

отрывает от зеркала взгляд, берёт сына под руку и ныряет в шумную змейку прохожих. Носок её модной туфельки цепляет потёртый футляр – что-то звякает в глубине, и по плитке вмиг разлетаются цветные купюры. Каблучок раздражённо цокает и, горделиво подняв носы, блестящие туфельки удаляются. Девушка напрягается и отрывает смычок. Цок-цок... За ритмичным ходом изящных туфель тянется поникший шорох детских сандалий.

Скрипачка прячет лицо, звуки стихают и тонут в общем звучании. За её полуопущенными ресницами мутнеют невидящие глаза. Девушка поднимает голову, обводит взглядом вокруг и тихо вздыхает. Этот бывший когда-то привычным жест теперь лишился всякого смысла: не возникло перед ней ни белизны раскаленной площади, ни дорожки прохожих. Темнота. Пустота, наполненная звуками, запахами и чем-то отдаленно напоминающим человека, тревожная и пугающая. В такой темноте слишком редко сверкают тельца светлячков. Хрупкие и едва заметные, они появляются неожиданно – как тот мальчик, идущий с равнодушной матерью.

С тех пор, как девушка перестала видеть, ей кажется, что перед ней вместо лиц проносятся души. Она слышит шёпот их мыслей, схватывает бемоль и диез настроений, подмечает переливы эмоций. Потому густая и гулкая чернота с редкими размытыми пятнами света приводит ее в ужас. Проблески встречаются редко.

В нос ударяет сладковатая свежесть. Где-то здесь (скрипачка не видит, но чувствует) притаился кто-то другой. Солнечный жар перебивает прохлада его призрачных и приветливых рук. Слепая тянет к небу зрячие пальцы и замирает. Тук-тук... О кожу бьются, точно сильные музыкальные пальцы, капли воды. Они касаются обветренного лица, ложатся в ладони, стекают к смуглым запястьям. И что в ней такого, в этой воде? Может, сочувствие неземного земле?

Девушка вздрагивает и тревожно двигает головой – так просыпаются от вещего сна. По щеке пролегает блестящей дорожкой тёплая влага. Слепая прижимает к груди драгоценную скрипку и отступает назад, к стволу раскидистого платана: лишь бы не намочить инструмент.

– Как странно... – задумчиво шепчет она, стиснув в промокших пальцах изящный гриф скрипки. На её скорбном лице загорается нежный румянец. – Дождь при палящем солнце! – тихий смех срывается с губ, украшает лицо, но глаза по-прежнему остаются немymi. Их стеклянные отблески наводят тоску.

А, может быть, это друг? Да, да, долгожданный друг-музыкант. Такой же незрячий, как и она сама. Тук-тук... Выстукивает на корпусе скрипки родной незнакомец. Пальцами-каплями пробегает по струнам натянутых проводов, играет на металлофоне машин и на мгновение останавливается: приглашает сыграть дуэтом. Откинув прилипшие к шее волосы, девушка вновь поднимает скрипку. Кажется, что в ослепшем дожде есть черты известного ей гитариста: прошлой осенью славный старик играл по другую сторону площади. Она никогда не видела его, но наизусть знает слова той песни, которую он исполнял так часто. Девушка узнаёт в игре капель её чудный мотив, мысленно вторит бегущим нотам. Два музыканта ни разу не разговаривали, если, конечно, считать беседой простые слова. Скрипачка посылала начало мелодии, а старик отвечал ей... Может быть, это он? Да и будь это кто-то другой, он так чутко чувствовал музыку, что чужим оставаться не мог. Нет, все же дождь. Только вот отчего он ослеп? От равнодушия безликих прохожих?

«До», – дождь с новой силой барабанит по крышам. «Ре», – катится со свистом и гулом по водосточной трубе.

Слепая рассеянно улыбается и привычно выводит начало песни:

Предрассветное серое небо.

Скоро явится солнце и слепо

Свет отбросит на сонную землю,

И живым её звукам я внемлю...

Дождь отвечает ей, перебирая октавы, как когда-то отвечал музыкант. «Ми», – стекают струйки воды по листьям платана. «Фа», – хлюпает в чьих-то ботинках. Летний ливень растекается всюду. «Соль», – капли собираются в лужицы. «Ля», – дребезжит крыша автобуса. «Си», – кто-то жалуется на непогоду. «До», – вновь стучит на вершинах зданий.

Форте, фортиссимо, пиано, пианиссимо: дождь перестает доставать до земли и возвращается к солнцу. Игра прекращается, поредевшие капли, не касаясь промокшей площади, испаряются в воздухе. Подобрал последние струи, дождь замолкает. В тишине, окутавшей город, вновь висит давящая духота. Ливень уносит на небо прохладу и выпускает в недостижимой высоте гибкую радугу: здесь людям не дотянуться до её семицветной дорожки. Жалея прохожих, на которых разгневалось солнце, дождь опустился на землю. Он подарил раскалённому миру свежесть своей живительной музыки. Но когда дары его были отвергнуты, от негодования и горести дождь ослеп. Он не мог больше видеть холодные лица людей. Им не дано услышать прекрасное в дуэте воды и скрипки.

Так кто же слеп: девушка, дождь или сотни прохожих?..

*НИКОЛАЙ СУКМАНЮК,
14 лет, Краснодар*

ОЧЕВИДНО, ЧТО ОЧЕВИДНОЕ НЕ ОЧЕВИДНО

(Иронический детектив)

Шел суровый 1942 год... Марк Виноградов сидел в своей скромной квартире в Свердловске и думал о создании водородного двигателя для первой космической ракеты. Все чертежи уже были готовы, и поощрительная чашка кофе стояла на столе. Но едва Марк потянулся за чашкой, как вдруг результаты полугодовой работы были испорчены разлитым кофе. Рука его дрогнула, оттого что в дверь внезапно постучали.

– Здравствуйте, Марк Павлович!

– Эх, полгода бессонных ночей...

– Что?

Марк внимательно оглядел вошедшего, безошибочно угадав в нём по чёрному кожаному плащу сотрудника органов госбезопасности.

– Ничего! Присаживайтесь... – Марк усадил гостя в удобное клетчатое кресло с откидными ручками.

– Я к вам по делу государственной важности! Вас вызывает генерал Михаил Борисович Сапожников.

Лицо Марка мгновенно приняло серьёзное выражение, а внутри что-то ёкнуло. Сапожников был начальником отдела внешней разведки...

– А в чём, собственно, дело?

– Подробностей не знаю, но догадываюсь, что ваш визит к нему может изменить судьбу войны! Мне приказано заехать за вами. Пройдёмте, пожалуйста, в машину.

Вместе со своим гостем Марк спустился по лестнице. Он не мог подавить чувство тревоги. Кто знает, чего ждать от НКВД! Водитель тронул. Пути назад уже не было. Во время поездки Марк наслаждался красотой городского пейзажа, словно видел его в последний раз. Больше всего

он был расстроен необходимостью приостановить свой 173-дневный проект по освоению космоса. Они приблизились к мрачному серому зданию, которое было хорошо знакомо Марку. На табличке у массивных дверей красовалась надпись золотыми буквами: «НКВД». Обычно от вида этого здания у Марка пробегали мурашки, но сейчас их перебила холодная струя пота...

Они вошли в здание и направились в кабинет №3, на двери которого было написано: «Отдел внешней разведки». В комнате сидел лысый человек и что-то торопливо строчил на бумаге. Это был Михаил Борисович Сапожников. При виде Марка он отложил ручку и начал копаться в бумагах на своем столе. Найдя красную папку, генерал поздоровался с Марком, отпустил сопровождающего и плотно закрыл дверь.

– Рад встрече, товарищ Виноградов, – широко улыбнулся Сапожников, раскрывая папку.

– Как мы знаем, вы не только космический конструктор, но и талантливый детектив, не так ли?

– Это всего лишь хобби...

– Не скромничайте! У вас огромный опыт в запутанных делах. Чего стоит спасение здания Большого театра от диверсии! Приступим к делу... – он принялся перебирать бумаги в папке, – поступила информация о некоем немецком экстрасенсе, который предсказывает военные действия СССР. Мы решили это проверить путем наступлений на противника ротами из 50-70 человек. Места проведения атак были засекречены, но на каждое наше наступление немецкая армия отвечала тысячами солдат! Слава богу, потери были небольшими. Командование решило дать вам важное поручение... Вы должны поехать в Германию под видом генерала фельдмаршала Михаэля Крауса, который недавно был взят в плен нашей контрразведкой, и разузнать всё об этом экстрасенсе. С фельдмаршалом Краусом вы предварительно побеседуете...

Марк слушал генерала, и в его мозгу невольно составлялся список возможных исходов операции:

1. Ссылка в Сибирь за отказ от задания.
2. Концлагерь в случае раскрытия его немцами.
3. Расстрел на Родине за невыполненную операцию.
4. Звание героя Советского Союза в случае успеха.

– Что же вы молчите, Марк Павлович?

– Я полагаю, что это никакой не экстрасенс, а банальный шпион. К тому же не очень умный. Если бы это действительно был экстрасенс, то он бы не советовал немецкому командованию атаковать полсотни солдат тысячной армией. Ну, что ж, Михаил Борисович... Я берусь за это дело! Когда вылет?

– Отлично! Иного ответа я и не ждал. Завтра вечером у вас встреча с Михаэлем Краусом, послезавтра – день сбора чемодана, а на следующий день вы едете в Берлин. Можете идти!

Марк пришел домой и для успокоения нервов стал играть на гитаре, обдумывая план действий. Он уже не волновался, потому что нашёл в данной ситуации много хорошего. Во-первых, риск тренирует нервы, во-вторых, будет возможность потренировать не только нервы, но и знание немецкого языка, и в-третьих, он это делает не для себя, а для своей Родины! Молодой разведчик умылся и лёг спать. А поутру он почему-то пытался вспомнить, как по-немецки будет слово «место»... Но всё было тщетно: ему казалось, что он забыл его навсегда.

Не мороча себе голову, Марк сел в подъехавшее такси, на лобовом стекле которого красовалась табличка «Таксопарк им. 1-го Мая», и отправился на встречу с пленным фельдмаршалом Михаэлем Краусом. Во время поездки водитель услышал звонок телефона. Следует сказать, что это был особый секретный автомобиль НКВД, замаскированный под обычное такси. Он был оснащен недавно изобретенным радиотелефоном. Приложив трубку к уху, водитель услышал:

– Алло, «Май»! Передайте трубку вашему пассажиру!

Шофёр удивился, но не посмел послушаться.

– Молодой человек, вас!

– Привет, Палыч, – услышал Марк знакомый голос генерала Сапожникова, – тут такое дело... Ваше общение с Михаэлем Краусом будет происходить в виде небольшой сценки. Каждые три часа его выводят погулять на свежий воздух, но сегодня мы ему очень слабо замкнём наручники, чтобы дать ему убежать. А вы подойдёте к нему и пообещаете помощь, будто вы немец. Во время разговора вы у него все выведаете. Ну а когда получите необходимую информацию, вы его свяжете и отдадите в наши руки. Так он быстрее расколется. Ферштейн?

Марк кое-как нарисовал себе бороду черным карандашом, растрепал волосы и надел очки. Грим был готов. И «летающей походкой он вышел из Мая». Вскоре перед ним предстал идеально поставленный советскими спецслужбами спектакль: Михаэль как по часам вырвался из наручников и побежал в сторону нашего разведчика. Чтобы привлечь его внимание, Марк, выждав, когда немец был уже рядом, стремительно ринулся вперед и что было силы врезался в беглеца.

– Teufel! (Чёрт! – нем.) – воскликнул Михаэль.

– Извините меня, пожалуйста, – на чистом немецком произнёс Марк, – я очень спешил в аэропорт, чтобы сдать билет до Германии. Дело в том, что я приехал сюда со своим другом еще до войны. Его сегодня арестовали, а я вот испугался и иду сдавать его билет. Я так понял, что вы – немец. Это ясно, потому что вы сказали по-немецки слово «чёрт».

У Михаэля было такое выражение лица, будто он двоечник, и ему сказали, что он сдал школьный экзамен на отлично.

– Умоляю, пожалуйста, не сдавайте билеты! Я – фельдмаршал немецкой армии. Если я полечу с вами в Берлин, то ручаюсь, что вам в первый же день выдадут в три раза больше денег, чем вы заработайте от продажи вашего билета!

– Ну, раз мы братья по несчастью, то можете мне рассказать немного про экстрасенса, о котором пишут в западных газетах? Мне уж до боли интересно, что там творится.

– Да что сказать... Русские настолько глупы, что действительно верят в это. Конечно, это дезинформация. Ни одно секретное подразделение не полагается на стопроцентное мнение какого-то шамана!

– И в каком... м-м-м... – Марк хотел сказать: «в каком месте», но не мог вспомнить нужное слово и поспешно подбирал подходящие немецкие слова. Получилось довольно неуклюже: – В каком «пространстве» проходят настоящие переговоры?

– Они проходят в... Пойдите, почему вы так странно выразились? Вы не немец! Вы...

В голове Марка сразу возникла идея блокировки противника. Ему нужно было только определить вид захвата. Классический или захват с рубящим движением? Но и Михаэль не дремал и в первую же секунду мгновенно сделал движение для классического захвата. Марк не растерялся и, воспользовавшись тем, что немец не посмотрел на ноги детектива, с размаха ударил его по колену. Фельдмаршал ударился грудью об асфальт. Палыч подождал охрану, все осмыслил до конца и поехал домой собирать чемодан.

Ему не доставило большого труда быстро собрать вещи. Чтобы не терять времени, он всю ночь делал грим. То он отдергивал уши пинцетом, то колол шприцем парафин в губы, то фиксировал веки в нужном положении. Сначала это всё казалось бесполезным и даже глупым, но потом чётко стали проявляться контуры лица Михаэля Крауса. Словом, спать не пришлось, а на следующий день Марк оттачивал свои знания немецкого, разговаривая с надутым шариком. Затем на протяжении шести часов Марк не проронил ни слова, так как знал, что перед любой секретной операцией нужно соблюдать гробовое молчание для концентрации. Мало ли что! Ты можешь захотеть сказать слово «молния», а изо рта вывалится «гром».

И вот настало время ехать в аэропорт... Накинув пальто, разведчик вышел на улицу. Во время поездки в автобусе Марк обласкивал взглядом каждого простого, доброго, советского гражданина. Выйдя из автобуса, он направился к аэропорту, где его ждали немецкий вертолет, пилот и генерал Сапожников. При встрече Михаил Борисович дал Марку новейший пистолет ЛЮ-73, обнял разведчика на прощание и пожелал удачи. Палыч сел в удобное кресло вертолета, и летательный аппарат взмыл в воздух. Полёт продолжался в течение пяти часов. Всё это время Марк задумчиво смотрел в окно. До конечной цели оставалось каких-то двадцать километров, но уже виднелся мрачный пейзаж этой страны. На посадке вертолет встречали немецкие военные. Марк гордо вышел из железной стрекозы и подошел к генерал-полковнику Гансу Юргену, который, приветствуя его, выбросил вперед правую руку: «Зиг хайль!», а потом тепло сказал:

– Здравствуйте, Михаэль! Пройдёмте в штаб! А разве вам не сообщили о том, что мы на ваше место нашли другого фельдмаршала?

– Нет, я почти сутки летел из Канады в Германию, и воспользоваться приёмником у меня не было возможности.

– Куда же мы теперь вас денем? Ладно... Мы уже сняли прекрасный дом напротив штаба, имеющий все условия для шикарной жизни, и будем вызывать вас только по наиважнейшим вопросам.

Они сели в «Мерседес-Бенз» и отправились в штаб.

– Чтобы вам было легче, я представлю вам наших людей, участвующих в операции... «Шаман», – говорил Ганс Юрген, водя «Михаэля», то бишь Марка, по кабинетам штаба. – Вот это Ральф Мерден – человек, созданный для стратегий, он может за 5 минут придумать план разгрома всей Югославии, но, как у всех гениев, у него есть свои слабости. К сожалению, из-за увлечения алкоголем гениальные мысли появляются у него не чаще одного раза в неделю. Пройдёмте дальше... Вот это Карл Хаб. Такого морского капитана еще поискать надо! Его прекрасное знание карты и мощи военных снарядов позволяет нам одержать верх в этой войне. Я даже порой подумываю, не англичанин ли он? Дальше у нас идет спец по внутренним делам Кренер Сархен. Он держит солдат армии вермахта в ежовых рукавицах благодаря своим пламенным речам. В пропаганде превзошел самого Геббельса! Именно благодаря ему мы имеем солдат, похожих, скорее, на роботов, чем на людей. И последний, особый случай! Рудольф Хайцен... Человек дьявольски неряшливый и суетливый, но именно он обеспечил внезапность всех атак этой войны путем дезориентации противника. В общем, у нас настоящий отряд серийных убийц. Шучу... Ну, кажется, всё. Вы будете жить прямо напротив штаба, первый же дом. Вот ключи. Третий подъезд, пятый этаж, седьмая квартира. Если вы нам понадобится, мы позвоним. До свидания!

Довольный полученной информацией, Марк вышел из штаба. Плюнув на это здание, разведчик направился к себе, чтобы в тишине подумать и порассуждать. Красивый зелёный дом со множеством архитектурных украшений превзошел все ожидания мнимого Михаэля Крауса. А когда он зашел в комнату, ему, как говорится, «челюстью ногу отбило». Шикарные апартаменты! Марк Палыч не привык к такой роскоши и даже ощутил небольшое неудобство, но, как свойственно всем чувствам, оно у него быстро погасло, и уже через минуту наш скромный разведчик неаккуратно курил, мысленно составляя план действий.

Итак, прежде всего ему нужно было найти место (ох, он теперь уж хорошо затвердил по-немецки это слово!), где проводились тайные собрания.

Не теряя ни секунды времени, Марк стал изучать местность, глядя в окно, и отметил три подходящих дома. Затем он вооружился ранцем, в котором было всё нужное для операции: пальто, кепка, фонарик, парочка бутербродов, бутылка воды, перочинный нож, пистолет и иностранная жвачка. С огромным трудом он смог закрыть ранец. Обойдя первый дом, Марк понял, что он заселен полностью. Провести секретную операцию здесь просто невозможно. Это было настоя-

щим счастьем для разведчика – вычеркнуть здание из списка «подозреваемых». Затем, наш, так сказать, Михаэль посмотрел на высокий мрачный особняк. Он уже хотел было подойти подойти к нему, но его остановил человек с лицом тушканчика, увидевшего орла.

– Нет! Нет! Не заходите в этот дом! Это особняк Мартинсонов! Ходят легенды, что в нём когда-то жил некий душевнобольной, который спалил всю свою семью, а сам попал в психушку, где определили, что он неизлечим и очень опасен для общества. Даже после его смерти весь город был в страхе! Каждому казалось, что он придёт за ним. И все, кто попадал в этот дом, видели собственными глазами призрака. Вы ещё молоды... Послушайтесь моего совета: поберегите себя!

Незнакомец, дрожа от страха, пошел своей дорогой.

– Вот старый дурак, верит во всякие глупости! Только сбил меня...

Но в этот дом Марк всё-таки не пошел, а отправился к третьему дому. Он даже не предполагал, что за красивым фасадом царило ядовитое облако... Утечка газа... При глубоком вдохе Михаэля стало тошнить, и закружилась голова. В таком здании можно проводить совещания только в противогазе! Михаэлю стало не по себе, и он пошел домой. Там он принял душ, поужинал и лег спать. Как-никак, 11 часов ночи... Наутро ему стало лучше. Он вышел из дома, чтобы вдохнуть поток свежего воздуха, но тут из-за забора прямо ему в руки залетела свежая газета. Он развернул её и прочел анонс:

«Шокирующие новости! Карл Хаб во сне кричал: «Сталин, Сталин, Сталин!», и причем, без немецкого акцента. Сегодня в 14:00 состоится суд по этому делу. В суде будет представлена запись криков Карла. А так же в Исландии были найдены залежи...».

– Так, про Исландию это, конечно, интересно, но про Карла интересней. Ну что ж, сейчас 10:30. Я успею. Как раз принаряжусь, поем и подготовлюсь.

Марку вспомнилась характеристика, данная Карлу его начальником, Гансом Юргеном: «Такого морского капитана еще поискать надо!.. Я даже порой подумываю, не англичанин ли он?»

За три с половиной часа Марк хорошенько подготовился и пошел в здание суда. Там он около полутора часов болтал с электриком и за полчаса до судебного процесса уселся в зале заседаний... Потом, закатив глаза, слушал речи прокурора. Ничего интересного – беспочвенные обвинения, поддерживаемые записью с камер наблюдений. Но когда дали слово адвокату, Марк возбудился и три раза щёлкнул пальцами в воздухе. И как по команде вырубился свет! Началась дикая суматоха, все металось и кричали во весь голос. Марк направился к подиуму, но по дороге подошел к Карлу Хабу:

– Don't be afraid, I'll help you! (Не бойтесь! Я вам помогу! – англ.)

Глаза Карла полезли на лоб.

В тот же момент свет магическим образом загорелся. Переполох прекратился, и люди уставились на Марка, которого естественно принимали за фельдмаршала Михаэля Крауса. Стоя на подиуме, тот солидно откашлялся и начал речь:

– Дамы и господа! Сегодня мы разбираем дело Карла Хаба, если его действительно так зовут. Но перед этим, я хочу спросить у всех присутствующих: вы боитесь скворцов? Нет, не смейтесь, я серьёзно! Понимаю недоумение на ваших лицах и сейчас всё объясню. В детстве, когда Карл Хаб жил в Англии, на него налетел скворец, и это превратилось в детскую психологическую травму. Карл кричал не «Сталин», а «starling», что по-английски обозначает: скворец!

Ему снился кошмар с участием скворца. И да, вы не ослышались, он не немец, а англичанин. Его прекрасные знания флота и английский акцент во время бреда, говорят сами за себя.

Желая служить в армии фюрера, он был вынужден скрывать национальность. Придуманная история и жажда командования позволили ему занять высокую должность в Германии.

Он – честный англичанин, а вовсе не русский шпион. Я кончил, спасибо за внимание!

Сказать, что все присутствующие удивились, значит не сказать ничего. Публика ревела и неистово аплодировала, популярность «фельдмаршала Михаэля Крауса» резко возросла. Выходя из здания, Марк пытался оттеснить от себя фанатов, требующих автограф. «Просто цирк какой-то», – с досадой подумал он, возвращаясь домой.

Он уже собирался вернуться к своему заданию – возобновить поиски нужного ему дома, как броневая логика остановила его. Любой человек может зайти практически в любое здание. Если, конечно, оно не охраняется, то он туда легко пойдет... «Вот лёгкие кита! Что же делать? Мне нужно такое место, в которое человек добровольно не сунется, даже если его будут тащить насильно. А-а-а! Что же это? Стоп, точно! Зброшенный особняк, про который мне вчера говорил незнакомец. Это же идеально подходит по всем критериям. Нельзя терять ни минуты!» И Марк, схватив ранец, направился в «проклятое место».

Как и всякий разведчик, Марк был храбрецом, однако, войдя в заброшенный дом, не мог удержать мурашек. Он заходил в каждую комнату с невольным страхом. Где-то здесь, за одной из этих дверей проводилась операция «Шаман», ради которой он и приехал... Долго бродил он по тёмным лестницам, но не нашел ничего подозрительного. Марк уже хотел уходить, как вдруг услышал зловещий вой позади. Резко обернувшись, он увидел страшного человека в смиренной рубашке и с окровавленным ртом. «Ну, всё! – пронеслось в голове. – Поминай, как звали! Так на могиле и напишите: был убит призраком старинного дома». Очень редко Марк терял самообладание, но, к сожалению, это был тот случай. Призрак подошёл вплотную:

– Михаэль Краус?! Ты что, не узнал меня? Мы же с тобой в одном университете учились! Только ты потом на военный факультет поступил, а я на театральный подался. Представляешь, за этой дверью проходит операция «Шаман»! А я тут подрабатываю актёром, чтобы пугать любопытный народ. Ладно, так уж и быть, позволю тебе посмотреть в щёлку.

В кабинете находились все те люди, которых в день приезда Марка любезно представлял ему начальник штаба генерал-полковник Ганс Юрген. А в центре стоял очень высокий человек с завязанными глазами. Это был экстрасенс, который что-то бубнил вслух, а Ральф Мерден (как мы помним, «человек, созданный для стратегий», он же любитель алкоголя), прилежно записывал его слова. Всё выглядело настолько страшно, что Марк невольно побледнел. Решив, что на фельдмаршала Михаэля Крауса сегодня достаточно ужасов, он отправился домой. Если бы день шпиона можно было бы описать двумя словами, то, наверное, эти два слова были: «Ой, мама!» Весь день для Марка был полон суматохи. Он страшно устал и, придя в свою квартиру, лёг на кровать и заснул, как убитый.

Проснувшись, наш шпион нарядился в почтальона и пошел в штаб. По дороге он буквально столкнулся с Рудольфом Хейценом, тем самым, которого начальник штаба представлял ему, как мастера по дезориентации противника. Из маленькой сумочки Рудольфа выпали расческа и два каких-то круга с буквами. Он суетливо собрал всё выпавшее, машинально дотронулся указательным пальцем правой руки до правого полушария головы, а потом, словно спохватившись, нервно «зигнул»... Марк усмехнулся, бросив одобрителный взгляд в сторону Рудольфа, и направился в кабинет Ральфа Мердена. Но, открыв дверь, вместо него, неожиданно увидел Кренена Сархена (специалиста по внутренним делам, который, по словам начальника штаба, держал немецкую армию в «ежовых рукавицах»).

– Тысяча извинений! – смутился Марк. – Я – почтальон, шёл в кабинет Ральфа Мердена и совершенно случайно попал к вам. – Возьмите свои слова обратно! Я не настолько зол, чтобы передо мной извинялся человек, который просто зашел не в ту дверь. Совершенно не сержусь на вас!

Марк был поражен такой любезностью Кренена. В следующий раз он не ошибся дверью. Там действительно сидел Ральф.

- Здравствуйте! Я пришел забрать письмо!
- Ой, пожалуйста, не орите... Вот держите. И ещё... вот деньги!
- Спасибо, извиняюсь за громкий голос.

Разведчик аккуратно вскрыл конверт и бегло пробежал глазами по строчкам письма. Его лицо приняло довольное выражение, губы сложились в улыбку. После такой потрясающей игры по Станиславскому, Марк овладел своей мимикой, вышел на улицу и направился в уже известное нам мрачное здание – особняк Мартинсонов.

Теперь Михаэль уже ни о чём не беспокоился, ведь у него в этом доме был так сказать, «незнакомый давний знакомый». Разведчик сначала попытался залезть в окно, но потом понял, что недооценил немецкую армию, ибо на всех окнах были решетки. Тогда «скалолаз» решил залезть в комнату переговоров через дымоход, но боязнь клаустрофобии остановила его. Последняя надежда была на вентиляцию (потому, что подслушать разговор мешала звукоизоляция), но и этот план провалился, благодаря его «лишним углеводам», попросту говоря, из-за лишнего веса. И тогда Михаэль решил идти другим путём: шевелить мозгами. Искать решение задачи путём логических рассуждений!

Уважаемый читатель, я не люблю растягивать рассказ замысловатыми фразами на подобие таких, как: «напряжённые мысли Марка приводили в движение каждую извилину его мозга». Или: «на его лице появилось такое напряжение, что, казалось, от прикосновения к его лбу можно было обжечься». Очень не люблю, когда автор таким способом пытается растянуть свой рассказ. Но зато мне нравятся такие фразы: «пять минут спустя», «месяц спустя» или «год спустя»... Они двигают действие вперёд и позволяют понять, что для писателя главное не объём, а смысл рассказа.

Четыре часа спустя

- Алле, Михаил Борисович, я узнал, кто стучач! Это абсолютно точная информация.
- Хорошо! Сегодня в 20:00 к вам подъедет человек, который поможет доставить доносчика в СССР. Огромное спасибо за содействие!

Через полчаса, точно в назначенный срок, в дом Марка вошел черноволосый молодой мужчина. Он поздоровался и представился, как Арсений Анатольевич Фонарёв. Марк пожал ему руку:

– Сейчас я всё поясню. Мы немедленно идём в штаб и перехватываем Рудольфа Хайцена. Только без лишних слов!

Марк оделся и пошел вместе с Фонарёвым к штабу. Они встали рядом с дверью.

– А вы точно уверены, что это он?

– Конечно! Вы сами посудите, какие ассоциации вызывает Рудольф Хайцен? Он очень суеверный, потому что большой трус и морально не подготовлен к предательству и шпионажу. Это – во-первых. А во-вторых, из его сумки выпали РУССКАЯ шифровка, которая известна только в России и... расчёска. Заметьте, он совершенно лысый! И в-третьих, он при встрече сначала отдал мне честь по-русски, а только после этого опомнился и кинул зигу. просто от неожиданности перебрал все возможные варианты приветствия. Дальше! У него очень странная привычка причёсывать волосы на руках. А главное, разве вы забыли, что он организовывал внезапность, и, оказывается, смог взломать наш шифр? Вы отправляетесь в Сибирь на полгода! Я вами разочарован.

Марк с каменным лицом собрал вещи, вышел во двор и пошёл в аэропорт, откуда его напрямую отправили «во глубину сибирских руд».

Время, проведенное в Марком в Сибири, описывать не будем: лагерь есть лагерь... Скажем только, что Марк закалился физически и приобрёл множество друзей, ставшими единственной отрадой его нелегкой жизни. Однажды к нему подошел его лучший друг Денис.

– Посмотри, Марик, я дописал вчера книгу. Философскую!

– «Очевидно, что очевидное не очевидно»... – прочел Марк название, – Интересно! Дай почитать. То есть, ты утверждаешь, что если перед тобой лежит вещь, то ты, с вероятностью 68%, при желании найти, не заметишь её? Точно! Ты – гений! Все абсолютно сходится. Мне срочно нужно в Свердловск! Я всё понял!

Марк кинул лопату в снег и побежал к аэропорту. Там он встретил стюардессу, которой во время заключения помог раскрыть дело её покойной бабушки. Он попросил её помочь добраться до Свердловска. Женщина не смогла ему отказать, ибо была благородных кровей. Марк больше не на полпроцента не сомневался. Любое действие в его доказательствах вело к противодействию. Не теряя ни минуты, бывший Михаэль вбежал в здание НКВД. При виде Марка испуганный Михаил Борисович сразу нажал на оранжевую кнопку на столе. Через четыре секунды в дверь ворвались люди в масках, скрутили детектива и уже хотели его увести, как вдруг...

– Дайте мне двадцать минут, это вас впечатлит!

Михаил Борисович со взглядом человека, которого удивит только деление на ноль, поднял медленно руку, и охрана остановилась, встав позади Марка.

– Я понял, кто стукач! И назову его вам... но при одном условии! Если мои доводы окажутся истинными, то я отсиживаю свои законные два месяца и только потом возвращаюсь домой: жаль расставаться с друзьями! Ну, а если нет, то я вдобавок отсиджу ещё четверть года за побег из лагеря.

Генерал, пожав плечами, кивнул, а Марк продолжал:

– В своём расследовании я пытался найти лазутчика из людей, участвующих в операции «Шаман». Первое подозрение пало на Карла Хаба. Но вы сами понимаете, что английский шпион, который внедряется в немецкое правительство, чтобы рассказать о военных атаках СССР под предлогом экстрасенса, – это звучит абсурдно, как произведение Даниила Хармса. Дальше у нас идет Кренер Сархен, спец по внутренним делам. Его красноречивости нет приделов. Я лично слушал записи его речей. Русский шпион никогда бы не потребовал «взять слова обратно» из-за извинений. Даже я бы кратко ответил: «Да ладно!». И к тому же у него такая профессия, где при малейшем неправильном звуке твоя репутация резко пробьёт дно твоего авторитета. И наконец, Ральф Мерден. Он очень любит «понижать градус», это уже звучит противоречиво по причине миллион-процентной вероятности рассекречивания личности. Но это еще ничего не доказывает. А доказывает... вот это письмо, отправленное им к своей жене, в котором указываются подробности, известные только жене. Любая отправка писем на сомнительный адрес грозит полной проверкой личности, которую Ральф бы не выдержал. Все варианты кончились бы, если бы не одно «но»... Как часто вы стираете свой свитер?

Генерал оторопел от неожиданного вопроса. Он действительно всегда носил под мундиром шерстяной свитерок. Часто, оставаясь один в кабинете, он снимал китель и вешал его на спинку стула, оставаясь в одном свитере.

– Раз в неделю!

– Пожалуйста, не лгите. Эта ручная вышивка, с надписью на спине: «Дорогому Мишеньке на прощанье от Александры Ивановны»... Вы очень любили свою бабушку! Это подтверждает тот факт, что у входа в ваш кабинет висит портрет пожилой дамы с милым ребенком. Вы сказали, что это портрет кисти Репина, сделанный по вашей просьбе. Но на тот момент, когда вы могли бы попросить написать картину, Илья Ефимович уже не творил... На полотне не кто иной, как вы и ваша бабушка. Именно из-за вашей любви к ней, вы не стираете свой свитер и не снимаете его. Это мог знать только ваш очень близкий друг. Не припоминаете Льва Артемовича Шпингалетова? Он же ваш лучший друг, занимавший пять лет назад вашу должность. Но в какой-то момент

его арестовали то ли за драку, то ли за разглашение тайн, в общем, его сослали (как и меня) в Сибирь. Через три года он пропал. А точнее, он отправился в Германию, где под видом экстрасенса разбалтывал все военные планы СССР. Но ему нужна была информация о наших атаках, и он пошел на хитрость. Зная, что при его отстранении вы займете его должность, Лев пригласил вас поехать в Сибирь и, прощаясь, незаметно прицепил вам на свитер жучок, передающий ему всю информацию о военных действиях. Он знал, что из любви к бабушке вы почти никогда не снимаете этот свитер. Донесения «экстрасенса» были не всегда точны только из-за того, что вы говорили, например: «Первая рота идет туда, а вторая рота идет сюда». Лев не знал количество солдат в роте и просто каждый раз подстраховывался. Вот чем объясняется тот факт, что на 50 наших бойцов немецкое командование иногда посылало тысячу своих солдат. И вот еще интересная ситуация: почему Лев не услышал того, что вы высылаете меня на спецоперацию? Да потому, что в тот день было настолько жарко, что вы не выдержали и сняли свитер.

Марк подошел к начальнику отдела разведки, сорвал с его свитера маленький жучок и раздавил его ногой:

– Теперь без информации Лев – никто и звать его никак! И не лев это вовсе, а жалкий котёнок!

Михаил Борисович был в шоке от пронизательности Марка! На следующий день Лев был разоблачён, Михаил удовлетворен, а Марк награжден.

За помощь Родине во время Великой Отечественной войны Марку Павловичу Виноградову была вручена звезда Героя Советского Союза.

*ДАРЬЯ ЛАКИЗА,
17 лет, Анапа*

СКАЗКА ДЛЯ ПАПЫ

В тот год зима выдалась неснежной. Впервые за весь декабрь облака не одарили промёрзшую землю ни единой снежинкой. Сами понимаете, что такую трагедию тяжелее нас, взрослых, переносят дети.

Колька грустил по прыжкам в сугробы, постройкам снежных крепостей, ледовым горкам... Садик закрыли на время – из-за морозов лопнула труба.

Мишка, друг сына, болел, и к нему Коля не мог сходить. Остальные друзья либо жили жутко далеко, либо были сражены коварным гриппом или ангиной. Во все игрушки и настольные игры сын ещё в начале неожиданных каникул переиграл, и теперь ему было тошно смотреть на них. Его лучшими друзьями стали телевизор и приставка Денди.

Наша мама Аня стала жаловаться:

– Ни книжки читать, ни играть он не хочет! Не оторвешь от телевизора! Сделай что-нибудь, пожалуйста!

И я сделал. Вечером, когда Коля, поковырившись в тарелке, вылез из-за стола и собрался уйти, я придержал его за плечо.

– Куда это ты, дружок?

Сын захопал ресницами. Испугался, должно быть, ведь я долго никак не реагировал на его «сбегалки» с ужина.

– Да там сейчас эти... «Утиные истории» начнутся... – как зажатый кошкой мышонок, пропищал он.

– Не-не-не, – покачал я головой. – Телевизора сегодня не будет. Иди-ка ты лучше собирайся.

– Куда? – удивился Коля.

– На улицу пойдём! – усмехнувшись, ответил я.

– Зачем? – скис мальчишка. Наверное, он надеялся, что я поведу его в кинотеатр или цирк. Перспектива обычной прогулки по собачьему холоду, укутанным в сто слоёв, его несколько не

устраивала. Тогда я проявил смекалку.

– А ананас хочешь?

Глаза у Кольки загорелись. Ещё бы! Лакомство, которое мы покупаем разве что только на праздники, вдруг просто так!

– Конечно! – и он унёсся быстрее вихря.

Мама вздохнула – она против. Но, видимо, Аня была готова на всё, лишь бы Колька хоть один вечер отдохнул от телевизора. Поэтому, помотав головой, она тихо попросила купить моркови и картофеля – завтра на суп.

Сын вылетел из подъезда, подгоняя меня криками:

– Папа, быстрее! Папа! Пап!

Пришлось наскоро запихнуть в себя котлету, быстро собраться и выбежать за ним. Коля прыгал впереди меня, но, когда началась череда дорог, я взял его за руку.

Мальш шмыгал носом и поправлял большую ушанку, которая постоянно сползала ему на глаза. Ожидая, пока зажжётся зелёный человечек, сынок ковырял концом ботинка ледяную корку лужи. Пару минут он шёл, молча рассматривая чистое звёздное небо, а потом вдруг поинтересовался:

– Пап, а откуда берется мороз?

Я улыбнулся, брякнув:

– Дед Мороз приносит, конечно.

– А снег?

– А снег... Его тоже делает Дед Мороз.

– Он что, живёт на небе?

– Не-е-т... – вспотев, ответил я. – В Устюге...

– А кто тогда разносит его?

– Олени! – крикнул я. Ну и заврался, ну заврался...

Может, я и сказал бы ему, что пошутил, но Колькины глаза так засияли, а губы почти неслышно, но так ласково повторяли последнее сказанное мною слово, что я не осмелился испортить ребёнку сказку.

В магазине улыбчивая продавщица подала Коле пузатый ананас-богатырь, я купил овощей, а сын посоветовал взять ещё хурмы, чтобы порадовать маму.

Этим вечером к ананасу никто не притронулся. Колька до ночи прыгал за мной и пытался разузнать как можно больше о волшебных оленях. Спасла меня Анечка – напоила сынишку тёплым молоком с мёдом, спела ему колыбельную, и маленький сорванец окунулся в мир грёз, прямо как его нос в молоко.

Следующее утро началось с громкого шёпота прямо в ухо:

– Пап... пап! Па, ты спишь?

Кряхтя, я сел в кровати и недовольно прогудел:

– Уже нет... Что такое?

– Я есть хочу! Пойдем завтракать! Ма-ма! – принялся он теревить плечо Ани.

Спасая жену от недосыпа, я подхватил сына на руки и утащил на кухню. Пожарив картошечку с яйцом и накормив Колю, я поинтересовался у него, зачем он подскочил в такую рань.

– А я гулять хочу.

– С утра? – уточнил я.

– С утра. Чтобы оленей приманить.

– Чем собираешься приманивать? – с улыбкой уточнил я.

– Морковкой. Папа, ты что, не знаешь, что олени едят?

– А почему ты думаешь, что они её едят?

– Я в зоопарке их кормил прошлым летом.

С утра ярко светило солнце, но на улице всё равно было холодно. В этот прекрасный солнечный день мне было стыдно как никогда. Сын протащил меня по всем улицам города, подзывая:

– Олени! Оленешки! Оленята!

После лёгкого щелчка по носу и строгого замечания он притих и молчал вплоть до нашего прихода на детскую площадку. Обычно веселящийся здесь до изнеможения Колька сейчас один разок скатился с горки и сел на край скамейки, не весело болтая ногами и не поднимая глаза. Может быть, он разочаровался, что не нашёл волшебных созданий, а может, на меня обиделся.

В любом случае в его грусти был виноват я – дёрнуло меня вчера ляпнуть про Деда Мороза и оленей, вот уж дёрнуло. Я стыдливо отвел от малыша взгляд – неприятное чувство вины окрасило мои уши, будто я не взрослый человек, а какой-нибудь мальчишка. Глупый бестолковый мальчишка, который сначала говорит, а потом думает.

Вздыхнув, я решил рассказать сыну правду и уже обернулся, чтобы сделать это... Вот только не увидел я сына. Облазив все места на площадке, заглянув под каждую горку и скамью, я не на шутку перепугался – ребёнок исчез!

В отчаянии я стал звать:

– Коля! Коленька!

– Па, – услышал я родной голосок. Посмотрев назад, я увидел маленького сорванца. Он стоял у парка, который сам любил называть «лесом», из молодых ёлочек и...

Вот тут я действительно задумался: а не сошли ли вы, батенька, с ума со страху? Рядом с моим сыном, махая ушами и хрумкая морковку, гордо перебирал ногами олень. Белый олень. С рогами. Кажется, настоящий.

– Это что такое? – хотел спросить я, но не спросил. Мне вдруг подумалось, что, если я скажу эту сугубо взрослую, сухую фразу, вся детская сказка исчезнет, растает, как снег, который мы никак не дождёмся.

Поэтому, проглотив ещё не вырвавшиеся слова, я подошёл к сыну и оленю. Создание подняло на меня тёмные глаза, в которых отражалось небо. Мотнув головой, олень коротко гукнул.

– Погладь, – шепнул сынишка.

Я протянул руку к мордашке волшебного существа. Навострив уши, олень дотронулся до потной ладони мокрым холодным носом. Я вдруг почувствовал себя маленьким: и сосны неожиданно рванулись вверх, всё выше и выше к небу, и люди вокруг дружелюбно заулыбались, и на деревьях замерцали волшебные огоньки.

– Сказка... – выдохнул я, поглаживая спинку дарующего счастье.

– Сказка будет завтра. Он обещал принести снег. А ещё прокатить нас до дома!

– Не, спасибо, это без меня. Для меня он слишком мал.

Олень завыл, подхватил Колю на спину и замахал ушами.

– Ну, хорошо!

Олень подпрыгнул и взмыл вверх, к ветвям. Колька засмеялся, а я испуганно огляделся – что люди подумают? Но все вели себя так, будто каждый день видят белоснежных оленей с прозрачными ледяными рогами и сияющими копытцами.

Через пару кварталов мы были у нашего подъезда. Сынишка спрыгнул с волшебного зверя, обнял его и скормил последнюю морковку. Гукнув, олень будто поклонился, а потом направился к «лесу» из сосенок и в нём же исчез. Только белоснежный хвостик долго мелькал вдали.

Колька с радостным визгом перепрыгивал через три ступеньки сразу. Забежав в квартиру, он прижался к маме и поцеловал её в щёку.

– Вот это вы долго, я уже стала волноваться. Голодные, наверное? – немного укоризненно

улыбнулась она.

– Очень! – за двоих ответил сын.

Съев всю свою порцию и попросив добавки, Колька сделал нам чай, заваривая который, успел незаметно стащить пару кусков сахара. Открыв окно, он положил их на подоконник со стороны улицы, а потом убежал в свою комнату. Он сидел там долго и очень тихо. Я заглянул к нему ближе к девяти. Сын уснул прямо за столом, уткнувшись носиком в книжку. Уложив мальчишку в постель, я собрался уйти, но перед этим посмотрел книжицу, которую так увлечённо читал Коля. «Серебряное копытце и другие повести» гласила обложка.

Утром наша квартира проснулась от топота детских ножек и радостного громкого шёпота. Хлопнула входная дверь. Я поднялся с кровати, заботливо укрыл Аню одеялом и выглянул в окно. Улицу засыпало снегом, сугробы украшали каждую лавочку, а ребята уже всю обливали снежную горку водой.

Я улыбнулся – заметил среди них Кольку.

Сделав себе кофе, я задумался: а не приснилось ли мне вчерашнее? Надо будет спросить у сына, когда он вернётся. Открыв окно и вдохнув морозный воздух, я вдруг вспомнил кое-что и осторожно пощупал снег на подоконнике.

Сахара в нём не было...

*ИВАН ЛЕЕР,
11 лет, Анапа*

ПРИТЧА

Случилось это давно.

Жил на свете человек, и звали его Разул. Он был женат и имел детей, но был бедным. Разул работал пахарем и каждый день пропадал в поле с утра до позднего вечера. Когда он уходил на работу, жена давала ему свёрток, в котором лежали две луковицы, соль и кусок хлеба – деревенская лепёшка, которая пеклась на воде и муке. Разул с благодарностью воспринимал заботу жены о нём и понимал, что обед скуден, потому что невозможно заработать больше, чем он может.

Однажды в полдень Разул сел под дерево в тенёк, чтобы поесть. И вдруг услышал голос: «Хотел бы ты разбогатеть?» Разул, не думая, ответил: «Конечно, да!»

«Тогда возьми этот браслет, надень его на руку, но помни: когда ты его наденешь, всё, к чему ты прикоснёшься, тут же превратится в золото».

Разул посмотрел: около его ног лежал красивый браслет, который сверкал и переливался всеми цветами радуги, выглядел очень дорого и богато. Разул смотрел на него заворуженно. Он надел браслет и прикоснулся к камню, и тот тут же стал золотом...

Разул решил сначала поесть, а потом уже сделать золото из камней. Он взял в руки лук, и лук стал золотом. Разул решил снять браслет и понял, что, если он прикоснётся к себе, тоже станет золотом. В ужасе он подумал, как же будет есть и пить....

И... вдруг он проснулся.

Он очень обрадовался, поднял руки к небу и сказал: «Как хорошо жить! Вечером дети наловят рыбы, жена её пожарит на костре, и мы все вместе будем ужинать».

*ЗРАЖЕВСКАЯ ПОЛИНА,
15 лет, Краснодар*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

(Эссе)

Некоторое время назад в Литературном музее Кубани я посетила выставку «Он думал, чувствовал, он жил...», посвящённую памяти известного кубанского поэта Виталия Борисовича Бакалдина. Особенно привлёк моё внимание тот факт, что после окончания Краснодарского государственного педагогического института Виталий Борисович преподавал русский язык и литературу, а после был завучем в железнодорожной школе № 58, нынешний лицей №12, где я сейчас учусь, а также учились мои любимые бабушки.

Наша школа, где проходила учительская деятельность поэта Виталия Бакалдина, была в 50-60-е годы прошлого столетия знаменита на всю страну. Ведь с 1943 по 1985 год ее возглавлял Фёдор Фёдорович Брюховецкий (16(29) мая 1915 – 18 марта 1991гг.). Это знаковое имя в советской педагогике. Фёдор Фёдорович Брюховецкий – выпускник Краснодарского государственного педагогического института, заслуженный учитель РСФСР, кандидат педагогических наук, преданный последователь и активный творческий разработчик идей Антона Семёновича Макаренко (1888–1939) – талантливого советского педагога-новатора.

Осенью 1949 года молодой педагог Бакалдин буквально со студенческой скамьи стал работать учителем русского языка и литературы в старших классах. Мне было очень интересно и приятно узнать, что знаменитый поэт работал обычным учителем в той же школе, где сейчас учусь я.

На выставке в Литературном музее Кубани, о которой я уже упоминала, в экспозицию были включены материалы, рассказывающие о дружбе и совместном творчестве Виталия Бакалдина и Вагаршака Мхитаряна. Тесное учительское сообщество связало воедино этих двух молодых педагогов крепкой дружбой. Два друга-учителя в соавторстве написали пьесу «Человек с последней парты» (1959), которая шла в Краснодарском театре драмы им. Горького и имела большой успех у зрителей. Это произведение о школьной дружбе, о верности и предательстве, любви к Родине, единстве и преемственности поколений.

Для Вагаршака Мхитаряна эта любимая, волнующая тема – о школьной жизни, школьных проблемах и заботах – оказалась ключевой: первым литературным произведением В. Х. Мхитаряна стала повесть «Год – тринадцать месяцев» (1965), рассказывающая о школе, молодом учителе и его классе.

Вот так, на выставке, посвящённому одному писателю, я почти случайно узнала о творчестве другого и очень им заинтересовалась. Мне очень захотелось прочитать эту книгу! Но как оказалось, с 1965 года она не переиздавалась целых 50 лет! Позже я узнала, что только через полвека сын В. Х. Мхитаряна сумел переиздать ее совсем небольшим тиражом.

Я отыскивала эту книгу в фонде Краевой библиотеки имени братьев Игнатовых, начала читать и не могла оторваться до последней страницы! Интересный сюжет, яркие персонажи, образный язык, юмор, а иногда и беспощадная ирония... Казалось бы, повесть о советской школе конца 1950-х годов, а все герои как будто нынешние, живые, словно вышли из моего класса, а учителя так похожи на наших! И все школьные проблемы, заботы – абсолютно современные, словно и не было этих 50 с лишним лет, за которые так неузнаваемо изменилась наша страна.

Как молодому педагогу найти общий язык с трудным, «неуправляемым» классом? Почему одних учителей дети любят, а других – нет? Как сделать, чтобы детям было интересно учиться, чтобы они с радостью бежали в школу? Как добиться, чтобы родители учеников помогали учителю в воспитании детей, были союзниками, а не соперниками? На мой ученический взгляд, это актуальнейшие вопросы!

Кроме того, читая, я сделала ещё одно удивительное открытие. В повести не назван город, где происходят события. Но множество деталей, отдельных эпизодов, коротких пейзажей помогают узнать наш Краснодар. Перечитав книгу, я убедилась: да, это Краснодар, мой родной город. Более того – школа, где работают и учатся герои, по описаниям очень похожа на нашу, 12-ю, и недалеко расположенную 36-ю. А ведь именно в этих школах работали друзья-писатели В.Б. Бакалдин и В.Х. Мхитарян. Правда, обе эти школы – старой постройки, а в повести – новостройка. Но и школы-новостройки 1950-х годов поблизости есть: 35-я и 48-я, и в обеих в 50-е годы XX века, как в повести, были разбиты яблоневые сады.

В моем воображении на страницах повести оживали улицы города, парки, новостройки, узнаваемые реалии 50-60-х годов прошлого века.

Если собрать воедино все географические и исторические детали, то ни у одного краснодарца не возникнет сомнений, что город, в котором происходит действие, это именно Краснодар.

Перелистаем же несколько страниц повести, сопоставим факты и проведем аналогии:

Текст: *«Наш город сравнительно молод. Я знаю его историю. ...Эта улица названа именем комдива, погибшего в неравном бою с белоказаками».*

В повести речь идет о Сергее Парменовиче Захарове – командире Красной Армии, участнике Первой мировой и Гражданской войны. Будучи командиром 22 стрелковой дивизии, воевавшей на Южном фронте против генерала Деникина, он во время боев за Екатеринодар 17 марта 1920 года был тяжело ранен, пленен белоказаками и расстрелян. Памятный знак – один из старейших монументов города Краснодара – установлен в 1928 году на улице, которая носит имя комдива Захарова.

Текст: *«...медленно проезжали по широким улицам, на которых выросли высокие дома-близнецы».*

Оказывается, в середине 1960-х годов по проекту архитектора Титова А. В. был построен комплекс по ул. Мира, занявший всю сторону квартала между Красной и Красноармейской улицами: три девятиэтажных дома-«близнеца», расположенные в ряд вдоль улицы Мира. Представляете, я часто прохожу мимо этих домов по пути в библиотеку!

Текст: *«Мы вышли на главную улицу и скоро очутились у двери магазина «Старая книга»».*

Магазин «Старая книга» в Краснодаре находился на главной улице города – Красной и пересечении с ул. Гимназической. Сейчас на этой стороне квартала (восточной) расположен комплекс Дома книги и площадь перед ним.

Текст: *«Вскоре мы уже качались в троллейбусе, наслаждаясь безопасностью. Сошли на конечной остановке. Я привел Витьку в парк. Здесь было пустынно и уныло. Редкие парочки,*

тихие и грустные, бродили по главной аллее, как наказанные по школьному коридору».

Маршрут городского троллейбуса в 1960-е годы проходил по улице Шаумяна (ныне Рашпилевская), его конечная остановка называлась «Городской парк».

Получается, что, хотя в повести автором не назван город, в котором происходит действие, он узнаваем по множеству характерных деталей, и речь идёт именно о Краснодаре.

Как же мне хотелось разобраться, о какой же школе Краснодара идёт речь в повести!? Школа № 55 – название вымышленное, т.к. школы с таким порядковым номером в 1950-е годы в городе просто не существовало, самым «крупным» был номер 51. Однако у железнодорожных школ была своя нумерация общесоюзного масштаба, и по этой нумерации школа Ф. Ф. Брюховецкого имела № 58.

Я узнала, что в те года, кроме строительства новых школ, в городе восстанавливались старые школы, реконструировались, перестраивались с учетом новых условий и требований жизни. Так, старые школы в центре города Краснодара обретали «новую жизнь» в послевоенное время. Это школа № 2 (1921 года постройки); школа № 8 (1913 года), школа № 58 (сейчас лицей № 12); школа № 47 – была открыта в 1938 году, восстановлена в 1954 году; школа № 36 (сейчас гимназия № 36).

Получается, несмотря на то, что в повести говорится о школе-новостройке, на самом деле это, скорее всего, школа «старого фонда», «маленькая», небольшая по площади, где тесно, где нет актового зала, где группа продленного дня работает на лестничной площадке из-за постоянного дефицита необходимой площади для учебного процесса и даже есть помещения, предназначенные для квартиры директора, но приспособленные под нужды школы.

Я пришла к выводу, что образ школы в повести – собирательный. Но, по большинству признаков, её «прототипами» стали две школы – № 58, где работал ближайший друг автора В. Б. Бакалдин, и № 36, где работал сам автор.

Образы педагогов в произведении тоже имеют вполне реальных прототипов. Дружба автора с В.Б. Бакалдиным, образы его друзей, близких, коллег, соратников нашли яркое отражение в повести.

Вагаршак Христофорович использовал в повести фамилии своих одноклассников по школе № 37, в которой он учился до 8 класса. Пятиклассники Юра Вертела, Вова Радченко, Коля Шушин, Наташа Барабак, Лариса Стрекозова и их вожатые-десятиклассники Валентина Гойда, Женя Жолохова носят имена и фамилии реально существовавших краснодарских школьников 1936 года. Даже внешность некоторых героев «списана» с реальных прототипов: Лариса Стрекозова – красивая кокетливая девочка, старшеклассница Женя Жолохова – довольно полная девушка с толстой длинной косой.

Поэтому можно смело предположить, что прообразами ребят – героев повести – послужили одноклассники и ученики Вагаршака Мхитаряна.

А вот что касается учителей, здесь вопрос сложнее. Какие-то черты прототипов угадываются сразу, какие-то не так узнаваемы и потребовали долгих сопоставлений и размышлений.

Хочу представить среди наиболее ярких образов: главный герой Григорий Иванович Горский, директор школы Дора Матвеевна, завуч Василий Степанович, учительница русского языка и литературы Виктория Яковлевна Корнева.

Главный герой книги – Григорий Иванович Горский – вчерашний выпускник пединститута, только что окончивший исторический факультет, впервые перешагнувший порог классной комнаты в качестве учителя.

Вагаршак Мхитарян и Виталий Бакалдин тоже были выпускниками пединститута. Молодые педагоги были близкими друзьями, коллегами, работали в школах, которые находились в центре города, жили рядом друг с другом, были едины в своих взглядах, мировоззрении и идеалах.

И в повести очень четко прослеживается эта тесная связь: переплетение характеров Вагаршака Христофоровича Мхитаряна с Виталием Борисовичем Бакалдиным. Можно предположить,

что образ Григория Горского – собирательный и соединил в себе черты самого автора и его ближайшего друга Виталия Бакалдина.

Прототипом директрисы школы может быть только Анна Никоновна Краева, возглавлявшая школу № 36 с 1935 по 1974 год.

Бросается в глаза внешнее сходство двух директоров: «Я смотрел на Дору Матвеевну и действительно не мог найти ни одного пятнышка. Не принимающее загара лицо ее молочного цвета даже в гневе покойно и чисто от туч. Тонкие иссиня-черные волосы в буклях не потеряли своего блеска. Темно-коричневое платье дорогой шерсти, свободно облежавшее ее большую, без излишеств, фигуру, блистало новизной».

Именно Анна Никоновна Краева была тем самым директором, который не побоялся взять на работу молодого педагога Мхитаряна. К тому же в 1950-е годы она была единственной женщиной-директором среди руководителей центральных краснодарских школ. Кроме того, власть, авторитарность Доры Матвеевны, её ровный, холодный тон в общении тоже напоминают манеру поведения Анны Никоновны. Наконец, некий намёк дает и сходство редких имён: устаревшие, архаичные имена и отчества обеих героинь.

Повесть В.Х. Мхитаряна посвящена памяти Антона Семеновича Макаренко. В повести есть герой, который сам является ярким представителем «макаренковской педагогики» и призывает молодого учителя последовать тому же примеру – это завуч Василий Степанович, прототипом которого я считаю Федора Федоровича Брюховецкого. Умный, спокойный, деловитый, доброжелательный, он умеет мгновенно и правильно оценить ситуацию, дать точный совет, «зарядить» молодого коллегу оптимизмом, поддержать любое, самое дерзкое начинание, если оно идет на пользу детям.

Возглавив школу в 1943 году, Федор Федорович Брюховецкий сумел за 30 лет создать свою систему воспитательной работы. Именно ему и его коллективу принадлежат идеи праздников и традиций, давно ставших всенародными: «День знаний», праздники Первого и Последнего Звонка, праздник Букваря, праздник «За честь школы» и многие другие.

В повести мы видим, что главный герой как раз и пытается создавать нечто подобное, а завуч его активно поддерживает.

Обаятельный женский образ Виктории Яковлевны Корневой освещает страницы повести. Она талантливый педагог, которого обожают дети, сумела воспитать из своего не очень дисциплинированного класса сплоченный коллектив настоящих лидеров, активистов, застрельщиков всех интересных дел в масштабах школы. Она умна и остроумна, добра и справедлива, наконец, очень привлекательна внешне. Молодой герой влюбляется почти сразу, и его не пугает ни разница в возрасте (Виктория старше него), ни то, что она в одиночку воспитывает пятилетнюю дочь. Горский уверен, что только Виктория Яковлевна сумеет стать ему настоящим другом и спутником в жизни. А то, что они коллеги, лишь способствует взаимопониманию.

На мой взгляд, поскольку у главного героя два прототипа, то и прототипов образа Виктории Яковлевны тоже может быть два. И это, конечно, две учительницы, коллеги, две прекрасные женщины, полностью разделившие взгляды и педагогические убеждения своих супругов: жена В.Б. Бакалдина, учитель русского языка и литературы Евгения Владимировна Грановская и жена В.Х. Мхитаряна, учитель иностранного языка Алла Владимировна Преображенская. Обе они были для своих мужей надёжной опорой, коллегами и соратниками на протяжении всей долгой и плодотворной жизни этих талантливых людей.

Вот так маленькая школьная повесть Вагаршака Мхитаряна «Год – тринадцать месяцев», кроме того, что стала одним из моих любимых произведений, пробудила во мне дух исследователя. И точка еще не поставлена, ведь оказалось, что не существует более-менее подробной биографии Вагаршака Мхитаряна и его творчество ждет своего открытия. Но это уже совсем другая история...

